

Правительство Республики Хакасия

Министерство образования и науки Республики Хакасия

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

**НАСЛЕДИЕ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО, ТЮРКОЛОГА,
ДОКТОРА СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ВОСТОКОВЕДА
НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА КАТАНОВА**

Материалы
Международной научной конференции,
посвящённой 150-летию со дня рождения учёного
16–19 мая 2012 г.

Том I

Абакан
Хакасское книжное издательство
2012

УДК 94(47)
ББК 72.3г(2) Катанов Н. Ф.
Н 31

Печатается по решению Ученого совета
Хакасского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории
(протокол № 2 от 26 марта 2012 г.)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *В. Н. Тугужекова* (ответственный редактор);
канд. ист. наук *Н. А. Данькина*
д-р филол. наук, профессор *А. Л. Кошелева*
канд. филол. наук *А. С. Кызласов*
канд. филол. наук *Н. С. Майнагашева*
канд. филол. наук *Р. Д. Сунчугашев*
канд. филол. наук *И. М. Тараканова*
канд. ист. наук *В. К. Чертыков*
аспирант ХГУ им. Н. Ф. Катанова *Н. В. Воронина*

Н 31 **Наследие хакасского ученого**, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: материалы Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения учёного. 16–19 мая 2012 г. Том I. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. – 146 с.

ISBN 978-5-7091-0543-0

УДК 94(47)
ББК 72.3г(2) Катанов Н.Ф.

© ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», 2012
© Министерство образования и науки РХ, 2012
© ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2012

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. Ф. КАТАНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В 2012 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося российского ученого, востоковеда, тюрколога, доктора сравнительного языкознания Николая Федоровича Катанова.

Ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова профессор В. А. Садовничий к юбилею Михаила Васильевича Ломоносова справедливо отметил, что за 300 лет в истории России еще не родилось личности такого масштаба, как М. В. Ломоносов. Так и в Хакасии, необходимо признать, что за последние 150 лет не появилось исследователя такого высокого уровня, как Николай Федорович Катанова.

Его фундаментальный труд «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» вошел в золотой фонд мировой тюркологии. В нем даются сведения по известным науке его времени тюркским языкам, а также представлены фонетические и морфологические признаки хакасских диалектов.

Исследователь Сергей Николаевич Иванов, с его мнением нельзя не согласиться и в настоящее время, сказал, что «Опыт исследования урянхайского языка...» – труд первостепенной важности, сохранивший свое значение и поныне. Это подробное описание одного из тюркских языков, урянхайского (тувинского), и ценный свод по сравнительной грамматике тюркских языков.

Современное значение этого труда определяется сравнительным аспектом. Как писал Сергей Николаевич Иванов, Н. Ф. Катанов своей работой «Опыт исследования урянхайского языка...», наряду с фонетикой В. В. Радлова, заложил основы сравнительного изучения тюркских языков.

«Настоящим кладом» стал «Опыт исследования урянхайского языка...» для зарубежных ученых. Об этом писали М. Рясен, Г. Рамстедт.

Таким образом, труд Н. Ф. Катанова, как указывал Н. К. Дмитриев, представляет собой

«колоссальный справочник по всем тюркологическим материалам», собранным к началу XX в., и, как свод фактических данных по сравнительной грамматике тюркских языков, является основой для дальнейших изысканий в этой области.

Н. Ф. Катанов – ученый-полиглот, который, по подсчетам ученых, в своих работах использовал более 100 европейских и восточных языков.

Татарский тюрколог Д. Б. Рамазанова пишет, что выводы, которые делал ученый в изучении татарского языка, по сей день не потеряли своего научного значения, а методика исследования Н. Ф. Катанова остается для науки актуальной.

Н. Ф. Катанов считается одним из основателей татарской и башкирской диалектологии как науки.

Научная деятельность Н. Ф. Катанова как тюрколога-востоковеда началась с изучения хакасского языка. Еще будучи учащимся Красноярской гимназии, он написал работу «Татарский язык (сагайское наречие)» в 2 частях. В этой работе проводятся широкие сравнения лексики качинского, алтайского, койбальского, чулымо-татарского языков. Исследователь татарского языка Г. С. Амиров дал высокую оценку Н. Ф. Катанову как эрудированному лексикографу, так как уже в юном возрасте диалекты хакасского языка он сравнивал с русскими, немецкими, латинскими, греческими и английскими эквивалентами. Большую ценность для современных исследователей представляют названия растений и животных с их международными латинскими наименованиями, собранные Н. Ф. Катановым. В конце вышеназванной работы в виде приложения дается «Краткий сагайско-русский словарь».

Старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ Ольга Васильевна Субракова отмечает, что «Грамматика сагайского наречия» при своевременном ее издании могла стать первой грамматикой хакасского языка и сыграла бы важную роль в общественной и культурной жизни

хакасов, а также способствовала значительному расширению общественных функций хакасского языка».

Краткий сагайско-русский словарь содержит около 3090 общеупотребительных слов хакасского языка, его объем составляет 154 страницы. Материалы этого словаря, составленного Н. Ф. Катановым, послужили основой при составлении Хакасско-русских словарей 1953 и 2006 гг.

Данная работа Н. Ф. Катанова, как указывают исследователи в сборнике «Наследие Н. Ф. Катанова» (2006), на современном этапе имеет историческое значение и представляет большую ценность для исследования лексики хакасского языка, которая употреблялась в конце XIX в., особенно живая разговорная речь хакасов того времени. Словарный материал, содержащийся в этой работе Н. Ф. Катанова, представляет большой интерес для изучения истории формирования и развития современного хакасского языка, его диалектов и сравнительного языкознания.

Таким образом, значение вклада ученого Н. Ф. Катанова в тюркологическую науку определяется его трудами, методологией научного исследования, которые служат новому поколению ученых-тюркологов.

На протяжении 1889–1892 гг. Н. Ф. Катанов собирал и обобщал этнографический материал о тюркских, самодийских и монгольских народах Центральной Азии. Это позволило Н. Ф. Катанову сформулировать вывод, что тюркские и другие этносы вели активное историко-культурное взаимодействие и взаимовлияние на пространствах Центральной Азии. Например, Н. Ф. Катанов отмечал, что верование урянхайцев «в дракона заимствовано через монголов у китайцев», или, выделяя тюрков Восточного Туркестана как приверженцев суннитского ислама, он пишет, что «жизнь обитателей Хамийского оазиса не обошлась без влияния Китая, сказавшегося на объяснениях некоторых явлений природы и обыденной жизни». Оценки Н. Ф. Катанова позволяют современным исследователям определять актуальные проблемы истории и культуры народов Востока.

Так, согласно оценки этнографа, тувиноведа С. И. Вайнштейна, рукопись «Дневник путе-

шествия, исполненного в 1889 г. по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества» представляет большой интерес для характеристики этнографических исследований Н. Ф. Катанова и для изучения этнографии Тувы XIX в.

В 2011 г. на основе этого Дневника совместными усилиями Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) и Тувинского института гуманитарных исследований были опубликованы «Очерки Урянхайской земли» Н. Ф. Катанова. Этот труд является кладью источникового материала для современных исследователей: этнографов, культурологов, фольклористов, – на основе которого будут написаны сотни статей, защищены десятки диссертаций. Этот труд Н. Ф. Катанова помогает современным тувинцам реконструировать, возродить традиционные обряды, национальную одежду, фольклор.

В Хакасии такая работа уже ведется. В 2007 г. в серии «Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» была опубликована работа «Этнографические экспедиции Н. Ф. Катанова (1896) и С. Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии», в которой содержится отчет Н. Ф. Катанова о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. В этом отчете отражены обряды хакасов, имеющие ценность и значимость для потомков. Конечно, хакасским ученым еще предстоит большая работа, чтобы собрать неопубликованные исследования Н. Ф. Катанова и подготовить работу «Избранные труды Н. Ф. Катанова».

В многогранной научной деятельности Н. Ф. Катанова значительное место занимало изучение хакасского устного народного творчества. Благодаря его усилиям фольклор хакасов прочно вошел в науку и литературу. Н. Ф. Катанов – ученый-лингвист – совмещал изучение восточных языков с собиранием фольклора хакасов, тувинцев, карагасов и других тюркских народов Южной Сибири. Ценнейшим достоинством его записей следует признать не только строгую научную паспортизацию каждого образца, наличие хакасского и русского (православного) имен, фамилий, родов (кости) носителей фольклора, но

и основных биографических данных сказочника, певца, шамана, а также переводы всех текстов на русский язык. Отдельную ценность представляют подробные описания тех мест, где были сделаны записи: по ним можно восстановить не только названия многих ныне исчезнувших в Хакасии аалов, но и их местонахождение.

В конце XIX в. Н. Ф. Катанов осуществил записи почти всех фольклорных жанров, а перевод на русский язык сделал их широко известными. Материалы по фольклору были опубликованы в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племен» [СПб., 1907], в который вошли произведения устного народного творчества урянхайцев, хакасов, карагасов. В них отражены менталитет, духовная культура названных народов.

Профессор Альбина Леонтьевна Кошелева отмечает, что в «Образцах народной литературы тюркских племен» содержатся очень ценные по значению сведения, так как разговорное общение, составляющее основу речемыслительной деятельности человека, является фундаментом языковой культуры народа. Остается непреходящей ценностью и сам труд Н. Ф. Катанова, сохранивший для потомков живой образ народа в его ярком, выразительном и мудром слове.

Кроме научно-исследовательской деятельности, Н. Ф. Катанов вел насыщенную общественную работу.

Студент Императорского Санкт-Петербургского университета, Н. Ф. Катанов являлся активным участником сибирских землячеств, где выступал за необходимость просвещения народов Сибири, тем самым проявляя глубокую заинтересованность в системе народного образования инородцев. В период работы в Казанском университете у ученого-востоковеда появилась возможность содействовать просвещению тюркоязычных народов. Его привлекали в Казанском учебном округе в качестве редактора учебных пособий для школ инородцев. А в 1905 г. он был командирован в Петербург на совещание по образованию инородцев.

В начале 1900-х гг. Н. Ф. Катанов был привлечен к работе в Казанском учебном округе в качестве редактора учебных книг и пособий для «инородцев», а с 1907 г. — председателя Пере-

водческой комиссии при Казанском учебном округе. В 1906–1908 гг. он опубликовал в газетах и журналах ряд статей по вопросам народного образования.

Н. Ф. Катанов как глубоко образованный человек понимал значимость просвещения для инородцев.

Коллекции многих музеев пополнились благодаря музейной деятельности Н. Ф. Катанова. Живя в Казани, Н. Ф. Катанов поддерживал связь со многими краеведческими музеями, особенно Сибири. Большой вклад Николай Федорович внес в становление Минусинского краеведческого музея. В 1902 г. он принимал непосредственное участие в подготовке «Исторического очерка Минусинского музея», который отмечал свое 25-летие. Н. Ф. Катанов занимался корректированием текста «Исторических очерков...», взял на себя заботу об их опубликовании в типографии Казанского университета. Экспонаты, собранные во время научных экспедиций, Н. Ф. Катанов передавал краеведческим музеям: Минусинскому, Красноярскому, Тобольскому. Большинство экспонатов он передает музею Казанского университета. Только в Минусинском краеведческом музее хранится 45 экспонатов, переданных Н. Ф. Катановым: китайские монеты, облигации, документы на китайском языке и др.

Музееведение и краеведение, как отмечает Ирина Федоровна Кокова, были страстью Н. Ф. Катанова.

Н. Ф. Катанов состоял в Миссионерской Переводческой комиссии при братстве святителя Гурия. Работая в комиссии, Н. Ф. Катанов участвовал в подготовке «полезных и назидательных книг» общеобразовательного значения, а также занимался переводами православных религиозных книг на тюркские языки.

Замечательной страницей в жизни семьи Н. Ф. Катанова было ее участие в деятельности Казанского губернского комитета попечительства о народной трезвости. Казанское общество трезвости «предоставляло беднейшему населению возможность бесплатного чтения в Некрасовской библиотеке-читальне, в организации дешевых концертов и театральных зрелищ, устройстве чтений и танцевальных вечеров для отвлечения рабочего населения от загула».

Н. Ф. Катанов читал лекции, публиковал статьи просветительского характера в журнале общества «Деятель».

Талантливый и трудолюбивый ученый-тюрколог, просветитель и мыслитель Н. Ф. Катанов навсегда останется в памяти нашего народа. Сегодня тюркологи мира знают работы великого и знаменитого ученого. Творческая жизнь и наследие сына хакасского народа раскрывают непреходящее значение его огромного вклада в отечественную и мировую науку, образование и культуру народов России.

В настоящее время желание великого земляка видеть хакасов образованными получает реальное воплощение. Общество Республики Хакасия высоко оценила его стремление к просвещению своего народа, к наращиванию духовного потенциала общества и присвоила самым известным образовательным учреждениям имя Н. Ф. Катанова. В 1990 г. в целях подготовки высококвалифицированных кадров Хакасской автономной области Хакасской областной гимназии было присвоено имя Н. Ф. Катанова. Учитывая заслуги перед российской наукой и многолетнюю просветительскую деятельность, в 1992 г. Постановлением Совета Министров Республики Хакасия от 13 мая № 148 Абаканскому государственному педагогическому институту было присвоено имя Н. Ф. Катанова. В 1992 г. Верховный Совет Республики Хакасия учредил Государственную премию Республики Хака-

сия имени Н. Ф. Катанова за особо выдающиеся научные исследования, открывающие новые направления и вносящие существенный вклад в развитие гуманитарных наук. В 1992 г. были учреждены две именные стипендии для студентов ХГУ им. Н. Ф. Катанова и одна именная премия лучшему выпускнику Хакасской национальной гимназии им. Н. Ф. Катанова.

Степан Павлович Ултургашев говорил: «В лице Н. Ф. Катанова мы видим свои корни. В его трудах мы находим стержневую ось нашей жизни сегодня. Он участвует в возрождении хакасской государственности, в формировании наших идеалов и ценностных ориентаций».

Жизнь и деятельность первого хакасского ученого с мировым именем будет служить примером для новых поколений ученых Республики Хакасия.

Хочется закончить выступление словами Николая Федоровича Катанова. Он говорил в свой последний приезд на Родину, обращаясь к будущим поколениям: «Посмотрите, как самобытно творчество наших абаканских и кизильских татар – их предания, былины, поговорки, их песни, музыка... Начинайте изучать свой край, свое село, которое вы невежливо именуете «дырой». ... Достойная задача – изучение языка нашего народа. Я кое-что сделал по изучению языка наших татар, но надо сделать гораздо больше». Эти слова должны стать для нас, современников, ориентиром в продолжении дел, начатых ученым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань – Абакан, 2008–2009. – 354 с.
2. Вайнштейн, С. И. Этнографические исследования Н. Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Вып. IV. – М., 1968.
3. Иванов, С. Н. К характеристике лингвистического наследия Н. Ф. Катанова («Опыт исследования урянхайского языка». Казань, 1903) // Н. Ф. Катанов. Материалы и сообщения / сост. Н. Г. Доможаков. – Абакан, 1958. – С. 52–67.
4. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011.
5. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань – Абакан, 2008–2009.
6. Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: доклады и сообщения Международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. – Казань, 2006. – 296 с.
7. Ултургашев, С. П. Звезда мировой величины: сборник докладов. – Абакан, 1993. – 36 с.

Н. Ф. КАТАНОВ И КАЗАНСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ (вторая половина XIX – начало XX в.)

В своем выступлении мы хотим осветить страницы истории казанского университетского востоковедения второй половины XIX – начала XX в. и оценки Н. Ф. Катанова как одного из выдающихся основоположников казанской университетской школы ориенталистики на рубеже XIX – начала XX в.

Профессор Н. Ф. Катанов – один из ярких и колоритных национальных учёных-мыслителей, выдающихся представителей российской науки, образования и культуры. Его жизненный путь и деятельность отразили важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения.

Многообразная научная и педагогическая деятельность Н. Ф. Катанова – неоспоримое свидетельство крупных достижений отечественной ориенталистики на рубеже XIX – XX в, и его вклад в развитие казанского востоковедения конца XIX – нач. XX в. поистине неоценим.

Разнообразная востоковедческая деятельность Н. Ф. Катанова со студенческих лет в Петербурге (1884–1888), этапы экспедиции в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889–1892) и преподавательская работа в Казани (1894–1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, этнографии, фольклора и в целом духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сынцзяня, Поволжья и Приуралья. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологии конца XIX – нач. XX в.

Назначение Н. Ф. Катанова 9 ноября 1893 г. преподавателем восточных языков Казанского Императорского университета обозначило значимый период его научно-педагогической и общественной деятельности¹. Ректор С.-Петербургского университета запиской от 23 ноября 1893 г. лично сообщил Н. Ф. Катанову об этом важном для него событии.

Попечитель Казанского учебного округа 23 ноября 1893 г. писал ректору Казанского уни-

верситета: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Господина Министра Народного Просвещения в 9 день текущего ноября, Высочайше соизволил на назначение кандидата С.-Петербургского университета Катанова преподавателем восточных языков в Казанском университете»².

Преподаватель турецко-татарских наречий в звании экстраординарного профессора Н. Ф. Катанов прибыл в Казань 12 января 1894 г. Своё затянувшееся прибытие в Казанский университет он объяснил ректору в «Докладной записке» двумя основными причинами: «Во-первых, потому что был занят приготовлением к печати и печатанием в изданиях Археологического общества, Академии наук и Географического общества этнографических и лингвистических материалов, собранных мною в 1888–1892 годах в Китайском Туркестане, Монголии и Вост. и Зап. Сибири... ; во-вторых, 10, 21 и 22 декабря истекшего года я держал при факультете восточных языков С.-Петербургского университета экзамен на степень магистра турецко-татарской словесности»³. Из канцелярии Санкт-Петербургского университета были направлены в Казанский университет основные документы Н. Ф. Катанова: метрическое свидетельство, метрическая выписка о бракосочетании, удостоверение об освобождении от натуральной и рекрутской повинности, копия с ревизской сказки, диплом на степень кандидата и др.

Назначению выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н. Ф. Катанова в Казанском университете предшествовала попытка ряда представителей петербургского университетского востоковедения в 1893 г. перенести на факультет восточных языков университета «из Казани кафедр финских и тюркско-татарских наречий»⁴. Как справедливо указывает В. В. Бартольд, только особое мнение востоковеда В. Р. Розена о нежелательности

подобной меры сохранило восточные кафедры в Казанском университете.

Прибыв в Казань, в своем письме от 10 апреля 1894 г. Н. Ф. Катанов писал В. В. Радлову: «Я устроился в Казани прекрасно. Благодарю Вас и бар. Розена, что выхлопотали мне здесь место. С профессорами я сошелся как нельзя лучше. Я хлопотал здесь об отлитии шрифтов Вашей транскрипции. Хлопоты мои, кажется, увенчаются успехом, и я думаю печатать здесь тюркские тексты, присылаемые в Общество археологии, истории и этнографии»⁵.

Появление Н. Ф. Катанова в университете открыло новую страницу в возрождении казанского востоковедения второй половины XIX в.

Закрытие и перевод «Восточного разряда» историко-филологического факультета в 1854–1855 гг. в Петербургский университет и мероприятия по централизации здесь изучения Востока сказались на характере и общем объеме преподавания восточных языков и исследовательской работе представителей «казанского ориентализма» во второй половине XIX – начале XX в. Университетское востоковедение как самостоятельная научно-организационная форма официально перестало существовать. Однако в этот период постоянно предпринимались различные организационные меры по воссозданию восточноведных кафедр, преподавания восточных языков, и прослеживаются актуальные направления развития отраслей отечественной и мировой ориенталистики.

С 1861/1862 учебного года в Казанском университете для «желающих» студентов было введено преподавание арабского и турецко-татарского языков. «Общий устав императорских российских университетов» (1863) в составе историко-филологического факультета университета допускал кафедру сравнительного языковедения и санскритского языка. Устав 1884 г., наряду с этой кафедрой, включал кафедру тюркских языков с двумя экстраординарными профессорами. В 1885 г. приказом министра народного просвещения И. Д. Делянова на историко-филологическом факультете Казанского университета было введено «необязательное преподавание тюркско-татарских и финских наречий». В первые десятилетия XX в. измененный устав университетов

(1916) сохранил в штатах Казанского императорского университета должности экстраординарных профессоров восточных языков⁶.

В целом в 60–80-х гг. XIX в. Министерство народного просвещения пыталось восстановить казанское университетское востоковедение некоторыми организационными мероприятиями. Эти меры, прежде всего, были связаны с введением преподавания в университете арабского, персидского, турецко-татарского и финно-угорских языков на историко-филологическом факультете⁷. Практика преподавания восточных языков только «для желающих» в 80-х гг. XIX – начале XX в. не позволила полностью возродить уникальное комплексное историко-филологическое, культурологическое и источниковедческое наследие казанского университетского востоковедения. Преподаватель восточных языков в звании экстраординарного профессора Н. Ф. Катанов в 1894–1922 гг. наиболее полно ощутил в своей педагогической деятельности отсутствие статуса востоковедения как предмета университетского преподавания и науки. С его именем будет связано несколько интересных проектов возрождения востоковедения в Казани в начале XX в.

В 60-е – начале 70-х гг. XIX в. преподавание арабского и персидского языков, чтение курсов «История аравитян» и «История персидского государства от завоевания Персии арабами и введения исламизма до настоящей, современной эпохи» вёл бывший воспитанник Первой Казанской гимназии и «Восточного разряда» университета И. Н. Холмогоров (1818–1891). В эти же годы в университете до перехода в 1872 г. на должность директора Казанской инородческой учительской семинарии читал курс турецко-татарского языка известный востоковед-тюрколог и миссионер Н. И. Ильминский (1822–1891).

Преподаватели восточных языков университета в 60-х гг. XIX в. столкнулись прежде всего с проблемой отсутствия заинтересованных слушателей и острой необходимостью пополнения библиотеки рукописными сочинениями и изданиями мусульманской печати.

Н. И. Ильминский в связи с отсутствием слушателей по курсу турецко-татарского языка писал: «Залоги будущего положения и процветания тюркской филологии в здешнем Универси-

тете – в слушателях арабского и турецко-татарского языка. Но из трёхсот студентов здешнего Университета никто не заявил желания научно заниматься восточными языками⁸. В последующие десятилетия XIX – начала XX в. подобное официальное положение с преподаванием восточных языков в университете сохранится.

20 декабря 1866 г. совет Казанского университета рассмотрел вопрос о командировании преподавателя арабского языка И. Н. Холмогорова «за границу с учёной целью в Персию на срок с 1 апреля 1867 г. по 1 апреля 1868 года»⁹. Эту поездку по значимости можно поставить в один ряд с известными путешествиями по Ближнему и Среднему Востоку в 1842–1845 гг. выпускников Казанского университета И. Н. Березина и В. Диттеля.

В конце 60 — начале 70-х гг. XIX в. в связи с уходом в отставку И. Н. Холмогорова (1868) и назначением Н. И. Ильминского директором Казанской учительской семинарии (1872) преподавание мусульманских языков в университете было временно прекращено¹⁰. Основная причина заключалась в другом. Справедливо отметил в 1883 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ: «Это произошло, вероятно, вследствие, с одной стороны, невыгодного положения самих преподавателей, представлявших нечто среднее между лектором и профессором и лишенных возможности рассчитывать на ординатуру, с другой же стороны, вследствие того, что преподаваемые ими предметы были для всех студентов необязательными и поставленными, так сказать, между небом и землёю»¹¹. К сожалению, такое положение профессора восточных языков Казанского университета сохранилось в период работы Н. Ф. Катанова.

В январе 1871 г. Н. И. Ильминский зачитал доклад на историко-филологическом факультете, в котором обосновал необходимость приглашения В. В. Радлова «на имеющуюся в Казанском университете вакансию одного из положенных по штату двоих преподавателей восточных языков»¹². Основная часть доклада была посвящена описанию научных поездок В. В. Радлова по Алтаю (1860), Восточной киргизской степи (1862), Хакасии (1863) и Семиречью (1868–1869) и оценке его основных лингвистических, фольклорных, этнографических работ.

В 80-х гг. XIX в. начинается новый этап в преподавании востоковедных дисциплин в университете и в целом в развитии ориенталистики в Казани. Значимый и характеризуемый многими оригинальными материалами, он продолжался до 1920-х гг. В эти годы исключительную роль в возрождении востоковедения в университете сыграли И. Ф. Готвальд (1813–1897), В. В. Радлов (1837–1918), Н. В. Крушевский (1851–1887), И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1829), М. П. Веске (1843–1890), Н. Ф. Катанов (1862–1922), Н. И. Андерсон (1845–1905), В. А. Богородицкий (1857–1941), И. Н. Смирнов (1856–1904), Н. И. Ашмарин (1870–1933), Н. В. Никольский (1878–1961), Я. Г. Калима (род. в 1884 г.) и другие. С их деятельностью связаны востоковедческие и более широкие гуманитарные исследования в Казани в конце XIX – первых десятилетиях XX в. и тесные научные контакты с российскими и зарубежными востоковедами.

В феврале – марте 1885 г. по поручению Министерства народного просвещения факультет восточных языков рассмотрел обращение попечителя Казанского учебного округа «О введении на историко-филологическом факультете... университета необязательного преподавания... тюркско-татарских наречий, присоединив к нему обозрение истории и этнографии племен, живущих в империи и говорящих на этих наречиях»¹³. Как свидетельствуют материалы, основными вопросами, которые требовали разъяснить чиновники министерства, заключались в следующем: «В чем могла бы заключаться польза преподавания означенных наречий и могут ли эти наречия быть предметом университетского преподавания», а также «...имеются ли ...в настоящее время сведущие преподаватели... доказывающие свои познания какими-либо литературными трудами...»¹⁴. Факультет в своём отзыве поддержал и назвал «совершенно справедливым» выбор Казанского университета в преподавании тюркско-татарских наречий «с присоединением обозрения истории и этнографии» тюркских народов России.

В отзыве была выделена миссия Казанского университета усиливать интерес студентов «к научному ознакомлению с филологическими свойствами речи, а также с историческою судь-

бою и этнографическими признаками» тюрков империи. Обращалось внимание на то, что в России множество «тюркско-татарских наречий» (языков. – *P.B.*), в связи с чем тюркские языки «заслуживают быть предметом университетского преподавания, кроме чисто научного интереса и с практической точки зрения». Также отмечалось, что «не редкость встречать среди университетских слушателей чистейших татар по крови и религии, которые, владея общегосударственным русским языком, могут иметь желание филологически изучать свойства своей природной речи, и едва ли было бы целесообразно отказывать им в удовлетворении такого желания»¹⁵. Эти оценки – свидетельство развития ключевых социокультурных и педагогических принципов развития университетской тюркологии в России в последней четверти XIX в.

Подлинное возрождение традиции и формирование новых направлений отечественных тюркологических исследований в университете началось только через десять лет. Этот процесс был связан с деятельностью выпускника арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков Петербургского университета Н. Ф. Катанова¹⁶.

В конце 1880-х гг. в университете началось также преподавание финно-угорских языков, связанное с педагогической деятельностью лектора эстонского языка Дерптского университета и доктором философии М. П. Веске. Последний был назначен преподавателем Казанского университета 8 февраля 1886 г. благодаря содействию В. В. Радлова и И. А. Бодуэна де Куртенэ. В 1887–1890 гг. М. П. Веске преподавал финские наречия. Тема его вступительной лекции, прочитанной 3 сентября 1887 г., была сформулирована следующим образом: «О значении и успехах финнологии»¹⁷.

Казанские университетские угро-финноведы М. П. Веске и И. Н. Смирнов в 1880–1890 гг. совершили научные этнографические поездки в Нижегородскую и Симбирскую губернии (М. П. Веске) и Вятскую, Пермскую, Нижегородскую и Пензенскую губернии (И. Н. Смирнов)¹⁸.

В последней четверти XIX в. – 1920 гг. в Казанском университете традиции отечественного финно-угроведения получили своё даль-

нейшее развитие. В середине 1890-х гг. – первых десятилетиях XX в. кафедра финно-угорских наречий Казанского университета замещалась Н. И. Андерсоном в 1894–1905 гг. и с 1917 г. – Я. Г. Калимой. С их именами связано преподавание финно-угорских наречий и исследование истории и культуры финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

С 1894 г. начались дружественные отношения новых преподавателей Казанского университета Н. Ф. Катанова и Н. И. Андерсона.

В 1905–1917 гг. кафедра оставалась вакантной, хотя постоянно находились желающие получить место преподавателя финно-угорских наречий¹⁹.

В январе 1913 г. в связи с представлением преподавателем турецко-татарских наречий в звании экстраординарного профессора Н. Ф. Катановым заявления о необходимости возобновления конкурса на замещение вакантной кафедры угро-финских наречий состоялось заседание историко-филологического факультета университета. В обсуждении участвовали профессор факультета Н. М. Петровский (1875–1921), историк, филолог, чл.-корр. Петерб. АН с 1917 г., В. А. Богородицкий, Е. Ф. Будде (1859–1929), языковед, чл.-корр. Петерб. АН с 1916 г., и другие. Эти материалы имеют особое значение, поскольку именно тогда были предприняты попытки радикально изменить в Казанском университете статус восточных языков и в целом востоковедения как учебной дисциплины.

Значительный период в истории казанского востоковедения и университетской тюркологии 90-х гг. XIX – первых двух десятилетий XX в. связан с педагогической и научной деятельностью выдающегося востоковеда-мыслителя и просветителя Н. Ф. Катанова²⁰, возглавлявшего кафедру турецко-татарской филологии Казанского университета с 1894 г. на протяжении почти 30 лет. Его труды, по мнению академика А. Н. Кононова, вошли в «золотой фонд мировой тюркологии»²¹. В целом многогранная востоковедческая деятельность доктора сравнительного языкознания Н. Ф. Катанова способствовала сохранению и развитию ориентального образования и науки в Казани. Роль и значение его в возрождении Казанского университета и Казани как

крупного российского и мирового востоковедческого центра неопределима. С его именем будет связано дальнейшее развитие российской тюркологии на рубеже двух веков.

В последующем, в первые десятилетия XX в., тюркология в Казанском университете была также представлена выпускником арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1909) С. Е. Маловым²². Изучать тюркские языки С. Е. Малов начал во время учёбы в Казанской духовной семинарии и академии. Первые его тюркологические занятия проходили под руководством отца, Е. А. Малова, и профессора Н. Ф. Катанова²³. В 1917–1922 гг. С. Е. Малов вёл в Казани преподавательскую и научную деятельность в области востоковедения и тюркологии.

Истоки тюркологической деятельности выдающегося тюрколога, члена-корреспондента Академии наук СССР С. Е. Малова (1880–1957): преподавание тюркских языков, изучение древнетюркских памятников и исследование современных тюркских языков – тесно связаны с традициями и новациями казанского востоковедения и тюркологии рубежа XIX–XX вв. Огромное влияние на деятельность С. Е. Малова оказал его наставник Н. Ф. Катанов.

Во второй половине XIX в. – 1920-х гг. в Казани работали высшие учебные заведения с преподаванием восточных языков, существовали объединения востоковедов, сохранялись и развивались основные направления преподавательской и исследовательской деятельности казанских ориенталистов. Казанские востоковеды собрали и изучили огромный лингвистический, исторический, археологический и этнографический материал, связанный с народами Востока России и зарубежного Востока. Научный фундамент востоковедческих исследований в Казани, сформировавшийся в первой половине XIX в., получил преемственное развитие в деятельности Н. Ф. Катанова.

К сожалению, смерть Н. Ф. Катанова в 1922 г. не позволила в полной мере сохранить на заре советского востоковедения, сформированные им в Казани и в Казанском университете на рубеже XIX–XX вв., актуальные направления тюркологических географических, лингвистических, литературоведческих и этнографических исследований. Однако отечественная ориенталистика на рубеже XX–XXI вв. имеет все основания высоко и объективно оценить заслуги и роль выдающегося тюрколога и просветителя Н. Ф. Катанова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: РГИА Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 1. Д. 8933. Л. 50; Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904.0.
2. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904. Л. 1.
3. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8904. Л. 2–2об.
4. Бартольд, В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. – Т. 9. Работы по истории востоковедения. – М., 1977. – С. 195.
5. См.: СПб. Филиал Архива РАН. Ф.177. Оп. 2. Д. 125. Л. 14–14 об.
6. Куликова, А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1994. – С. 217–218.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 48. Д. 91. «Дело о ревизии министром народного просвещения ун-та и др. учеб. заведений Казанской, Нижегородской и Владимирской губ.; о введении преподавания восточных языков в Казанском университете, о списании недоимки с типографии университета. 21 июля 1860 – 13 ноября 1861 г.» 151 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7754. «О восстановлении в Казанском университете преподавания восточных языков и об определении преподавателями Холмогорова и Ильминского от 1 октября 1860 г.» 48 лл.; НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. «Об учреждении кафедры финско-тюркских наречий, о назначении лектором по этой кафедре приват-доцента В. В. Радлова и о представлении ему 15 печатных листов в «Ученых записках» университета для помещения его научных работ. 30.03.1883 – 27.04.1884». 11 лл.
8. Там же. Л. 10 об–11.
9. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 864. Л. 1.
10. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. «Об увольнении от службы магистра Холмогорова. 22.05.1868 – 22.01.1871 гг.» 22 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10685. «О назначении экстраординарного профессора Казанского университета Ильминского директором открываемой в Казани учительской семинарии от 3 июля 1872 г.» 10 лл.

11. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 1–1 об.
12. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. Л. 22.
13. См.: Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (Далее – РГИА СПб.) Ф. 14. Оп. 1. Д. 8613. ЛЛ. 1 – 6 об.
14. Там же. Л. 1–1об.
15. См.: РГИА СПб. Ф.14. Оп. 1. Д. 8613. Л. 5 об. – 6.
16. Гордлевский, В. А. Памяти Н. Ф. Катанова. 1862–1922 // Новый Восток. – Кн. 1. – М., 1922. – С. 448–451; Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958; Иванов, С. Н. Николай Федорович Катанов. (Очерк жизни и деятельности). – Изд. 2-е. – М., 1973; Исхаков, Г. И. Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Н. Ф. Катанова (1862–1922) // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения: тезисы докладов и сообщений на межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию ТАССР (6, 7, 8 июня 1960 года). – Казань, 1960. – С. 87–90; Катановские чтения: сборник статей. – Казань, 1998; Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: доклады и сообщения Международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. – Казань, 2006; Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009 и др.
17. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1363. Л. 12.
18. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1500. «О командировании проф. И. Смирнова и преподавателя финских наречий Веске в этнографическую экскурсию. 22.02. – 25.05.1890». 5 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1530. «О командировании орд. проф. И. Н. Смирнова в губернии Нижегородскую, Пензенскую и др. для этнографических исследований мордвы и составления коллекции, характеризующей быт мордвы. 7.02. – 25.05.1891». 5 лл.
19. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1967. «Прошение Германа о назначении его преподавателем финских наречий. 26.08.1905 – 30.11.1906»; Там же. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2211. «Прошение Глея на должность преподавателя финских наречий. 1911г.»; Там же. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2322. «Объявление конкурса на вакантное место по кафедре угро-финских наречий. 25.01. – 23.11.1913».
20. Педагогическая и научная деятельность профессора Н. Ф. Катанова в Казанском университете освещена в отечественной востоковедной историографии. См.: Гордлевский, В. Памяти Н. Ф. Катанова // Новый Восток. – 1922. – № 1. – С. 448–451; Покровский, Н. М. Памяти профессора Н. Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1923. – Т. XXXII. – Вып. 2. – С. 245–259; Малов, С. Е. Н. Ф. Катанов, проф. Казанского университета // Вестник АН Казахской ССР. – 1958. – № 5; Иванов, С. Н. Николай Фёдорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). – Изд. 2-е. – М., 1973; Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов: Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993; Катановские чтения: сб. ст. – Казань, 1998; Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009 и др.
21. Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. – 2-е изд. – М., 1989. – С. 120.
22. О научной и общественной деятельности С. Е. Малова см.: Тенишев, Э. Р. С. Е. Малов (к 100-летию со дня рождения) // Советская тюркология. – 1980. – № 6. – С. 56–63; Тюркологический сборник. – М.–Л., 1951. – С. 22–29; Тюркологический сборник. 1975. – М., 1978 и др.
23. См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 33. Из лекции проф. Н. Ф. Катанова. Записи лекции. Автограф. 1902–1903. 3 л.

В. Н. ТУГУЖЕКОВА

ВКЛАД Н. Ф. КАТАНОВА В РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Наш великий земляк профессор Н. Ф. Катанов – один из известных и ярких национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры рубежа XIX–XX вв.¹

Научная и педагогическая деятельность Н. Ф. Катанова весьма разнообразна. Известный российский тюрколог Г. И. Исхаков писал: «Если ученые тюркологи-востоковеды О. Бетлинк, А. М. Кастрен, В. В. Радлов, И. Н. Березин и дру-

гие заложили фундамент востоковедения в России, то профессор Н. Ф. Катанов своим самоотверженным трудом, путем тщательного изучения и многолетних исследований языка, культуры народов Востока обогатил эту науку новыми данными в области лингвистики, истории, археологии и этнографии и тем самым встал в ряд крупнейших ученых мира»².

В востоковедении Н. Ф. Катанов известен как ученый энциклопедист. Широкий диапазон интересов ученого – язык, литература, фольклор, история, археология, этнография, нумизматика, музееведение... Область его научных интересов соприкасалась не только с историей и культурой тюркоязычных народов, но и славянских, угрофинских, китайского, японского, арабского, персидского, индийского народов. Он владел почти всеми европейскими языками, многими восточными языками, зная также древние и мертвые классические языки, свободно читал тюркские руны, шумерскую клинопись, египетские и китайские иероглифы, санскритское письмо, арабскую вязь, древнеуйгурскую и арамейскую графику³. Биографы Н. Ф. Катанова сообщают, что он в своих трудах использовал данные 114 языков народов мира⁴.

Н. Ф. Катанов – яркое свидетельство развития в России тюркологической науки и национальных гуманитарных исследований. Феномен его личности и наследия в истории отечественного востоковедения и культуре народов России, к великому сожалению, пока недостаточно изучен⁵. Предстоит большая работа, чтобы научное наследие Н. Ф. Катанова, материалы его экспедиций были опубликованы. Мы очень признательны тувинскому ученому, прежде всего А. К. Кужугет за издание дневника путешествия 1889 г. Н. Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли»⁶.

Следует отметить, что учеба на факультете восточных языков Петербургского университета сыграла важную роль в научных интересах будущего ученого. В университете Н. Ф. Катанов вместе с другими студентами разряда арабо-персидско-турецко-татарской словесности изучал широкий комплекс востоковедных и общегуманитарных дисциплин, в числе которых следует назвать арабский, персидский и «турецкие» (тюркские) языки – живые (татарский, башкирский, казахский, османский) и мертвые (чагатайский), историю и литературу тюркских народов, русскую историю и словесность, историю Востока, мусульманское право⁷.

Катанов уже в студенческие годы отличался трудолюбием и настойчивостью. Учась в университете, кроме посещения учебных занятий, Н. Ф. Катанов самостоятельно занимался у ака-

демика В. В. Радлова по турецко-татарским наречиям, у профессора В. П. Васильева – по истории народов Востока. Особо следует отметить роль В. В. Радлова в формировании Катанова как исследователя тюркских языков⁸.

На формирование взглядов и научных интересов Н. Ф. Катанова повлияли и «четверги» на квартире Н. М. Ядринцева, на которых бывали известные литераторы, общественные деятели: В. И. Семевский, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, М. В. Певцов, В. П. Острогорский, Д. Н. Мамин-Сибиряк и другие. «Четверги» Ядринцева оказали несомненное влияние на молодого Катанова. Они способствовали его интересу к исследованию истории и быта народов Сибири.

Университет Катанов окончил вполне сложившимся ученым.

Не случайно его, молодого ученого, Академия Наук направляет в сложную и длительную экспедицию в Сибирь и Восточный Туркестан (1888–1892).

Эта экспедиция по значимости и сбору общегеографических, лингвистических и историко-этнографических материалов стоит в ряду известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществленных во второй половине XIX – начале XX в. Как известно, среди участников этих масштабных по научной и культурной значимости экспедиций были Ч. Ч. Валиханов, Г. Н. Потанин, Н. М. Пржевальский, братья Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло, В. И. Роборовский, В. В. Радлов, П. И. Лерх, В. А. Обручев, П. К. Козлов, Г. Н. Цыбиков, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман и другие. В период своего путешествия и в дальнейшем Н. Ф. Катанов постоянно обращался к этим и другим опубликованным материалам, посвященным географии, истории, этнографии и культуре народов Центральной Азии⁹.

В декабре 1888 г. Николай Катанов выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в Красноярск, позднее – в Минусинск и Аскиз.

Первая его экспедиция была совершена в Урянхайский край. Из г. Минусинска он выехал 7 марта 1889 г. Подробный маршрут своего путешествия «с целью исследования быта и языка

Урянхайцев» Н. Ф. Катанов описал в своем письме В. В. Радлову. Основными пунктами своих экспедиционных разъездов он избрал 14 торговых заведений русских купцов, расположенных в бассейне рек Турана, Улуг-кема и Бом-кемчика. Всего во время путешествия было пройдено около 700 верст. В этот период были собраны тувинские песни, загадки, сказки, поверья и шаманские молитвы.

Из этой поездки по территории Тувы он вернулся в Аскиз 27 августа 1889 г. В своем письме от 15 сентября 1889 г. Н. Ф. Катанов написал В. В. Радлову: «Дневник путешествия, со включением в него сказок, песен, загадок и шаманских молитв, со включением также описания обычаев Урянхайского народа и рисунков клейм родовых (тамги) и рисунков на предметах домашнего обихода имею представить в скором времени для напечатания Императорскому Русскому Географическому обществу»¹⁰.

Основным итогом комплексных исследований Тувы стала рукопись Н. Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли», которая имеет неопределимое значение в истории и этнографии Тувы. Выше было указано, что рукопись издана в г. Кызыле в 2011 г.

После этой экспедиции, находясь в Аскизе и Минусинске в сентябре – декабре 1889 г., Н. Ф. Катанов занимался перепиской и переводами собранных тувинских текстов. Кроме того, он записывал сказки (нымах), песни (тахпах) и загадки (тапчаң нымах) «минусинских татар» – хакасов.

Определяя итоги и новые задачи дальнейшей работы, Н. Ф. Катанов писал своему наставнику В. В. Радлову 26 декабря 1889 г. из Аскиза: «Недели через три я выеду для исследования карагасов, обитающих в Канской и Нижнеудинской тайгах; в настоящее время я собрал богатый материал по части наречий и обычаев абаканских татар (сагайцев, качинцев и бельтиров)».

Следующая этнографическая экспедиция в Восточные Саяны была предпринята в январе–феврале 1890 г. и посвящена полевому лингвистическому и этнографическому исследованию карагасов (тофаларов). Основной путь пролегал через Канский округ (верховья р. Агул) в направлении г. Нижнеудинска.

Из верховьев р. Бирюсы Нижнеудинского округа в письме В. В. Радлову от 18 февраля 1890 г. Н. Ф. Катанов сообщал о проделанной работе: «Записал уже многое; между прочим: название костей карагасских; названия 12 месяцев года; названия рек и речек; названия деревьев; предания о происхождении 5 карагасских костей; обычаи племени: при рождении, женитьбе и похоронах, обряд посвящения горному и водяному духу коней и оленей; о жизни шаманов; о количестве племени Карагасов и количестве содержащихся ими оленей и проч.»¹¹.

Итоги этого периода экспедиции были опубликованы в статье Н. Ф. Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году».

Весна 1890 г. – февраль 1891 г. связаны с проживанием в Аскизе и Минусинске и с интенсивной работой по обработке разнообразных материалов, собранных Катановым в предшествующие периоды экспедиций.

Кроме того, летом 1890 г. Н. Ф. Катанов посетил восемь китайских центров (Хотан, Кашгар, Ак-су, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Старый Турфан), где знакомился с языком тюркского населения Восточного Туркестана.

В следующий период путешествия, с февраля по ноябрь 1891 г., в центре полевых исследований Н. Ф. Катанова находились тюркоязычные народы (уйгуры, казахи и другие этносы) Восточного Семиречья (Тарбагатай). Наиболее важным итогом экспедиций 1890–1891 гг. стал сбор огромного массива фольклорных материалов: «исторические рассказы о войнах в Вост. Туркестане, песни, распеваемые в главные мусульманские праздники, песни эротические, толкования снов, загадки и пословицы», а также «языка казак-киргизов, состоящих в ведении Тарбагатайского хебей-амбана, живущего... в г. Дурбульджине»¹². Оригинальные тюркские тексты, собранные во время экспедиции, записывались и впоследствии публиковались Н. Ф. Катановым в принятой академической транскрипции этого периода.

Обобщенные материалы экспедиции, собранные в восточных районах Семиреченской области и г. Чугучаке с 24 февраля по 19 октября 1891 г., изложены Н. Катановым в отчете, направленном Русскому Географическому Обществу.

С 13 мая по 7 ноября 1891 г. Н. Ф. Катанов также жил в г. Чугучаке (Китай), с тем чтобы «подготовиться к путешествию по Китаю».

Наиболее протяженными по времени и значимыми по итогам научной экспедиции стали комплексные исследования основных тюркских этносов Синьцзяня.

Эта последняя экспедиция была проведена с ноября 1891 г. по март 1892 г. в Хамийском оазисе и завершилась в марте – мае 1892 г. в Турфане. Специальный паспорт на китайском, русском и маньчжурском языках для продвижения в Хами и Турфан был получен в октябре 1891 г. при содействии российских консулов.

В целом на китайской территории Восточного Туркестана Н. Ф. Катанов находился 18 месяцев.

Он закончил свое путешествие по китайскому Восточному Туркестану, прибыв в мае 1892 г. в г. Джаркент Семиреченской области.

Завершающим этапом масштабного научного путешествия Н. Ф. Катанова стали июнь – декабрь 1892 г., когда он проживал в с. Аскиз и г. Минусинске. Здесь Н. Ф. Катанов совершал поездки в Минусинском округе Енисейской губернии, изучая языки и этнографию тюркоязычных групп Минусинской котловины и предгорий Западных Саян – бельтиров, сагайцев, койбалов и качинцев. В основном он записал «шаманские рассказы и молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев».

Следует особо отметить, что в целом во время путешествия 1889–1892 гг. в центре комплексного исследования Н. Ф. Катанова были хакасы. По подсчетам К. М. Патачакова, Катанов около 10 месяцев (с 5 сентября 1889 по 26 января 1890 г., с 11 апреля по 15 июня 1890 г. и с 1 июля по 13 октября 1892 г.) был в Хакасии, где изучал язык и быт хакасов¹³. Он посетил основные географические зоны кочевьев сагайцев, качинцев, бельтиров, каргинцев – бассейны речек Таштып, Еси, Аскиза, Камышты, Уйбат, Ташебы, Беи и реки Абакан – и составил уникальные записи об их расселении, верованиях, хозяйстве, административном управлении, этногенезе, миссионерской деятельности, памятников народной литературы и т. д.

К сожалению, до сегодняшнего дня большая часть материалов первой экспедиции Н. Ф. Катанова не опубликована. В 1926 г. жена Катанова, Александра Ивановна, отправила часть рукописей мужа немецкому профессору Бангу. В Германии в 1933 г. ученик профессора Банга К. Н. Менгес опубликовал часть этих материалов¹⁴.

В 1943 и 1947 гг. в Берлине К. Н. Менгес издал второй и третий выпуски рукописей Катанова¹⁵, содержащие лингвистические и этнографические материалы этой экспедиции. Из последующих экспедиций Н. Ф. Катанова опубликованы отчеты о поездке в Минусинский округ Енисейской губернии, совершенных в 1896 г.¹⁶ и летом 1899 г.¹⁷

Подводя итоги экспедиции 1896 года, Н. Ф. Катанов писал: «Приведенными материалами и исчерпываются результаты моей лингвистическо-этнографической поездки, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года по поручению историко-филологического факультета Императорского Казанского университета в долине р. Абакан к тюркским племенам койбалов, бельтиров, сагайцев и качинцев»¹⁸.

Ценность этого отчета Н. Ф. Катанова уникальна. Здесь дан этнический состав хакасов к XIX в., народные предания о происхождении отдельных родов (сеоков), численный состав ряда групп, их верования. Все племена хакасов, как считал Н. Ф. Катанов, исповедовали одновременно христианство и шаманизм. На землях хакасов действовали тогда церкви: в Абакане, Аскизе, Усть-Абакане, в Синявине и Усть-Фыркале.

В Аскизе церковь была построена в 1771 г., остальные – в XIX в. Хотя, как отмечал Н. Ф. Катанов, начало распространения христианства среди минусинских инородцев (хакасов) относится к первой четверти XVIII в.¹⁹

Особое внимание в своих отчетах Н. Ф. Катанов уделял шаманам. Он писал: «Шаманы, несмотря на запрещения миссионеров, шаманят ежегодно в июне и июле (до 20 числа), притом в полных костюмах, во всех почти улусах и даже вблизи сел»²⁰.

В поездке 1896 г. Н. Ф. Катанов присутствовал при трех камланиях: 1 июля 1896 г. при домашнем жертвоприношении койбальского шамана Улкана, 3 июля при нагорном жертвопри-

ношении того же шамана и 10 июля при домашнем жертвоприношении койбалльской шаманки Соткан²¹.

Н. Ф. Катанов подробно описал эти обряды, которые позволяют нам соприкоснуться с таинством камлания шаманов.

В работах Н. Ф. Катанова, вышедших по итогам экспедиций, затронуты различные стороны жизни хакасов, их обряды, обычаи, верования, язык.

По итогам экспедиции 1896 г. Н. Ф. Катанов писал: «Мною описаны следующие обычаи: наречение имени младенцу, свадьба и погребение, кроме этого описано гадание о потере на жженой бараньей лопатке...»²²

Последнюю поездку в родные места Н. Ф. Катанов совершил летом 1909 г., однако до конца своей жизни сохранил любовь и преданность к изучению истории и культуры своего народа.

Научный вклад Н. Ф. Катанова в развитие гуманитарных работ неоценим, он связан с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сынцзяня, Поволжья и Приуралья. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологии, этнографии и фольклористики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009. – С. 3–9.
2. Исаков, Г. И. Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова (1862–1922) // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань, 1964. – С. 70.
3. Каримуллин, А. Г. Н. Ф. Катанов – библиограф и книговед // Книги и люди. Исследование. – Казань, 1985. – С. 220.
4. Доможаков, Н. Г. Николай Федорович Катанов. – Абакан, 1958. – С. 21; Каримуллин, А. Г. Указ. соч. – С. 220.
5. См.: Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. Профессор Н. Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 1 (Электронный журнал).
6. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 г. по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / А. К. Кужугет. – Кызыл, 2011. – 384 с.
7. Иванов, С. Н. Николай Федорович Катанов (Очерки жизни и деятельности). – Изд. 2-е. – М., 1973. – С. 15.
8. Иванов, С. Н. Указ. соч. – С. 16.
9. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. Профессор Н. Ф. Катанов... – С. 11.
10. Там же.
11. Там же. – С. 12.
12. Там же. – С. 13.
13. Патачаков, К. М. Катанов как хакасовед // Ученые записки ХакНИИЯЛИ – Выпуск X. Серия филологическая. – Абакан, 1964. – С. 126.
14. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. – Абакан, 1993. – С. 11–112.
15. Кызласов, И. Л. Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография. – М.–Абакан, 2011. – С. 65.
16. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань, 1897. – 104 с.
17. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной летом 1899 г. – Казань, 1901. – 58 с.
18. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань, 1897. – С. 22.
19. Там же. – С. 1–2.
20. Там же. – С. 22.
21. Там же. – С. 22–27.
22. Там же. – С. 37.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КАТАНОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ТУВИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Тувиноведение – сравнительно новая отрасль российской науки и представляет собой комплекс научных действий коллективного и индивидуального характера, а если шире – система знаний о Туве и тувинцах. Его становление, дальнейшее развитие и расширение связано с деятельностью Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) по исследованию и изучению Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в.

Период с 1842 по 1945 г. можно условно назвать «золотым веком» тувиноведения – об этом более подробно будет изложено далее. Несомненно, ему предшествовал ряд тувиноведческих исследований XVII – XIX вв. В этот период истории Российская империя усилила распространение своих геополитических интересов в сторону Центральной Азии. С разными целями, в том числе и научными, из России направлялись отдельные путешественники и целые экспедиции в Монголию, Китай и Тибет, и зачастую их путь пролегал через Урянхайский край (одно из прежних наименований Тувы того времени), соответственно путешественники и исследователи включали Урянхай (Туву) в планы своих изысканий. В конечном итоге общий интерес Российской империи и его научного сообщества к Центральной Азии привел к проведению также специальных исследований и по Туве.

Начальные шаги тувиноведения связаны с именами Петра Годунова, С. У. Ремезова, Андрея Еремеева, Ивана Нашивошникова, Григория Бегунова, Федора Кольцова, топографа Егора Пестерева, П. С. Палласа, И. Г. Георги, геолога и географа П. А. Чихачева, К. Будогосского и мн. др. ученых, дипломатов и государевых людей.

В первой половине XIX в. проявил особый интерес к Туве российский ученый и исследователь Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865), который занимался вопросами восточной истории, этнографии, лингвистики, археологии и политэкономии. В своих трудах «Очерки Джун-

гарии», «Киргизы»¹ Ч. Ч. Валиханов ввел в научный оборот общие сведения о жителях и истории Урянхайского края, что способствовало в России началу формирования научного интереса к Туве.

Интенсивное исследование Тувы началось после создания Русского Географического Общества, которое в середине XIX столетия организовало Великую Сибирскую экспедицию. Это дало возможность ряду ученых и исследователей, таких как М. А. Кастрен (посетил Туву в 1847 г.), Г. Н. Пермикин (в 1857 г.), действительный член Русского Географического Общества К. Будогосский (в 1858 г.), натуралист-путешественник Раде (в 1859 г.), действительный член Русского Географического Общества П. А. Гельмерсен (в 1863 г.), по поручению Русского Географического Общества Матусовский (в 1870 г.) и Н. Попов (1870 г.), этнограф и археолог А. В. Адрианов (в 1881 г.), горный инженер Н. С. Боголюбский (в 1882 г.), этнограф Я. П. Дуброво² (в 1883 г.), собрать и обобщить большой первичный материал по Туве и тувинцам. В 1887 г. Русским Географическим Обществом в Туву была направлена экспедиция под руководством Н. П. Бобыря в составе геологов Ячевского и Макерова, топографа Ю. Шмидта и ботаника Прейна. По результатам своей поездки в Туву П. Е. Островских³ опубликовал книгу «Значение Урянхайской земли для Южной Сибири».

В этом достаточно обширном ряду экспедиций и путешествий, предпринятых русскими служивыми людьми и учеными в Туву, особое место занимают исследовательские экспедиции Владимира Владимировича Радлова (в 1861 г.), Г. Н. Потанина (в 1876–1877, 1879–1880 гг.), этнографа и археолога Д. А. Клеменца, профессора Казанского университета Н. Ф. Катанова (1888–1889 гг.), русского ботаника профессора Томского университета П. Н. Крылова (в 1892 г.), исследователя Ф. Я. Кона (в 1902–1903 гг.) и крупного – исследователя-путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло (в 1903 и 1914 гг.). Впи-

сали свои имена в историю тувиноведения многие русские и зарубежные исследователи Тувы, такие как В. П. Ладыгин, Я. Прейн, А. Я. Макаров, А. И. Булгаков, Г. Ф. Миллер, Б. К. Шишкин, А. П. Бенигсен, В. С. Михеев, П. В. Нестеров, В. М. Порватов, С. Р. Минцлов, А. П. Ермолаев, А. А. Турчанинов, английский подданный Дуглас Каррутерс, немецкий путешественник Отто Менхен-Хелфен и другие⁴.

Академик, ученый-тюрколог В. В. Радлов с 3 по 7 июля 1861 г. совершил, по сравнению с другими учеными и исследователями, самое короткое путешествие, но результаты этой его поездки стали образцом и основой фундаментальных исследований по тувиноведению. В. В. Радлов внес неоценимый вклад в расшифровку древнетюркских рун. Одновременно со шведским ученым Томсеном нашел ключ к разгадке языка и системы письма надписей на каменных стелах, ранее обнаруженных на территории Монголии и Тувы. Фактически именно В. В. Радлов явился тем ученым, который положил один из первых и потому самых дорогих кирпичиков тувиноведческих исследований – последующие путешественники расширяли и обогащали сведения о Туве и тувинцах. Результаты научных изысканий В. В. Радлова вошли в его фундаментальные труды «Образцы народной литературы тюркских племен» и «Образцы народной литературы Северных тюркских племен»⁵. Наиболее широкую известность приобрели тувинские фольклорные тексты, опубликованные В. В. Радловым, – в настоящее время эти материалы сохраняют свою источниковедческую ценность и чаще всего используются диалектологами, изучающими территориальные особенности тувинского языка в западных районах Тувы⁶.

В череде экспедиций и путешествий русских ученых и исследователей в Урянхайский край (Тува) во второй половине XIX в. особое место

занимает экспедиция русского ученого и тюрколога Николая Федоровича Катанова, профессора Казанского университета, который был в Туве только один раз, но достаточно длительное время – с декабря 1888 г. и до осени 1889 г. Н. Ф. Катанов, в отличие от других российских ученых и исследователей, совершил специальную экспедиционную поездку только в Туву с единственной целью – изучение языка, обычаев, традиций и народного творчества тувинцев. Длительное пребывание в Туве позволило Н. Ф. Катанову глубоко проникнуть в языковую среду народа и собрать богатейший фольклорный материал. В результате своей экспедиции Катанов написал первый фундаментальный труд по тувинскому языку⁷. К этому исследованию Н. Ф. Катанов приложил подробную аннотированную библиографию вышедших до 1902 г. работ по исследованию Тувы, краткий тувинско-русский словарь и образцы устного народного творчества тувинцев. На основе транскрипционного алфавита В. В. Радлова профессор Н. Ф. Катанов для осуществления полевых записей образцов речи тувинцев создал первый алфавит тувинского языка на основе кириллицы⁸.

Богатейшее научное наследие Н. Ф. Катанова получило весьма обширное описание и высокое признание в работах советских и российских ученых⁹.

Со времени его экспедиции в Туву тувинский язык стал одним из главных направлений многогранной научной деятельности Н. Ф. Катанова. В знак признательности Н. Ф. Катанову за величайший вклад в исследование тувинского языка и устного народного творчества тувинцев правительство и научное сообщество современной Тувы широко отметило 120-летие со времени завершения его экспедиции в Туву и увековечило на мемориальной доске его имя как одного из крупнейших исследователей Тувы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боголюбовский, Н. С. Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. – 1882 – Т. XIII. – № 2 и 3; 1883, т. XIV. – № 3; Валиханов, Ч. Ч. Очерки Джунгарии. –

СПб., 1861; Он же. Киргизы. – Алма-Ата, 1958.

2. Адрианов, А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1881 года // Записки Русского Географического Общества по общей

- географии. – СПб., 1888; Гельмерсен, П. А. История полувековой деятельности Русского Географического Общества. – 1894. – Т. I. – С. 258; Дуброво, Я. П. Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. – 1884. – Т. XV. – № 1–2; Кастрен, М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1837–1844 гг. – М., 1860. – С. 408; Castren, M. A. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Worterzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. St.-Pb., 1857. – S. 73–130.
3. Островских, П. Е. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Известия Русского географического Общества. – СПб., 1899.
 4. Булгаков, А. К. Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах // Известия Русского Географического Общества. – 1908. – Т. 44. – Вып. 6; Каррутерс, Д. Неведомая Монголия. – Т. I. Урянхайский край. – Петроград, 1914; Кужугет, А. К. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев. – Кызыл, 2003; Она же. Турчанинов, А. А. и его исследование по Туве // Ученые записки ТИГИ. – Вып. XXI. – Кызыл, 2007. – С. 13–30; Минцлов, С. Р. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. – Рига, 1917.
 5. Радлов, В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. – Ч. I. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых, лебединских татар, шорцев и саянцев. – СПб., 1866; Он же. Образцы народной литературы северных тюркских племен. – СПб., 1907; Шишкин, Б. К. Очерк Урянхайского края. – Томск, 1914.
 6. Татаринцев, Б. И. О материалах В. В. Радлова // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Вып. XVI. – Кызыл, 1973. – С. 169–180.
 7. Катанов, Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903.
 8. Бичелдей, К. А. Алфавит урянхайского языка Н. Ф. Катанова и проблемы совершенствования тувинской графики и орфографии // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая. – Абакан, 2001.
 9. Арагачи, З. Б. Н. Ф. Катанов – исследователь тувинской лексикографии и библиографии // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Вып. X. – Кызыл, 1963. – С. 228; Бичелдей, К. А. Алфавит урянхайского языка Н. Ф. Катанова и проблемы совершенствования тувинской графики и орфографии // Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая. – Абакан, 2001; Иванов, С. Н. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). – М., 1973. – С. 59; Кононов, А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л., 1972. – С. 59, 230; Куулар, Д. С. Н. Ф. Катанов и тувинский фольклор // УЗ ТНИИЯЛИ. – Вып. X. – Кызыл, 1963. – С. 220–228; Малов, С. Е. Н. Ф. Катанов, проф. Казанского университета (1862 – 1922) // Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958. – С. 40–45; Он же. Результат моих собственных наблюдений (к 110-летию научной экспедиции в Туву Н. Ф. Катанова) // Журнал «Башкы». – 1999. – № 2. – Март – апрель. – С. 63–64; Татаринцев, Б. И. Труды Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» – 100 лет // Письменное наследие тюрков. – Кызыл, 2003 – С. 20–22.

Раздел I. НАСЛЕДИЕ Н. Ф. КАТАНОВА: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

В. Г. ДАЦЫШЕН

Н. Ф. КАТАНОВ – ВОСПИТАНИК КРАСНОЯРСКОЙ ГИМНАЗИИ

Сегодня, накануне 150-летия со дня рождения Николая Федоровича Катанова, уже ни для кого не секрет, что «его жизненный путь и деятельность отразили важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения того времени»¹. Хакасские ученые по праву гордятся наследием своего великого земляка и соплеменника, бережно хранит память о своем выдающемся ученом и Казанский университет. Красноярцы же мало знают о Н. Ф. Катанове, и это притом, что именно в стенах Красноярской гимназии начал свой путь в науку будущий выдающийся ученый-востоковед.

Хакасские и татарские ученые, в отличие от красноярцев, в своих работах не обходят стороной красноярский период биографии Н. Ф. Катанова. Более того, И. Ф. Кокова в своем документально-публицистическом эссе пишет прямо: «Годы учебы в Красноярской гимназии стали тем трамплином, с которого началось уверенное и непреклонное восхождение юноши Катанова к высотам науки»². Назрела необходимость специальных исследований, посвященных гимназическому периоду становления ученого. И дело даже не в том, что в средствах массовой информации дается упрощенная картина: «Через два года на лодке по Енисею он добрался до Красноярска – поступил в гимназию. Способный ученик стал репетитором отстающих гимназистов – детей богачей Красноярска. У них же батрачил на каникулах. В гимназии он описал шаманский бубен и костюм сагайского племени. Работа была отмечена учеными»³. Детально не проанализировав важнейший в жизни каждого человека период, его базовое образование, невозможно раскрыть личность, невозможно выявить причинно-следственные связи формирования ученого.

Говоря о значении научного изучения красноярского периода биографии Н. Ф. Катанова,

можно без всякого преувеличения заявить, что это ярчайшая и показательная страница истории образования, науки и культуры самого Красноярска. Достаточно сказать, что Н. Ф. Катанов был первым золотым медалистом в истории Красноярской гимназии. Младший соученик гимназиста Н. Ф. Катанова и одновременно его ученик, А. А. Ярилов, стал следующим за Николаем Федоровичем выдающимся и всемирно признанным ученым. Таким образом, пока детально не будет изучен красноярский период жизненного пути Н. Ф. Катанова, в силе остается вывод о том, что: «Феномен личности Н. Ф. Катанова и его наследия в истории отечественного востоковедения и культуре народов России, к сожалению, пока недостаточно изучен»⁴.

В своей автобиографии, составленной в конце XIX в., собственно об обучении в стенах Красноярской гимназии уже состоявшийся ученый почти ничего не говорит: «В августе 1876 года я поступил в классическую гимназию в Красноярске... В гимназии я кончил курс в 1884 г. с золотой медалью; кроме общих предметов, в гимназии изучил языки: латинский, греческий, французский и немецкий»⁵. Удивительная лаконичность, обучению в гимназии уделяется гораздо меньше внимания, чем выполняемым обязанностям по хозяйству в родном улусе. Создается впечатление, что гимназические годы не оставили следа в истории. Есть еще один интересный документ, письмо известному красноярскому краеведу и педагогу И. Т. Савенкову, в котором Н. Ф. Катанов заявляет: «Об учительской семинарии 1876–1884 гг. у меня сохранились самые теплые воспоминания, тогда как гимназические годы прошли бесцветно. Я отлично помню Ваши чтения в нашей гимназии и отлично помню ваши призывы к подражанию великим ученым, биографии которых Вы сообщали. Спасибо Вам

и Вашим семинарским сподвижникам за чувство любви, которое Вы в нас вселяли, любви к науке и к делу»⁶. На первый взгляд, нелицеприятная картина, о «гимназическом наследии» в биографии Н. Ф. Катанова не может идти речи.

Однако внимательное прочтение этих документов позволяет сделать вывод, что именно годы обучения в гимназии и сформировали личность Николая Федоровича, и этот период был одним из самых ярких в его жизни. Если говорить о письме И. Т. Савенкову, то и здесь можно увидеть показательную фразу: «Ваши чтения в нашей гимназии». Заявление «гимназические годы прошли бесцветно» не стыкуется с «самыми теплыми воспоминаниями» о 1876–1884 гг. Таким образом, это письмо отнюдь не говорит не только о бесполезности красноярского периода в жизни Н. Ф. Катанова, но и не отрицает роли гимназии в становлении ученого. Именно в гимназии он слушал лекции И. Т. Савенкова и вообще, судя по документам, не пропускал занятия, большую часть своих молодых лет провел именно в стенах гимназии.

Возвращаясь к автобиографии, мы видим, что о своем обучении и научных изысканиях в гимназический период Н. Ф. Катанов пишет больше, чем, например, об обучении в стенах Санкт-Петербургского университета: «С 1880 года, т. е. с IV класса гимназии, под влиянием учителя истории и географии А. К. Завадского-Краснопольского... занимался записыванием сагайских текстов и описанием обычаев своего племени. Благодаря знакомству в 1881 г. с сочинениями ученых В. В. Радлова, М. А. Кастрена и Н. А. Кострова, я значительно дополнил свои записи... В 1881 г., в бытность гимназистом, я послал в С.-Петербург Г. Н. Потанину описание шаманского бубна и костюма Сагайского племени...»⁷. Из этого же документа мы узнаем, что Н. Ф. Катанов в гимназические годы делал переводы богослужебных текстов с греческого на хакасский, что он сотрудничал с занимавшимся изучением хакасской культуры И. И. Каратановым. Не каждый студент может похвастаться столь насыщенной научной жизнью, какова была у красноярского гимназиста Н. Ф. Катанова.

Само поступление Николая Катанова в гимназию было фактом необычным для системы. В

гимназии обучались в подавляющем большинстве дети чиновников и купцов. Н. Ф. Катанов же, согласно официальным документам, был «незаконный сын ясачного»⁸. В Красноярск Н. Ф. Катанов поехал с рекомендательным письмом от Иннокентия Каратанова к Иннокентию Кузнецову. Без большой натяжки можно говорить о том, что становление двух известных ученых, Н. Ф. Катанова и его старшего товарища И. П. Кузнецова-Красноярского, проходило во взаимодействии, и первые научные работы у них появились почти одновременно.

Во время прихода Н. Ф. Катанова в гимназию требования для поступающих были относительно невысокими. Исследователи отмечали: «экзаменационные требования для вступления в первый класс до 1879 г. были самыми ничтожными, а потому ученики, поступив с плохой подготовкой в первый класс... в следующих классах, при увеличении труда, выпадавшего на их долю, оказались несостоятельными»⁹. И действительно, ряды одноклассников Николая Катанова из года в год редели, а он, пришедший из «народных низов», покорял класс за классом. Исследователи отмечают: «В архивах Татарстана и Ленинграда хранятся зримые свидетельства того, каким прилежным и трудолюбивым был гимназист Николай Катанов. Его аккуратнейшие ученические тетради... безукоризненная каллиграфия. Почти полное отсутствие учительских правок. И – зрелость мысли... Сохранилось множество похвальных листов, которыми награждал Николай Катанова педсовет Красноярской губернской гимназии, «уважая его отличное поведение, прилежание и успехи». В аттестате зрелости, полученном по окончании гимназии, написано: «...поведение его вообще было отличным, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ были одинаковыми, прилежание было примерным, а любознательность – одинаково отличная по всем предметам гимназического курса»¹⁰.

Большое значение для становления будущего ученого имело окружение, школьная среда. Ко времени поступления Н. Ф. Катанова в гимназию в этом учебном заведении аттестаты о среднем образовании смогли получить лишь 12 воспитанников. Когда Николай Катанов заканчивал обу-

чение, аттестат Красноярской мужской гимназии имели уже 51 человек.

К старшим классам группа, в которой собственно учился Н. Ф. Катанов, становилась все меньше и меньше. В седьмом классе с ним учились купеческие сыновья: Иннокентий Высоков, Николай Дамаскин, Моисей Тонконогов, Всеволод Крутовский; сыновья чиновников: Александр Чернявский и Иван Шафир; сын мещанина Николай Титовский и незаконный сын дочери отставного рядового Иннокентий Попов. Кроме того, в 1882/1883 уч. году были отчислены из гимназии два одноклассника Н. Ф. Катанова – Константин Корякин и Яодалий Лейбович. На следующий год из гимназии выбыли еще два одноклассника.

По возрасту большинство одноклассников были на год-два младше его, лишь отчисленные в 7-м классе два гимназиста были старше на год. Большинство одноклассников были, как и Н. Ф. Катанов, православными, но встречались и иудеи. Наиболее прилежными учениками в гимназии были гимназисты, близкие по имущественному положению и социальному статусу к Николаю Катанову, среди одноклассников это были Николай Титовский и Иннокентий Попов. Правда, последний не смог доучиться и уже из выпускного класса был отчислен по болезни.

Николай Катанов, в отличие от большинства своих одноклассников, был сильно затруднен в средствах, поэтому во время учебы подрабатывал уроками. Среди учеников Н. Ф. Катанова были будущий профессор Арсений Ярилов и золотая медалистка женской гимназии Вера Емельянова (Баландина), будущий крупный предприниматель и исследователь Приенисейского края, мама академика А. А. Баландина. А. А. Ярилов вспоминал о своем учителе: «В конце 70-х годов Николай Федорович был принят моим братом в качестве моего репетитора, жил вместе со мной в полуподвальном этаже дома Комарова на Узенькой улице в Красноярске, где оба мы учились. Брат платил за его обучение и ежемесячно кроме оплаты за обучение Николай Федорович получал 10 рублей. Ежемесячно ему же выдавалось 5 рублей на мои школьные расходы: тетради, карандаши, перья, булki (в 3 коп.) в гимназии и пр.»¹¹.

Несмотря на разницу в достатке, большого контраста в материальном положении гимнази-

стов все же не было. Хотя большинство красноярских гимназистов были представителями купечества, отнести их к состоятельным слоям было не верно. Свидетельством тому был тот факт, что вместо дорогой форменной одежды «воспитанникам Красноярской гимназии разрешено было в зимнее время носить тулупы, сшитые из бараньих шкур, выкрашенных снаружи в черный цвет, и меховые шапки с верхом из синяго сукна»¹². В гимназические годы Н. Ф. Катанова ученики стали заниматься гимнастикой, были поставлены под медицинский контроль. В 1878 г. впервые гимнастический врач провел освидетельствование гимназистов. Вскоре в гимназических классах стали практиковать небольшие физические зарядки во время уроков, для того чтобы длительное сидение за партами не отражалось негативно на здоровье учеников.

Николай Катанов на протяжении всей учебы был лучшим учеником гимназии, хотя он и не был круглым отличником. Среднегодовой балл по окончании в 1883 г. предпоследнего 7-го класса был у Николая Катанова следующий: Закон Божий, французский и немецкий языки, физика – 5; русский язык и словесность, латинский и греческий языки, логика, алгебра, геометрия и тригонометрия – 4. Правда, письменные испытания проходил Николай Катанов хуже – тройки, четверки и пятерки делились поровну. Зато поведение было только на отлично, и ни одного пропуска уроков за все четыре четверти учебного года. Необходимо отметить, что по всем показателям Н. Ф. Катанов был лучшим в своем классе: и по средним оценкам, и по поведению. У всех гимназистов до одного, кроме Н. Ф. Катанова, были пропуски занятий, например, у Вс. Крутовского только в четвертой четверти не было пропусков, но за предыдущие четверти набралось 38 пропущенных уроков. Примерно столько же пропусков было у Высокова, а Дамаскин вообще пропустил больше ста уроков за год¹³.

По итогам последнего 8-го класса у Николая Катанова были все пятерки, за исключением четверок по русскому языку и логике. Отдельно необходимо отметить, что в разделе «внимание» в ведомости стоят неизменные пятерки в течение всего года, а в разделе «прилежание» лишь по арифметике, алгебре и геометрии изредка встре-

чаются четверки, в остальных случаях только пятерки. В третьей четверти выпускного класса Николай Катанов пропустил четыре урока, что было «событием» для всей гимназии. Для сравнения, у Всеволода Крутовского было 93 пропущенных урока, и это было далеко не самое большое число пропусков среди учеников этой группы. И успехи в учебе у остальных были скромнее, если у того же Всеволода Крутовского количество пятерок, четверок и троек было равным, то у Моисея Тонконогова при отличном поведении была лишь одна четверка, остальные – тройки¹⁴.

Вместе с Николаем Катановым в 1884 г. аттестат получили еще пять человек. Но его золотая медаль была первой в Красноярской мужской гимназии. В последующие 10 лет еще три человека окончат гимназию с золотой медалью, но Н. Ф. Катанов останется единственным медалистом из числа студентов православного вероисповедания.

Из одноклассников Н. Ф. Катанова никто не добился высот в науке, не стал крупным общественным деятелем, за исключением известного политика и создателя знаменитого Сада в Лалетино – Вс. М. Крутовского. Но гимназическая среда не ограничивалась одноклассниками, среди воспитанников Красноярской мужской гимназии было немало известных ученых и общественных деятелей. Например, в 1880 г. окончил Красноярскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета И. Л. Кондаков, ставший самым известным учеником и последователем профессора А. М. Бутлерова. В 1882 г. в Красноярскую мужскую гимназию поступил будущий известный монголовед, профессор Николай Козьмин. В 1882–1883 гг. гимназистами стали братья Островских, которые «во время учебы в гимназии... активно занимаются самостоятельным изучением родного края, собирая археологические, этнографические и естественные коллекции»¹⁵. В 1886 г. поступил в гимназию будущий ее следующий золотой медалист, а затем и академик АН СССР Александр Скочинский.

Особое место в судьбе Николая Катанова сыграл купеческий сын Арсений Ярилов. Он

поступил в гимназию двумя годами позже, в 1878 г., был не очень прилежным гимназистом и получил, как уже отмечалось выше, в качестве репетитора-«няньки» старшекурсника Н. Ф. Катанова. Эти два человека стали выдающимися учеными, оставаясь единомышленниками. Наглядным доказательством близости Арсения Ярилова и Николая Катанова является его исследование «В защиту науки и приговоренных к смерти»¹⁶, критикующее господствующие в науке того времени взгляды на хакасское общество. Нелишне вспомнить, что в 1896 г. А. А. Ярилов защитил в Лейпцигском университете диссертацию на ученую степень доктора философии по теме «Против «колониального» метода изучения Сибири».

Благодаря краеведу И. Т. Лалетину, мы можем познакомиться с воспоминаниями А. А. Ярилова о гимназисте Н. Ф. Катанове: «Николай Федорович сиднем сидел за книжкой, за тщательной отделкой всех гимназических заданий. Он неизменно был первым учеником в классе, пользовался благосклонностью директора и учителей. Катанов охотно, безотказно помогал товарищам по классу, но друзей среди них у него не было: заводить их ему не было времени... Всецело погруженный в самое добросовестное и кропотливое выполнение текущих своих обязанностей, Николай Федорович не проявлял интереса к литературе, искусству. Я не помню, чтобы он читал какие-либо книжки, кроме учебников, или ходил в театр, на концерты и т. д. К нему очень редко заходил кто-либо из одноклассников, желающих получить помощь в классных или экзаменационных занятиях. С семьей брата он соприкасался, бывая там лишь для деловых разговоров с братом. Держался всегда спокойно, с достоинством. Более сосредоточенного на своей работе, целеустремленного на ней человека я не встречал и среди научных работников»¹⁷.

Отдельной страницей гимназической биографии Н. Ф. Катанова было посещение им села Медведево Новоселовской волости. Так случилось, что в XVIII – первой половине XX в. это село, расположенное у подножья священной горы Немир, оказалось связано множеством видимых и невидимых нитей с мировой наукой. И все крупные ученые последующих поколений – выходцы

из этого района Красноярского края, а здесь можно отметить, что на заводе Ярилова начинал свою трудовую деятельность основатель советской африканистики И. И. Потехин, помнили о Н. Ф. Катанове. Академик И. А. Терсков в своих интервью почти через сто лет после того, как Н. Ф. Катанов посещал его родные места, не забывая отметить: «В конце прошлого века в нашем районе бывал известный хакасский ученый Катанов»¹⁸.

Говоря о становлении ученого, вероятно, необходимо было начать с учителей. Биографы Н. Ф. Катанова отмечают: «Ему очень повезло с учителями и духовными наставниками в Красноярске»¹⁹. В своей автобиографии в числе своих учителей Н. Ф. Катанов называет лишь А. К. Завадского-Краснопольского. Хакасские ученые еще в начале 1980-х написали: «В гимназии Катанову повезло: его непосредственным наставником и учителем истории и географии был педагог, оставивший заметный след в истории просвещения Сибири, – Андрей Кириллович Завадский-Краснопольский (1840–1889). Катанов очень увлекался научно-литературными трудами своего учителя и находился под сильным его влиянием»²⁰. Действительно, по окончании Киевского университета Св. Владимира А. К. Завадский-Краснопольский работал в Румянцевском музее в Москве. Но его влекла исследовательская работа в области археологии и этнографии и, отказавшись от предложенного ему места в Харьковском университете, он уехал в далекую Сибирь²¹. С 19 июля 1879 г. действительный студент историко-филологического факультета Императорского университета Св. Владимира А. К. Завадский-Краснопольский работал учителем истории и географии Красноярской мужской гимназии.

А. К. Завадский-Краснопольский был широко известен в России, он печатался в ведущих столичных газетах и журналах, издавал работы отдельными изданиями. В предисловии к изданной в Санкт-Петербурге книги «Корякско-Чукотский край и Камчатка: природа, ее особенности и население» он писал: «Предлагая читателю очерки «Русского Царства», я имел в виду, прежде всего: пополнить, хотя до известной степени, видный пробел в сведениях русских людей о

«Русской Земле»²². Вообще А. К. Завадский-Краснопольский оставил заметный след в истории Приенисейского края, красноярские исследователи отмечают: «Некоторые же из приезжих интеллигентов оставались в Сибири навсегда, искренне полюбив её и внося свою лепту в изучение Приенисейского края... В качестве примеров назовём... учителя, географа, писателя А. К. Завадского-Краснопольского»²³. До настоящего времени не утратили своего значения исследования этого учителя гимназии в Приенисейском крае: «Работа А. К. Завадского-Краснопольского, вышедшая в 1887 г., является одной из первых, где автор на основе собственных исследований и наблюдений опубликовал ценный статистический материал, характеризующий уровень развития сельского хозяйства, торговли в регионе»²⁴. Личная же библиотека А. К. Завадского-Краснопольского была одной из самых больших и известных в Красноярске, ее стоимость оценивалась в 2 тыс. рублей. Но во время последнего большого городского пожара в Красноярске весной 1881 г. библиотека А. К. Завадского-Краснопольского погибла.

А. К. Завадский-Краснопольский был не только ученым, известным исследователем Приенисейского края, но и одним из первых в Красноярске членов Императорского Русского Географического Общества. Биографы Н. Ф. Катанова пишут о нем: «Это был незаурядный педагог. Он владел образной, яркой речью и всегда нес своим ученикам новую увлекательную информацию. А. К. Завадский сразу обратил внимание на способного юношу... Это именно он познакомил Катанова с трудами тюркологов В. В. Радлова и финского ученого М. Кастрена»²⁵. Несомненно, Н. Ф. Катанов был одним из самых ярких и любимых учеников исследователя Сибири А. К. Завадского-Краснопольского.

Круг педагогов Красноярской мужской гимназии, конечно же, не был ограничен одним учителем. К середине 1870-х гг. в Красноярской мужской гимназии было немало кадровых проблем, но, в целом, коллектив работал слаженно, успешно справлялся со своими обязанностями. Исследователи пишут: «Почти до конца 1870-х годов замечался недостаток в учителях, хотя и в меньшей степени. Только с 1881 г. гимназия почти

всегда имела полный комплект учителей»²⁶. Во время поступления Н. Ф. Катанова обязанности директора гимназии исполнял воспитанник Казанской духовной академии И. А. Аристовский. В конце 1877 г. директором гимназии был назначен выпускник физико-математического факультета Петербургского университета Александр Сергеевич Еленев. Вероятно, первым учителем чистописания у Н. Ф. Катанова был воспитанник Енисейского уездного училища Василий Семенович Россихин. Законоучителем в последние годы обучения Н. Ф. Катанова в гимназии был протоиерей Василий Дмитриевич Касьянов. Удивительно, по предмету Закон Божий у него была пятерка, что было большой редкостью у гимназистов, но в дневниках «всероссийского протоиерея» Касьянова гимназист Николай ни разу не упоминается.

Нелишне привести имена ярких личностей, преподававших в гимназическое время Н. Ф. Катанова. В 1876–1881 гг. в гимназии учителем истории и географии работал выпускник московского юрфака Николай Иванович Козьмин. В октябре 1878 г. был «определен преподавателем математики Красноярской мужской гимназии»²⁷ выпускник Санкт-Петербургского университета Алексей Сергеевич Еленев, будущий известный сибиревед и археолог. С марта 1879 г. по август 1881 г. учителем русского языка и словесности в Красноярской мужской гимназии работал кандидат факультета восточных языков выдающийся русский синолог Николай Иванович Монастырев, защитивший магистерскую диссертацию по канонической древнекитайской конфуцианской летописи «Чунцю».

В разные годы обучения Николая Катанова в гимназии работали учителя древних языков Сергей Иванович Степанов, Илья Мартынович Кондратович, Владимир Васильевич Гречулевич и Федор Карлович Гайлитс; учителя русского языка Андрей Васильевич Сасс-Тисовский и Павел Ненароков; учителя математики Александр Карлович Штарк и др. Среди учителей гимназии в последний год обучения в ней Н. Ф. Катанова также были Богдан Богданович Стреблов (немецкий язык), Иван Иванович Бонгард (французский язык), Владимир Константинович

Иванов (математика), Михаил Васильевич Бирюкович (древние языки) и др.²⁸

Исследователь истории Красноярской мужской гимназии, говоря о временах поступления Н. Ф. Катанова в гимназию, уже в XIX в. отмечал: «Учебные занятия в Красноярской гимназии также пошли гораздо правильнее с приходом новых учителей. В педагогических советах заметны оживленные обсуждения вопросов по методике преподавания предметов гимназического курса. Так, например, И. А. Аристовский доложил совету записку, в которой были указаны методические требования при ведении сочинений по русской словесности...»²⁹. Большинство учителей были людьми неравнодушными, энтузиастами своего дела. Примером тому служит «Проект литературных ученических вечеров, предположенных к учреждению при Красноярской мужской гимназии» М. В. Бирюковича³⁰.

Н. Ф. Катанов пережил тяжелый для Красноярской мужской гимназии 1880/1881 учебный год. Сначала тяжело заболели четыре преподавателя, и вскоре двое из них, законоучитель (преподаватель Закона Божьего) протоиерей Иван Матвеевич Рачковский и учитель греческого языка Александр Александрович Диомидовский, умерли. А в апреле 1881 г. большой пожар в Красноярске уничтожил гимназические здания, от главного корпуса мужской гимназии остались только стены. Большинство преподавателей лишились своего имущества. Правда, библиотеку и архив гимназии частично спасти удалось. Но погибли личные библиотеки Завадского-Краснопольского, Монастырева и Гречулевича, а это был удар не только по красноярской науке и образованию, но, вероятно, было большой потерей для всей России. Можно предположить, что преждевременная смерть выдающегося ученого Н. И. Монастырева была связана с этим бедствием. Гимназисты досрочно ушли на каникулы. Затем некоторое время они вынуждены были заниматься в непригодных помещениях ремесленного училища Щеголевой, и лишь в январе 1882 г. занятия были возобновлены в восстановленном здании гимназии.

С первых дней обучения в гимназии Н. Ф. Катанов начал заниматься научно-исследовательской деятельностью. Исследователи

пишут: «...с первого года учебы в гимназии он начинает записывать пословицы, загадки, мудрые изречения своего народа. Они вошли потом в IX том «Образцов народной литературы тюркских племен», изданной В. Радловым»³¹. Еще одним ярким свидетельством научной работы в стенах Красноярской гимназии является хранящееся в архиве рукописного фонда ХакНИИЯЛИ так и не опубликованное исследование по хакасскому языку. Исследователи отмечают: «Научная деятельность Н. Ф. Катанова как тюрколога-языковеда началась с изучения хакасского языка. В гимназии в 1882–1884 гг. была им написана работа «Татарский язык (сагайское наречие)» в двух частях, выполненная на высоком научном уровне»³². Известный ученый И. И. Ильминский так оценил эту работу и ее автора: «Из нее видна даровитость г. Катанова, блестящие успехи в предметах гимназического курса...»³³. Будучи учеником гимназии, Н. Ф. Катанов в сентябре 1882 г. направил свой труд в Академию Наук и затем по этому поводу состоял в переписке с главным научным учреждением Российской империи.

Биографы Н. Ф. Катанова справедливо отметили, что, делая переводы для епископа Енисейского и Красноярского Исаакия уже в гимназические годы, «он демонстрирует... усвоение строгих правил настоящей научной работы: использование первоисточника, а не его более доступного изложения»³⁴. Также отмечается: «К 1883 г., таким образом, относится первое появление имени Н. Ф. Катанова в научной литературе»³⁵. Во время обучения в гимназии Н. Ф. Катанов начал собирать свою всемирно известную библиотеку, которая в 1914 г. была куплена премьер-министром Турции.

Прямо или косвенно указывают на научную деятельность Н. Ф. Катанова в гимназические годы его научные публикации. Первые научные статьи и переводы были опубликованы уже в 1885 г., на следующий год после приезда в Санкт-Петербург. А в пояснении, говоря о публикации 1887 г., отмечается: «помещены в русском переводе 2 былины: качинская былина о богатыре

Алып-Сояне, записанная мною в 1882 г. в бытность еще гимназистом VI класса...»³⁶.

Время обучения в гимназии стало периодом, когда Н. Ф. Катанов познакомился, лично или заочно, с множеством крупных ученых, известных общественных деятелей. Исследователи называют «первыми наставниками будущего ученого Н. И. Ильминского и В. В. Радлова»³⁷, которые «направили» гимназиста Катанова в Санкт-Петербургский университет. С известным тюркологом, директором Казанской учительской семинарии Н. И. Ильминским, Н. Ф. Катанов вступил в переписку в 1881 г. Здесь необходимо отметить, что Николай Иванович Ильминский, избранный еще в 1870 г. членом-корреспондентом Академии Наук, был не только одним из самых известных российских тюркологов, но и отличался независимостью, часто вступал в оппозицию официальным государственным и церковным структурам. Выше уже отмечалось, что в 1881 г. гимназист Катанов отправил свою работу выдающемуся ученому и общественному деятелю Г. Н. Потанину. В гимназические годы Н. Ф. Катанов нашел возможность наладить сотрудничество с известными миссионерами, много сделавшими для изучения народов Южной Сибири. Хакасские ученые отмечают, что «в эти же годы Катанов близко знакомится с известным алтайским миссионером и видным ученым-тюркологом В. И. Вербицким. Под его непосредственным влиянием появляется первая научная работа...»³⁸.

Таким образом, красноярский период биографии Н. Ф. Катанова явился важнейшим этапом становления выдающегося ученого. В стенах Красноярской мужской гимназии он не только получил базовое образование, необходимое для успешного обучения в столичном университете, но и приобрел первый опыт научно-исследовательской работы. При этом сам Н. Ф. Катанов стал знаковой фигурой истории красноярского образования и науки и, безусловно, вместе с другими воспитанниками Красноярской мужской гимназии является опорой для будущего развития нашего края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009. – С. 3.
2. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 10.
3. Великий ученый-лингвист Николай Катанов // «Независимое информационное агентство» <http://www.dorogajizni.ru/?action=show&id=19757>.
4. Валеев, Р. М., Мартынов, Д. Е. Российское университетское востоковедение в архивных документах: Центры, события и наследие (XIX – нач. XX в.). – Казань, 2009. – С. 72.
5. Материалы словаря С. А. Венгерова, 1897 г. // Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография. – Изд. 2-е. – М.–Абакан, 2001. – С. 15–16.
6. Архив Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартынова (АМКМ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 19. Л. 3.
7. Материалы словаря С. А. Венгерова, 1897 г. // Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография. – Изд. 2-е. – М. – Абакан, 2001. – С. 16.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 348. Оп. 1. Д. 29.
9. Бакай, Н. Н. Двадцатипятилетие Красноярской губернской гимназии (1868–1893). – Красноярск, 1893. – С. 81.
10. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 10.
11. Лалетин, И. Т. Его имя носит университет // Красноярский рабочий. – 2002. – 5 июля.
12. Бакай, Н. Н. Двадцатипятилетие Красноярской губернской гимназии (1868–1893). – Красноярск, 1893. – С. 72.
13. ГАКК.Ф. 348. Оп. 1. Д. 23.
14. ГАКК.Ф. 348. Оп. 1. Д. 29.
15. Вдовин, А. С., Данилейко, В. А., Ипполитова, А. Б. Петр и Константин Островских: гимназические и студенческие годы (первые исследования 1879–1896) // Енисейская провинция. Альманах. – Вып. 5. – Красноярск, 2010. – С. 98.
16. Ярилов, А. В защиту науки и приговоренных к смерти. – Юрьев, 1900.
17. Лалетин, И. Т. Его имя носит университет // Красноярский рабочий. – 2002. – 5 июля.
18. Горизонты науки // Советская Хакасия. – 1971. – 30 апреля.
19. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 14.
20. Субракова, О. Сын степей. К 120-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова // Живая старина. – Абакан, 1996 – С. 135.
21. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 14.
22. Завадский-Краснопольский, А. К. Коряко-Чукотский край и Камчатка: природа, ее особенности и население. – СПб., 1873. – С. 3.
23. Хорина, В. В. Об источниках формирования интеллигенции Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность : материалы VI Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. – Красноярск, 2010. – С. 140.
24. Константинова, М. В. Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук: – Красноярск, 2007. – С.8.
25. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 14.
26. Бакай, Н. Н. Двадцатипятилетие Красноярской губернской гимназии (1868–1893) – Красноярск, 1893. – С. 82.
27. Вдовин, А. С., Макаров, Н. П., Еленев, А. С. Материалы к биографии. Красноярский период //Енисейская провинция. Альманах. – Вып. 4. – Красноярск, 2009. – С. 340.
28. ГАКК. Ф. 348. Оп.1. Д. 26. Л. 1.
29. Бакай, Н. Н. Двадцатипятилетие Красноярской губернской гимназии (1868–1893) – Красноярск, 1893. – С. 61.
30. ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 22.
31. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 14.
32. Каскаракова, З. Е. Краткий сагайско-русский словарь Н. Ф. Катанова // Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии. – Казань, 2006. – С. 41.
33. Тугужекова, В. Н. Детство и юношество: Аскиз–Красноярск // Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань–Абакан, 2008–2009. – С. 21.
34. Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография. – Изд. 2-е. – М. – Абакан, 2001. – С. 35.
35. Там же.
36. Материалы словаря С. А. Венгерова, 1897 г. // Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография. – Изд. 2-е. – М. – Абакан, 2001. – С. 20.
37. Валеев, Р. М., Мартынов, Д. Е. Российское университетское востоковедение в архивных документах: Центры, события и наследие (XIX – нач. XX в.). – Казань, 2009. – С. 73.
38. Субракова, О. Сын степей. К 120-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова // Советская Хакасия. – 1982. – 18 мая.

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. Ф. КАТАНОВА В «ОЧЕРКАХ...»

Николай Федорович Катанов – один из выдающихся ученых-тюркологов, исследователь урало-алтайского мира, творчество которого было посвящено многообразным аспектам научной деятельности: этнографии и истории, лингвистике и переводоведению, литературоведению и фольклористике, нумизматике и музейному делу, археологии и краеведению. Он также талантливый профессор, лекции которого собирали многочисленную аудиторию в Казанском университете.

Несмотря на многоаспектность творческой деятельности Н. Ф. Катанова, одной из главных его заслуг является изучение и исследование культуры и этнического мира тюркских народов Южной Сибири, Восточного Туркестана и Центральной Азии. Об этом свидетельствует собранный на протяжении четырехлетнего путешествия Н. Ф. Катанова (1889–1892) бесценный материал: рукописи, дневниковые записи, позже опубликованные в «Очерках Урянхайской земли» (2011).

Особенно примечательны «Очерки...» ученого. Они являются визитной карточкой, энциклопедией жизни и культуры тувинцев. «Очерки...», с одной стороны, эксплицируют исследовательскую методологию ученого, его умение общаться с местным населением и добывать необходимую информацию, его графическое искусство – рисунки и чертежи предметов домашней утвари, одежды, строений, орнаменты на головных уборах людей и седлах лошадей, символы-тамги тувинцев. Среди них особое место занимает копия Н. Ф. Катановым со скалы одной строки «рунических чудских букв»¹; тайна рунических знаков еще не была открыта, но внимание ученого привлекли «чудные знаки» – интуиция ученого была предвестником сенсационных открытий тюркских рунических памятников, которые последуют через четыре года.

С другой стороны, в «Очерках...» запечатлена картина мира тувинцев (сойотов), их

материальная и духовная деятельность, которую можно систематизировать как:

- описание природы, отношение к ней и ее использование;
- раскрытие духовного мира, верований тувинцев;
- характеристику социальных проблем: низкое социальное положение большей части этноса, взаимоотношения его с китайской властью, с русскими поселенцами и торговцами, с другими тюркскими народами;
- описание материальной культуры, жилищ, предметов домашней утвари, одежды, головных уборов, обуви и т. д.;
- раскрытие традиций, обрядов и обычаев;
- описание фольклорного богатства;
- изучение словарного фонда тувинцев;
- характеристика морально-этических ценностей.

Таким образом, на основании систематизации ключевых понятий, содержащих в «Очерках...» Н. Ф. Катанова, можно воссоздать уникальную концептуальную и языковую картину мира тувинцев на рубеже XIX и XX вв.² Некоторые из этих понятий рассмотрим в рамках данной статьи.

Путешествуя по Урянхайской земле, Н. Ф. Катанов большое внимание уделяет природе края, его богатству и использованию – он подробно описывает маршруты, расстояние между ними, указывает реки и их притоки, горные хребты и перевалы, упоминает название трав и растений. Причем название топонимов исключительно тюркского происхождения, что свидетельствует о том, что эта земля с древних времен принадлежала тюркским народам. Например: «Улу-Кем. Притоки его: 1) с правой стороны: Баин-гол, Ирбек, Иджим, Темир-сук, Ели-Кем, Кули-Кем, Орта-Кем; 2) с левой стороны: Елегест, Барук, Шагонар, Чакуль или Джагол, Бом-Кемчик»³.

В записях от 9 июня отмечается: «В 11 часов утра я отправился к жене Калбыкая, пастуха

г. Тархова. Она рассказала мне о деревьях, растущих в Урянхайской земле. При названии каждого дерева она говорила, где растет. ...Затем я вел разговор с 78-летним стариком сумына Кыргыз. Он рассказывал о деревьях: где они растут, какую пользу приносят человеку и какие животные питаются ими. Он сказал, что кора пихты идет на лекарство в измельченном виде, а прутья кызыргана употребляются на стрелы. Про зверька табаргу он сказал, что пупок его идет на лекарство, которое потом продается очень дорого; у русских пупок этого зверька известен под именем «струи». Из оленьих рогов, именно широкой части, делаются тарелки и корыта. Кожа оленя идет на одежду и обувь, а жилы употребляются на починку обуви; в отношении прочности лучше всяких других ниток. Белка идет обыкновенно на уплату податей. Черемуха перемалывается ещё свежая посредством жернова, просушивается и в сухом виде употребляется с маслом»⁴.

В рассказе запечатлена реальная картина отношения человека к природе: тувинцы хорошо знают природу, используют ее дары в своей жизни. Особенно важна информация об оленях. На примере тувинцев видно, что в концептуализации окружающего мира человеком важное место занимали именно животные в качестве:

- сакрального тотема (марал, олень, медведь), олицетворяющего силы природы, а посему преклонение и подчинение этим силам;
- средства передвижения;
- имущественного социального положения (богатый/бедный);
- единицы экономических отношений (белка у тувинцев служит как денежный знак в торговле);
- пищи, еды для поддержания жизни человека;
- изготовления предметов домашнего обихода: одежды, обуви, домашней утвари и т. д.

Проиллюстрируем сказанное выдержками из «Очерков...»: «Потом Менделэ рассказывал мне о животных домашних и диких. Сойоты употребляют в пищу мясо волка, медведя и всякого другого зверя. Зверей убивают железными стрелами из деревянных луков и пулями из ружей кремневых. Чаще всего охотятся на диких коз, зайцев, оленей и лосей. Шкуры звериные идут на шубы,

шапки и уплату податей. Маральи рога стоят от 2 до 5 хороших лошадей. Овчины не идут на уплату податей. Единицей покупной цены для шкур служит беличья шкура: шкура медведя стоит 20–40 белок, шкура бобра – 80–60 белок, шкура соболя – 60 белок, шкура зайца–1–2 белки»⁵.

Н. Ф. Катанов подчеркивает, что при встрече с любым тувинцем этикетное приветствие начинается со слов: «Здоров ли ты? Здоров ли твой скот?» Для сравнения: в культуре казахского народа до недавнего времени приветствие также начиналось со слов: «Малжан аман ба?» («Благополучен ли твой очаг и скот?») Поэтому в «Очерках...» большое внимание уделяется рассказам о животных: «Он мне рассказывал о собаках, лошадях, коровах, верблюдах, овцах и домашних козах или яманах. Он сообщил мне именно междометия или звуки, которые издаются человеком, когда он гонит животное, зовет, останавливает или заставляет бежать»⁶.

Единство с природой, защищенность ею и этнически особенное в поведении тувинцев раскрываются в описании различных способов переправ через многочисленные тувинские реки: «Сойоты переправляются через большую речку на лошади или быке, сидя на них, а чаще привязав к их хвосту салик (плотик), который делается из 5–7 бревнышек»⁷. И далее Н. Ф. Катанов с восхищением отмечает: когда тувинцы переплывают реку, держась за хвосты коней, они поют песни, но, плывя на лодке, ничего не говорят, так как сильно боятся всего, даже малейшего колебания лодки. Единство с природой отразилось и в мифах тувинцев: в «Очерках...» даются несколько вариантов мифов о медведях, метаморфоз человека в медведя в силу нарушения нравственно-этических норм: «Медведь (кайркан) прежде был человеком. Он слишком много пил водку и, осердившись из-за водки, сделался медведем»⁸. Другой миф с тем же образом: «Медведь (кайркан) прежде был человеком. Он однажды ушел в лес и прекратил всякие сношения с людьми. Он ушел именно на хребет Танну, потому что любил только приказывать, а его никто не слушался. За эту гордость Эрлик-хан превратил его в зверя»⁹.

Центральной темой тувинской картины мира является проблема, связанная с верованием. Несмотря на распространение буддизма, тувинцы, как и многие тюркские народы, поклонялись верховному божеству Кудая (реликты этой веры тюркские народы, в т.ч. казахи, сохранили до настоящего времени). Тувинцы верили в злых и добрых духов, и космология их была связана с языческими духами: «Старик этот пришел ко мне в 4 часа пополудни, напился у меня чаю и сообщил мне кое-что о злых духах: шулбус, албыс, о числе небес, о происхождении грома и молнии. Шулбус имеет один глаз и большой нос. Живет он только в пещерах. Шулбус есть мужского пола и женского. Человеку он пакостит. Он убивает человека и бросает. Албыс живет в местах не каменистых, а песчаных. Албыс и шулбус не боятся плохих шаманов, зато от хороших, сильных шаманов они убегают далеко. Они часто спускаются под землю, но подняться на небо они не в силах»¹⁰.

Квинтэссенцией верования тувинцев является шаманизм, несмотря на то, что шаманизм тувинцев, по мнению Н. Ф. Катанова, испытал сильное влияние буддизма. Шаман хороший или плохой – центральная фигура «Очерков...», в них достаточно подробно описаны камлания шаманов, различные ситуации, связанные с ними, обучение молодых шаманов. Шаман обладает невероятной духовной властью над людьми. В экзальтированном сознании людей шаман является почти мифическим лицом: «Шаман сидит сначала перед огнем, бьет в бубен, затем встает, шаманит, стоя на огне, ноги у него не горят; потом он берет нож и вонзает себе в грудь, и нож выходит у него изо рта. Раны у него от этого никогда не бывает»¹¹. Кроме того, в веровании тувинцев сохранилось деление Вселенной на верхний, средний, нижний миры, присущее для мировоззрения средневекового человека и запечатленное в тюркских рунических памятниках¹²: «*Душа умершего хорошего человека уходит на небо, в землю Бурхан-кудая и там вновь перерождается и умирает навсегда... душа умершего человека злая (худая) уходит в землю Ерликов, под землю, в подземный мир Аза*»¹³. Проводником между этими мирами является шаман, который как особое одухотворенное лицо «ест совсем мало, табак курит

только картузный, по ночам не спит, так как духи подземные имеют с ним свидание... Шаман, находясь в юрте, может узнать, что делается под землей, на земле и на небе»¹⁴.

В наивном сознании тувинцев шаманы, связывая души людей с другими мирами, сами обречены на бессмертность, ибо «душа шамана нигде не принимается: ни в раю, ни в аду. Она напрасно витает по горам, камням и деревьям, ища где-нибудь приюта, но не находит его нигде»¹⁵.

Важным в картине мира тувинцев является их занятие и социальное положение. Н. Ф. Катанов писал: «Мужчины у сойотов пасут скот, сеют хлеб, ходят на охоту, занимаются мастерствами; женщины шьют и починяют одежду, готовят пищу, угощают гостей и делают кошмы»¹⁶. На рубеже двух столетий тувинцы не обладали самостоятельной государственностью и находились фактически под тройным игмом: Цинской империи китайских чиновников (дзурганов), монгольских князей (нойонов) и русских купцов и переселенцев. После поборов китайских и монгольских чиновников народ, по записям Николая Федоровича, беднел и нищал на глазах: «Так как нойон и джурган во время отправления службы имеют право пользоваться взамен столовых денег баранами, собранными у сойотов, то они набирают баранов несметное количество. Часто вместо баранов они берут уплату за товар коровами и лошадьми. Один джурган в 1888 году угнал с собой домой 100 лошадей... Они всегда получают: 1) двойную плату за товар; 2) двойные кормовые деньги; 3) подарки от богатых»¹⁷. В результате, отмечал Н. Ф. Катанов, обогащение представителей государственной власти в Урянхайской земле, с одной стороны, и обеднение не в меру обираемых сойотов – с другой. Поэтому тувинцы, как только слышали о намерениях приехать китайских чиновников, то, всячески избегая встреч, откочевывали в самые недоступные места. Вследствие тройного гнета жили тувинцы очень бедно, «питались они просом, кандыком (луковичное растение), саранью».

Тувинцы охотно общаются с русскими, работают у них, тувинские девушки выходят замуж за русских. В свою очередь и русские проявляют лояльность к тувинцам, знают их привычки и традиции, умеют общаться на тувинском языке.

«Сойоты, – писал Н. Ф. Катанов, – более питают симпатию к русским, чем к китайцам». «Сойоты говорят, что под властью русских им было бы гораздо лучше, чем под игом китайцев, которые рано или поздно обчистят их догола, а потом бросят на произвол судьбы»¹⁸.

При всей суровости жизни тувинцы не растеряли самобытную свою культуру, свои традиции, обряды, обычаи, которые широко представлены Н. Ф. Катановым в «Очерках...»: «Он сообщил мне, как благословляют старшие младших. Он сказал о жертвоприношениях, что они совершаются несколько раз в год. Во время этих празднеств устраиваются бега лошадей в запуски, борьба и большие кутежи»¹⁹. В традициях и обычаях тувинцев есть, с одной стороны, этнически самобытное (*«Если умрет какой-нибудь урянхаец, то поминки об нем справляют через 7 дней, 49 дней и 1 год. В течение всего этого времени не выносят из юрты, где жил покойник, ни одной вещи и не приносят»*). С другой стороны, тувинские обычаи идентичны этноконстантам других тюркских народов: двоюродные братья и сестры сочетаются браком только тогда, когда произошли от родных сестер, а не от братьев (для сравнения: в казахской традиции братья и сестры по материнской линии, так называемые «бөле», сочетаться браком правомочны, чего ни в коем случае нельзя делать двоюродным братьям и сестрам по отцовской линии). Наследство отдается больше всего младшему сыну, как не заработавшему ничего²⁰. В казахской традиции также наследником «шанырака», т. е. очага, является младший сын – кенже.

Картина мира и духовной жизни тувинцев наиболее ярко проявилась в их устном народном творчестве: в многочисленных песнях, мифах, сказках, загадках. Как у многих тюркских народов, где письменный литературный язык развивается слабо, устное народное творчество тувинцев отличается богатством и разнообразием. Во всех своих встречах с тувинцами Н. Ф. Катанов обязательно слушает и записывает песни, причем песни поют все – от мала до велика, от малолетних детей до старцев. Всего, по данным исследователей, в «Очерках...» зафиксировано более 1122 песен. Песни тувинцев являются энцикло-

педией их жизни, таковы богатство их содержания, разнообразие их тематик и жанров. «Тематика песен обширна и разнообразна. Здесь есть и песни, описывающие известные им леса и горы, реки и озера, характерные для всей Тувы; песни о любви, браке и семье, о тяжелой женской участи, супружеской неверности; о личных чувствах и переживаниях, настроениях; о шаманах и ламах, о труде и быте; есть и сатирические песни, высмеивающие пороки и недостатки в характере целых родов и племен и др. Впервые здесь довольно полно представлены также и песни эротического, плотского содержания»²¹.

Проиллюстрируем сказанное примером: «О боги, дающие низшим тварям малую жизнь! Покажите мне обитание Эрлик-хана! О удивительные, стерегущие и золотыми своими ногами, и ртом! О духи мои! О владыки мои, подающие мне помощь и отдохновение! Не будьте причиной моих болезней и напастей! Избавьте от болезней! Обратите сюда свои взоры, о красавицы! Глаза мои – вещь, могущая полинять! О владыки, идите вперед по дороге и будьте моим проводником»²². Содержательна данная песня, насыщена, глубоко поэтична за счет повторяющихся обращений, особой лиричной тональности. В песне концептуализируются и верховные боги тувинцев (*боги, творящие жизнь*), и нижний подземный мир (*обитание Эрлик-хана*), и их хорошие/плохие духи, чувства и любовь (*Обратите сюда свои взоры, о красавицы!*), и нравственно-этические смыслы (*Глаза мои – вещь могущая полинять! О владыки, идите вперед по дороге и будьте моим проводником*).

Развитие песенного искусства тувинцев сопряжено с развитостью прикладного декоративного искусства. Поэтому Н. Ф. Катанов подвергает тщательному описанию музыкальные инструменты, предметы быта, домашнюю утварь, одежды, головные уборы; все это сопровождается рисунками, схемами, чертежами, точными геометрическими измерениями и вычислениями. Все это бесценная информация о мире, мышлении и языке тувинцев, точные знания, которые дополняют и расширяют вербальный текст «Очерков...», делая его истинным и верифицируемым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011. – С. 188.
2. Шаймердинова, Н. Г. Когнитивная семантика древнетюркских орхонских текстов. – Астана, 2007. – С. 55.
3. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 79.
4. Там же. – С. 109.
5. Там же. – С. 92.
6. Там же. – С. 100.
7. Там же. – С. 45.
8. Там же. – С. 78.
9. Там же. – С. 110.
10. Там же. – С. 103.
11. Там же. – С. 28.
12. Мелиоранский, П. М. Памятник в честь Кюльтегина. – СПб., 1899; Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951; Шаймердинова, Н. Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира. – Астана, 2009. – С. 56.
13. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 78–79.
14. Там же. – С. 95.
15. Там же. – С. 97.
16. Там же. – С. 31.
17. Там же. – С. 43.
18. Там же. – С. 71.
19. Там же. – С. 89.
20. Там же. – С. 314.
21. Орус-оол, С. М. Н. Ф. Катанов – собиратель тувинского фольклора // Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011. – С. 346.
22. Там же. – С. 304.

С. М. БИЧЕ-ООЛ

Н. Ф. КАТАНОВ СРЕДИ КАРАГАСОВ (к 150-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова)

Имя выдающегося ученого-востоковеда, знатока тюркских языков и этнографии, сына хакасского народа Н. Ф. Катанова, широко известно в российском тюркском мире и за рубежом. Бесконечно удивляет и поражает научный подвиг Н. Ф. Катанова, собравшего уникальные лингвистические и этнографические материалы конца XIX в. о народах Сибири. В труднейших условиях бездорожья, скудных средств, на что не каждый ученый отважился бы рискнуть, молодой Н. Ф. Катанов собрал уникальный материал о духовной и материальной культуре хакасов, казак-киргизов (казахов), уйгур, тувинцев (урянхайцев), карагасов (тофов, тофаларов). Как специалист, получивший блестящую тюркологическую подготовку на факультете восточных языков Петербургского университета, Н. Ф. Катанов оставил нам в наследство ценнейшие лингвистические и этнографические материалы. По содержанию и научной состоятельности они имеют энциклопедическую ценность. Собранные им материалы о небольшом оленеводческом народе, тогда называвшемся карагасами, а в наши дни тофаларами, имеют неопределимое значение.

Горно-таежные массивы Восточных Саян явились тем местом, где с глубокой древности жили и кочевали на высоте 2000–3000 метров оленеводческие народы. С северной стороны Восточно-Саянского хребта кочевали карагасы. Духовная и материальная культура этого народа теснейшим образом связана с окружающей их природой. Сложившиеся взаимоотношения с оленеводами, которые кочевали и по сей день кочуют по западной, восточной и южной сторонам Восточных Саян, были отношениями родственных народов. Контакты этих оленеводческих народов на высокогорных пастбищах Саян с древнейших времен, несмотря на исторические и политические коллизии государств их окружающих, были тесными и регулярными. Эти контакты были необходимы им для поддержания оленеводческого этноса, для защиты от междоусобных племенных раздоров, разорения со стороны захватнических аппетитов феодальных государств. Вот как описывает в своем предисловии Н. Ф. Катанов взаимоотношения карагасов, кочевавших по северным склонам Восточных Саян, которые он посетил весной 1890 г. «Карагасы же, – пишет он, – исключительно бродят в лесах Саянского

хребта и вместе с пограничными урянхайцами Китайской империи занимаются звероловством. Я считаю карагасов и урянхайцев за одно племя или, по крайней мере, за остатки одного народа, во-первых, потому, что оба эти племени называют себя одинаково – Туба, а во-вторых, потому, что наречия их весьма близки друг другу»¹.

Свои лингвистические выводы Н. Ф. Катанов подтверждает этнографическими данными, говоря, что карагасы и урянхайцы, свободно изъясняясь между собой, совершают гостевые поездки, торговые сделки, сватаются к урянхайским девушкам и привозят для себя жен. Возможность сравнивать эти языки, ёмко и лаконично подмечать этнографические материалы были основаны Н. Ф. Катановым на его глубоком знании, прежде всего, тувинского языка. Вот как он пишет: «Надо заметить, что, благодаря исключительному знанию урянхайского наречия, я в два дня настолько освоился с особенностями карагасского наречия, что на третий день стал уже вести точные лингвистические записи на карагасском наречии без переводчика»². Благодаря лингвистическим способностям Н. Ф. Катанова, его наблюдательности, непосредственному контакту с карагасами на их родном языке, мы получили подлинную информацию о жизнедеятельности карагасского народа того времени. Его переводы карагасских слов, понятий, терминов и сравнение их с урянхайским (тувинским) языком свидетельствуют в пользу, с точки зрения Н. Ф. Катанова, того, что карагасские оленеводы – это один народ и они родственны тувинским оленеводам. Действительно, это родственные народы по мировоззрению, по языку, по типу использования оленей в хозяйственно-бытовой деятельности. Жаль только, что по их исконным местам обитания, по судьбам оленеводов Восточных Саян были проведены границы государств, разделившие некогда один народ.

В конце XIX – начале XX в. в среде путешественников, ученых интерес к оленеводческому населению Восточных Саян был огромен. По археологическим данным, оленеводы уже в I тыс. до н.э. имели одомашненных оленей, а на рубеже нашей эры их использовали в качестве транспортных животных³. Об оленеводческих народах Восточных Саян было известно из

китайских династийных хроник (618 – 907), из монгольских хроник 1207 г., из трудов Рашид ад-Дина (конец XIII — начало XIV в.), русских ясачных книг Красноярского уезда, от русских послов В. Тюменца, И. Петлина, Е. Пестерева. До встречи Н. Ф. Катанова с карагасами некоторые лингвистические и исторические материалы имелись у ученых – П. Палласа, И. Г. Георги, Г. Спасского, А. М. Кастрена и Ю. Штубендорфа⁴. Однако только в записках Н. Ф. Катанова о карагасах представлена подлинная и более полная картина жизни карагасского народа. Его работа «Поездка к карагасам в 1890 году», хоть и написана в дневниковом жанре, по широкому охвату фактических данных, описанию их, осмыслению и аналитике – это серьезное монографическое исследование, заслуживающее самой высокой оценки. Автор в доступной форме, лаконично и образно представил нам основные особенности культуры и быта карагасов того времени. К этому следует добавить, что Н. Ф. Катанов как никто другой, а это прочитывается в его описаниях, проявил огромный такт, уважение и сочувствие к карагасскому народу.

28 января 1890 г. Н. Ф. Катанов «на тройке обывательских лошадей» выехал из Минусинска и через Красноярск, села Рыбинское, Ирбейское добрался до верховья реки Бирюса. В предгорье Восточных Саян на зимниках жили русские крестьяне, занимаясь хлебопашеством, охотой и рыболовством. У них карагасы и в зимнее, и летнее время закупали хлеб, порох, табак, спички и чай. Русские, как отмечает Н. Ф. Катанов, за деньги у карагасов покупали трубки, лыжи, кожу, а за золото, которое карагасы намывали сами, русские продавали им продукты питания. А вот «за водку, – сообщает Н. Ф. Катанов, – они отдают все, что имеют (соболей, белок, выдр), кроме оленей, на которых сами ездят»⁵. Обстоятельно, детально в записках рассматриваются вопросы происхождения карагасов, их численность, структура управления, размеры подати, которую они платили в казну. Информаторами Н. Ф. Катанова были люди различных возрастов, но чаще это были пожилые мужчины, которые в прошлом возглавляли в целом все родовые подразделения, либо родовые подразделения карагасов в отдельности. Весьма интерес-

ные данные представил Н. Ф. Катанов о «быте и костях карагасского племени». Указаны территории их расселения и сумма подати, платившаяся в казну по годам. Со слов старика Пёсельчика Н. Ф. Катанов записал, что карагасы себя называют «туба» и состоят из 5 костей: Кашь, Сарыгь-Кашь, Чогду, Кара-Чогду и Чептей. Интересны данные о кости Чептей, которую карагасы считали пришлой «от озера Каза (Косогола)» и находящуюся на земле Ха-Дархатов. Это оленеводческая группа с южной стороны Восточных Саян, кочевавшая также и в верховьях Каа-Хема. Подробно описаны не только места обитания, проживания, но и места выхода той или иной кости. Так, наиболее крупные по численности кости карагасов – Чогду и Кара-Чогду – вышли с верховья большой реки Уды, но места охоты их разные. Группа Чогду охотилась по реке Уда, а группа Кара-Чогду – по реке Ага-Аха (совр. назв. р. Ока в Окинском районе Бурятии). Кость Кашь, как полагают карагасы, «пришла с озера Эргелига (или Орлыхор). Это озеро находится в верховьях Киж-Хема в земле Чота (урянхайцев). Киж-Хем впадает в р. Хамзыру (Камсару), а Хамзыра (совр. тув. назв. р. Хамсыра) впадает в р. Пе-Хем (р. Бий-Хем), которая далее называется Енисеем»⁶. Место охоты кости Кашь находится в Белогорье (в гольцах), высоко в тайге, а кость Сарыгь-Кашь охотится по реке Терий-суг (р. Гутара). Как видим, Н. Ф. Катанов наглядно показал, что по местам выхода родовых костей, расселения и местам их охоты оленеводческие народы Восточных Саян в силу географических условий жили, кочевали и охотились в основном вокруг горно-таежного массива Восточных Саян, а в летнее время выходили на луговые пастбища до современных городов Канска и Тулуна.

Ценными сведениями Н. Ф. Катанова являются материалы по структуре управления карагасского общества. Карагасские роды возглавлялись шуленгой (или князем), называвшимся «улузь пашь – великая голова», который при хорошем управлении мог служить подолгу, а вот «дарга» избирался во главе рода (кости) на три года. Судебные вопросы карагасов разрешал «таршина» (старшина), назначая за серьезный проступок 30 ударов розгами. Своих чиновников карагасы избирали сами. Каждый карагасец от

18 до 60 лет платил по 1 соболю казне, шуленге, старшине и 5-м даргам⁷. Итого, обязательная подать одного оленевода в казну составляла восемь соболиных шкурок. Это было много по тому времени. Подати с населения собирал дарга и передавал шуленге, а тот во время ежегодного «суглана» – схода, съезда (6 декабря) собранные подати передавал исправнику из Нижнеудинска.

Интересные и ценные этнографические материалы были даны Н. Ф. Катановым о составе семьи, количестве детей, их рождении, свадьбе, похоронах, пище, охоте, оленеводстве и брачно-семейных отношениях. Так, он писал, что у карагасов «никогда не женятся на девице своей кости, т. к. вся кость считается родней. Девица из рода Кашь должна выйти замуж за парня из рода Чептей или Чогду, два родные брата не женятся на дочерях одного человека, двоюродный брат не женится на двоюродной сестре»⁸. Как видим, Н. Ф. Катанов зафиксировал у карагасов экзогамный порядок брака. Далее он дополнил материалы запретами и избеганиями между лицами, вступающими в брак. Например, невестка не прячется сама, не прикрывает своего лица (как у минусинских татар), «если она сидела, то встанет и сядет только тогда, когда сядет свекровь или свекор, если они будут разговаривать, то будет разговаривать и она»⁹. Став женой, она не называет по имени родителей мужа. Зять обращается к родителям жены – «каттымь» (тесть мой) и «коть иёмь» (теща моя). У карагасов, отмечал Н. Ф. Катанов, нет многоженства. После смерти первой жены вдовец мог жениться, но только дважды. После смерти мужа жена могла выйти вновь замуж. Если женщина стара, свадьба не игралась, но если кто надумал взять ее в жены, он просто уводил ее с собой. После смерти шамана на его жене мог жениться мужчина из другой кости, а если умирал брат, то на вдове его брат не мог жениться. Как видим, Н. Ф. Катанов зафиксировал отсутствие у карагасов сорората и левирата. Важный материал, собранный по терминам родства и свойства, Н. Ф. Катанов записывал как от первого лица, так и путем прямого расспроса и наблюдения. Так, дети при обращении к родителям называют их «пабамь» (тятя-отец мой) и «абамь» (мама моя), «старшего брата своего отца я назову «ире», а младшего его брата – «ажа».

Старшую сестру своего отца я назову «энэ», а младшую сестру его – «уба». Дедушку по отцу я назову «кыргань паба», а бабушку по отцу – «кыргань аба». Дедушку моего отца – «өбюге» а бабушку его – «өбюге энэ»¹⁰. Как видим, Н. Ф. Катанов привел основные термины родства карагасов по восходящей и нисходящей линиям как с отцовской, так и с материнской сторон, открыв этим самым важнейшие компоненты их внутриродовых и семейных связей, отображающие определенный этап развития тюркской системы родства карагасов.

Конечно, поражает его плодотворная работа по сбору фольклорного материала карагасов. За короткое время пребывания у них им было записано 67 песен (536 стихов), 32 предложения разговорной речи, 26 рассказов, 25 толкований снов, 9 преданий о племени, 9 загадок, 3 биографии и 29 сказок. Следует отметить, что Н. Ф. Катанов стал первооткрывателем карагасского фольклора. Ему удалось собрать песни по тематике разнопланового характера, доказывающие разнообразие форм народного творчества карагасов. Также им были выявлены песни традиционного характера: обрядовые песни, тесно связанные с семейной обрядностью, лирические песни, сказки, поговорки, загадки. В емких четверостишиях-песнях поется о природе, реках, горах, оленях, о шаманской молитве, воздающей дань небу и звездам, о девичьей любви, разлуке. Приведем один-два примера песен:

Разлучился со мной тот,
С которым я жила мирно!
Зачем он пел о том,
Что никогда не разлучится?
Разлучившись со мной,
Он уехал!
Зачем он пел о том,
Что никогда не уедет?

Я хотел бы попеть песни,
Да нет у меня возлюбленной!
Я хотел бы поговорить,
Да нет у меня подруги!
Поет ведь песни тот,
Кто имеет подругу!

Н. Ф. Катанов от карагаса Семена Пыттыгпая записал шаманскую молитву, которая являлась «прологом ко всем следующим молитвам, обращенным к звездам, небу, земле, воде, горам, вещим птицам и животным»¹¹:

Я, конечно, тот самый,
Кто живет шаманством!
Кто живет победами,
Это мой широкий бубен!
Я шаманю,
Ставши перед хворым!
Я всегда шаманю,
Обходя весь земной шар!
Животное, на котором я езжу,
Это – зверь изюбр!
Дальнее и близкое расстояние
Я всегда обхожу и шаманю!
Я вижу всегда
Владыку высшего творения (звезды)!
Я вижу всегда
Владыку высшего бога (небо)!

Как видим, карагасские шаманы в своих молениях небо возводили в высшее божество, но небу как божеству поклонялись и простые люди. Культ неба, небо как божество в системе религиозных верований занимал главное место в представлениях не только карагасов, но и у хунну, у племен теле и в среде древних тюрков, что говорит о древности этого культа. Отсюда можно сделать вывод, что религиозные представления карагасов имеют весьма древнюю тюркскую основу.

В дневниковых записках, кроме лингвистических, этнографических и фольклорных материалов, Н. Ф. Катанов подробно изучил и представил научному сообществу того времени (с 1882 по 1889 г.) данные о карагасах по родам, полу, кое-где есть данные по возрасту, количеству скота, добыче зверя и в получении карагасами в рублях порошу и свинца. В этих же материалах Н. Ф. Катановым были зафиксированы и официальные названия родов:

1. Карагасский род (Сарыг-Кашъ);
2. Маньчжурский род (Чептей);
3. Худинский род (Кара-Чогду);
4. Кангатский род (Кашъ);
5. Сильнигурский род (Чогду).

В окладных книгах, где записывались все подати, утверждается, что карагасские роды выплачивали исправно все подати. Иногда по болезни некоторых карагасов, а чаще из-за недополучения пороха и свинца и по причине выпивок у них накапливались недоплаты. Наблюдая и расспрашивая карагасов, а также русских торговцев, Н. Ф. Катанов также обратил внимание на несправедливый характер торговли, которая заключалась в откровенном обмане и спаивании карагасов. «Во время пребывания в истоках Б. Бирюсы, – отмечает Н. Ф. Катанов, – я сам несколько раз видел, как русские покупали у карагасов за баснословно низкую цену белок и соболей. ...Улучшить свое экономическое положение могли бы и сами бедствующие карагасы, если бы они еще не свыклись с эксплуатацией». В 1887 г. русское правительство не в первый раз поставило вопрос об «искоренении той эксплуа-

тации, которую производят русские торговцы по отношению к карагасскому племени», но в искоренение не очень верили – «да и едва ли когда искоренится, – думали многие, – так как весьма трудно уследить за проделками торговцев и за карагасами, обращающимися к ним»¹², видимо, за водкой.

Подытоживая все собранное и представленное Н. Ф. Катановым о карагасах конца XIX в., хотелось бы выразить восхищение подвижническим трудом Н. Ф. Катанова, заключающим обстоятельную, подлинную историю карагасского народа. Мы должны быть бесконечно благодарны ему за то, что, несмотря на политические и экономические трудности, сложные условия тайги, он в первозданном виде донес до нас историю и культуру уникального оленеводческого народа – тофаларов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поездка к карагасам в 1890 году Н. Ф. Катанова. – С.-Петербург, 1891. – С. 1.
2. Там же. – С. 1.
3. Шнирельман, В. А. Происхождение скотоводства. – М., 1980. – С. 180.
4. Пестерев, Е. Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясачных татарах, так и китайских мунгалах и сойотах, деланные Егором Пестеревым с 1772 по 1781 г. в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскивании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской империей с Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии через Красноярский уезд до бывшего Зенгарского владения // Новые ежемесячные сочинения. – LXXIX – LXXXII. – СПб., 1793. – С. 55; Покровский, Ф. И. Путешествия в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (мнимое путешествие атамана Ивана Петрова) и Бурнаша Ялычева в 1567 г. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – Т. XVIII, кн. 4 – СПб., 1914. – С. 272; Георги, И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. – Т. III – СПб.; Паллас, П. С. Самоядские, маньчжурские и восточные сибирские народы. – С. 11–12; Спасский, Г. И. Памятники древностей Сибири Северной и Восточной // Сибирский вестник. – 1818. – Ч. IV. – С. 168–169; Кастрен, М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Магазин землевладения и путешествий. – М., 1860. – С. 197–482; Штудендорф, О. О карагасах // Этнографический сборник. – С. 1–18.
5. Там же. Указ. раб. Н. Ф. Катанова. – С. 6.
6. Там же. – С. 19.
7. Там же. – С. 7.
8. Там же. – С. – 21.
9. Там же. – С. – 15.
10. Там же. – С. – 21.
11. Там же. – С. – 61.
12. Там же. – С. – 81.

ТОБОЛЬСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Н. Ф. КАТАНОВА

Ученые Тюменской области систематически обращаются к научному наследию уникального ученого-тюрколога Николая Федоровича Катанова.

После успешного окончания восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1889) Н. Ф. Катанов был направлен в длительную командировку по линии Императорского Русского Географического Общества и Петербургской Академии Наук в Сибирь, Северную Монголию, Джунгарию и Китайский Туркестан. Здесь он изучает обычаи, быт, язык, фольклор местных тюркских народов, собирает, обрабатывает и готовит к печати огромный материал.

Выдающийся востоковед Н. Ф. Катанов обогатил отечественную тюркологию незаурядными научными трудами, касающимися сибирских татар. Н. Ф. Катановым проведена трудоемкая работа по выявлению, систематизации всех имен собственных, что позволило выпустить в свет двухтомный «Алфавитный указатель имен, встречающихся в «Образцах народной литературы тюркских племен...» В. В. Радлова. Львиную долю этих материалов составляют данные по ономастике сибирских татар.

Н. Ф. Катанов в конце 1893 г. сдал экзамены на степень магистра турецко-татарской словесности и был назначен в Казанский университет экстраординарным профессором по кафедре турецко-татарских наречий. Здесь 29 января 1894 г. он прочитал свою вступительную лекцию «Этнографический обзор турецко-татарских племен». Этот лекционный материал, опубликованный в виде брошюры, хранится в зале рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета. Автор пишет: «Как турки, так и татары, и другие мелкие кочевые племена называют друг друга: оседлые по городам и деревням, к которым приписаны, а кочевые и бродячие по названиям колен и племен, к которым принадлежат». При этом оседлыми племенами ученый называет те, что исповедуют ислам, кочевыми – племена, живущие «по степям» и занимающиеся скотоводством, а бро-

дьячими – живущих «по горам и лесам» и занимающихся звероловством. «Родоплеменной признак расселения» учитывается современными исследователями, изучающими ономастическое пространство региона, которое аккумулирует разноязычные имена собственные, проявляющиеся в этом пространстве в разные исторические периоды.

Ученый Н. Ф. Катанов был одним из активных авторов «Ежегодника Тобольского губернского музея» (ЕТГМ), который издавался в 1893–1918 гг. За 26 лет в нем было опубликовано более 150 статей 59 авторов.

Бесценные для нас, сибирских татар, старинные средневековые рукописи, опубликованные Николаем Федоровичем, мы ввели в научный оборот ровно через сто лет после их появления в ЕТГМ. Это «Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке» (ЕТГМ, 1895–1896, вып. 5), «Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в город Искер» (ЕТГМ, 1897, вып. 7), «Предание тобольских татар о происхождении киргизского народа» (ЕТГМ, 1897, вып. 7), «Предание тобольских татар о грозном царе Тамерлане» (ЕТГМ, 1898, вып. 9), «Погребальные обряды тобольских татар» (1898, вып. 9), «Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах» (ЕТГМ, 1904, вып. 14), «О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири» (ЕТГМ, 1904, вып. 14). Указанные работы составили источниковую базу нашего труда «Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар (на материале Тюменской области)».

Николай Федорович Катанов обладал широкими научными связями. Его статьи выходили на восточных и западноевропейских языках. Он вел переписку с ведущими учеными своего времени, с научными центрами, большое значение придавал библиотекам. Это был щедрой души человек. «За постоянное внимательное отношение к музею и сочувствие к издаваемому при нем «Ежегоднику», проявляющееся в помеще-

нии своих всегда интересных статей, распорядительный комитет Тобольского музея выразил профессору Н. Ф. Катанову благодарность: «за... прежнее и настоящее сочувственное отношение к музею и его делам». Для помещения на страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея» своей статьи «Известия Лоренца Лянге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах» (Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1905. – Вып. 14) он прислал 600 экз. снимков вида г. Тобольска, которые он сделал на свои средства. Специально для музея перевел с арабского на русский статью «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири», изданную в 1905 г. в Тобольске», – отмечают тюменские краеведы Е. Коновалова и Л. Шварева.

З. М. Монгуш, исследовавшая вклад Н. Ф. Катанова в изучение тувинского языка, пишет следующее: «Находясь в Казани, он часто писал своим родным, друзьям в Сибирь, интересовался работой библиотек, высылал книги. В последние годы вышел сборник избранных трудов по фольклору и этнографии хакасов на трех (русском, турецком и хакасском) языках в Анкаре (Турция). В Стамбуле в переводе с русского на турецкий язык опубликована работа Игоря Леонидовича Кызласова «Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография». В предисловии к изданию, вышедшему на русском языке, известный ученый отмечает: «Труды Н. Ф. Катанова, посвященные глубокому изучению тюркских народов и написанные по-русски, внесли значительный вклад в формирование общероссийской культурно-исторической общности. Переизданием давно ставших редкостью старых работ исследователя и изданием всех еще неопубликованных его рукописей мы не только воздали бы дань этой благородной деятельности, но придали бы ей новое звучание, весьма злободневное сегодня. Все, что объединяет народы нашей страны, должно быть поднято на щит в первую очередь».

В 1903 г. Н. Ф. Катанов защитил магистерскую диссертацию «Опыт исследования урянхайского языка», которая вошла в золотой фонд мировой тюркологии. Докторскую степень ему без защиты диссертации присудил Казанский

университет в 1907 г. Труды Н. Ф. Катанова получили высокую оценку ещё при жизни ученого. С самого начала своей научной карьеры в Казани Н. Ф. Катанов получил признание как крупнейший востоковед. Он был избран членом многих научных обществ, в т. ч. являлся действительным членом и председателем Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета в течение 28 лет. Обладая незаурядными способностями, Н. Ф. Катанов за неполные шестьдесят лет жизни в значительной мере обогатил отечественную тюркологию, войдя в историю в качестве первого хакасского учёного. Богатейшее наследие Н. Ф. Катанова, использовавшего данные ста четырнадцати языков и состоявшего членом многочисленных научных обществ, успешно изучается в наши дни.

«Он знал латинский, греческий, французский и немецкий языки, переводил молитвы на сагайское наречие, руководствуясь греческим подлинником и русскими толкованиями их. По подсчетам исследователя татарской книги Абрара Каримуллина, в казанский период Катановым в каталогах и указателях описано около 7000 названий книг на русском, европейских и восточных языках и написано 900 аннотаций, рефератов, рецензий»¹.

Многогранная деятельность Н. Ф. Катанова охватывает различные области языкознания. Суждения выдающегося ученого неизменно отличаются оригинальностью, они основываются на тщательной проработке и теоретическом осмыслении материала. Он отдавал все свои знания, научный и жизненный опыт развитию российской тюркологической науки. Характерными примерами являются выдержки из писем Н. Ф. Катанова Э. К. Пекарскому: «22 мая 1900 г. Казань. В город Якутск, Его высокоородию Э. К. Пекарскому. Извещая о получении Вашего прекрасного во всех отношениях «Словаря якутского языка» (Якутск, 1899), содержащего слова на букву «а» – ахсат (стр. 1–128), имею честь выразить Вам за присылку сего ценного издания сердечнейшую благодарность».

Жаль только, что печатание его тянется так долго и что Академия наук не взялась за его издание, тогда как словарь и по замыслу, и по исполнению заслуживает полной похвалы и всяческого поощрения.

Чтобы отблагодарить Вас за внимание, посылаю Вам со своим близким знакомым иеромонахом Алексием (в мире Оконешниковым), природным якутом, часть своих трудов, печатанных в Казани и Сибири. Не могу послать своих казанских изданий, уже разошедшихся, и изданий столичных, которых также теперь нет. Прошу принять посылаемое в дар и знак признательности за Ваше внимание.

Если бы Вы пожелали печатать у нас, в Казани, какие-либо статьи по истории или этнографии якутов и других инородцев, для Ваших этих статей места нашлось бы везде много, например в «Ученых записках Казанского университета» или «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии, председателем которого я состою.

Свидетельствуя Вам свое почтение и преданность, остаюсь Вашим покорным слугой. Н. Катанов».

В письме, датированном 30 ноября 1901 г., он писал: «Многоуважаемый Эдуард Карлович! Так как Вы вполне научно и основательно занимаетесь якутским языком, то мне будет весьма приятно принести Вам весной, а может и раньше, в дар мое обширное исследование об урянхайском языке, который, по-моему мнению, вместе с карагасским сходен с якутским, а потому мое исследование будет Вам, быть может, бесполезно и для тюркологии небеследно, так как Вы можете, глядя на него, многое осветить иначе, ибо Вы стоите у источника, мало исчерпанного, и к тому, чтобы черпать из него, обладаете лучшими средствами, чем многие наши русские ученые».

Вся жизнь Н. Ф. Катанова отдана беззаветному служению науки. Он – достойный сын хакасского народа, гордость современной тюркологической науки. Научные поиски, многогранная деятельность обессмертили имя великого ученого Н. Ф. Катанова.

Сибирские татары помнят и чтят Н. Ф. Катанова за долгий и кропотливый научный труд. Он, единственный из всех ученых-тюркологов, сумел ввести в научный оборот большой пласт архивных документов, написанных арабским алфавитом. Его работа «О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири: по рукописям Тобольского губернского музея» позволила установить дату проникновения мусульманской религии на берега Иртыша, затем в 1994 г. провести в Тюмени научно-практическую конференцию, посвященную 600-летию принятия ислама

Благодарные потомки увековечили имя профессора Н. Ф. Катанова. Хакасскому государственному университету в 1994 г. было присвоено имя Н. Ф. Катанова. В музее Казанского государственного университета создан стенд, посвященный жизни и научной деятельности Николая Федоровича Катанова. Хакасская молодежь посещает музей во время приезда на учебу, на различные конференции, защиты диссертаций. В июле 2005 г. Школьный переулок города Казани, в котором долгое время жил учёный, был переименован в Катановский (до революции он уже носил в народе это название). В феврале 2012 г. Тюменская областная научная библиотека организовала выставку, посвященную юбилею Николая Федоровича Катанова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Монгуш, З. М. Исследователь тюркских народов Николай Федорович Катанов // Мир библиографии. – 2006. – № 5. – С. 47.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Н. Ф. КАТАНОВА В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

Н. Ф. Катанов готовился к этнографическим и лингвистическим исследованиям по поручению Русского Географического Общества и Российской Академии Наук в Южную Сибирь, Казахстан и Восточный Туркестан. В декабре 1888 г. он посетил ключевую область Енисея, тогдашний Урянхайский край, для исследования языка и культуры тувинцев (урянхайцев, сойон), где он оставался до осени 1889 г. Оттуда он поехал в области рек Агул, Бирюса и Уда к карагасам. Там он работал до апреля 1890 г. Собранные там тексты были впоследствии опубликованы¹.

От карагасов Н. Ф. Катанов продолжил путешествие в Семиречье, затем летом 1890 г. через Чугучак в Урумчи – в резиденцию губернатора Восточного Туркестана (в то время объединенную в провинцию Ганьсу-Синьцзян). Зимой и начало 1891 г. он провел в Тарбагатае, где после получения императорского защитного письма из Пекина снова путешествовал по Ганьсу-Синьцзяну и добрался до Мяо-орл-ду («Высокого монастыря»), немного восточнее от Комула. В марте 1892 г. он отправился в путь с Комула к Турфану: откуда он поехал через Урумчи, Кульджу и через Семиречье снова в Минусинск, из которого он в декабре 1892 г. возвратился в Санкт-Петербург.

В Семиречье и Тарбагатае он изучал язык и обычаи казахов из родов керей, аргын, найман и «сартских» горожан, на китайской территории, в Восточном Туркестане, язык и традиции тамошних тюрков (уйгуров)².

Некоторая часть этнографического и лингвистического материала, собранного профессором Н. Ф. Катановым у населения северо-восточной части Восточного Туркестана, известного в письменных источниках до XV в. как Уйгуристан («страна уйгуров»), находится в Германии. Эти рукописные материалы, собранные в 1890–1892 гг. во время путешествия по Семиречью и Восточному Туркестану, были переданы в 1926 г. А. И. Катановой, супругой Н. Ф. Катанова, для профессора отделения тюркологии Института

угроведения Берлинского университета Вильгельма Банга. Их издания, осуществленные в Германии в 1933 г. и 1943 г. Карлом Менгесом, были рецензированы С. Е. Маловым³.

В этнографических материалах Н. Ф. Катанова, опубликованных на немецком языке К. Менгесом «*Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan*» («Народоведческие тексты из Восточного Туркестана») в 1933 г., собраны сведения от турфанцев (в текстах «*turpanlık*»), комульцев («*komulluk*»), казахов, кыргызов об их повседневной жизнедеятельности, праздниках, похоронно-поминальных обрядах и т. д.

Для историков, археологов и этнографов особенно ценны тексты, записанные Н. Ф. Катановым у населения Восточного Туркестана о древних крепостях и городищах. В текстах, где местные жители рассказывают о населенных пунктах Турфанского оазиса, о Логучене (Lükçün) и Турфане (Turpan), содержатся сведения о древних городах северо-восточной части Восточного Туркестана: «В направлении от Логучена к Лопу лежит город с названием Хасар; также древний город Кара-Ходжа; они очень большие, (по четырем сторонам) по 25 сторожевых башен, в общем 100. В Турпане есть маленький древний городок»⁴.

В арабо-персидских письменных источниках с XIII по XIV в. Кара-Ходжой стали называть Кочо, столицу Турфанского идикутства (866–1369). Это маленькое княжество было создано центральноазиатскими уйгурами, которыми правили представители рода Яглакар⁵. Кара-Ходжа упоминается в трудах иранских историков Рашид ад-Дина Фазлуллаха Хамадани и Ала ад-Дина Ата-мелика Джувейни⁶.

Развалины Кара-Ходжи местным населением были названы Шахр-и Идикут («город Идикута»), и находятся в 40–45 км к юго-востоку от Турфана. Они были описаны русской экспедицией Д. А. Клеменца в 1898 г.⁷ Вскоре после него там провели исследования ученые из других стран.

Первая и вторая немецкие экспедиции (1902–1905) при участии лингвиста, этнографа Г. Хута, художника Т. Бартуса и выдающегося востоковеда А. фон Лекока, уделили основное внимание исследованию Идикутшари. Ученые сняли новый план городища, который, при всей его схематичности, дает в целом верное представление о структуре древнего города⁸.

В анонимном сочинении «Китаб Худуд ал-‘алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» («Книга о пределах мира от востока к западу»), написанном в 982–983 гг. Кочо (Кара-Ходжа, Идикутшари), именуется названием «Чинанджкет». Автор данного исторического труда по традиции мусульманских историков описал климат, географию данного селения: «...главный город тогузгузов, средних размеров, постоянное место пребывания царя, соприкасается с границами Чина. Летом здесь страшный зной, а зимой очень хорошо. Поблизости от него находится гора, ее называют Т.фкан, и на некотором расстоянии от нее расположены пять селений, их названия: Кузарак, Джамлакат, Банджикет, Барлуг, Джамгир; царь тогузгузов летом обычно живет в селении Банджикет»⁹.

Скорее всего автор «Худуд ал-‘алама» Чинанджкет (в пер. с иран. «китайский город») называет Кочо, потому что в нем обосновалось много китайских переселенцев во времена танского владычества в Турфанском оазисе (640–80-е гг. VIII в.)¹⁰. Эти исторические события давних времен остались в памяти населения всего региона. По рассказам турфанцев, их город известен для других жителей Восточного Туркестана как «Турпан, город иностранцев (чужаков)»¹¹.

«Хаканский тюрк» Махмуд ал-Кашгари, автор Словаря тюркских языков «Диван лугат ат-тюрк» (1072–1077), в отличие от автора «Худуд ал-‘алама», в своем труде перечисляет совсем другие названия городов: «Уйгур – название области с пятью городами, которые построил Зу-л-Карнайн, заключив мир с тюркским царем... Это Сулма, построенная Зу-л-Карнайном, Кужу, Жанбалик, Бишбалик и Йанибалик»¹². Должно быть, Махмуд ал-Кашгари перечислил названия не только некоторых значимых городов Турфанской котловины, но и населенных пунктов из других оазисов Восточного Туркестана, которые

попали под владычество древних уйгуров Турфана на некоторое время. Например, упомянут один из городов западной части Южного Тяньшаня – Куча (Кужу).

А. фон Лекок по итогам своих экспедиций по Восточному Туркестану сообщает, что остатки городских стен средневековой крепости Куча находятся к востоку от одноименного современного города. Также, изучив изображения тюркских персонажей в древних храмах оазисов Кучи и Карашара, пришел к выводу, что они были не уйгурами, а западными тюрками¹⁴.

Что же касается названия Банджикет (в пер. с иран. «пять городов»), можно его идентифицировать с древним городом и областью Беш-Балык. В древнетюркских рунических надписях в честь Билге-Кагана, Кули-Чора и Тоньюкука описываются неоднократные походы көк-тюрков II Восточнотюркского каганата (680–745) в Беш-Балык. Первый из них был совершен в 704 г. Билгэ-Каганом из-за того, что «...ыдук-кут басмылов из моего рода и народа сказал: «Не буду посылать караваны», – отправился в поход...»¹⁴.

В 711 г. көк-тюрки подчинили тюргешей в Семиречье и воевали до «Железных ворот» (Темир-Капыг) в Узбекистане¹⁵. Тогда к ним прибыли послы народов Средней Азии и Восточного Туркестана с изъявлением покорности. Из отрывка с памятника в честь Тоньюкука об этом событии сообщается, что Инел-Кагану (младший сын Капагана) «во множестве пришли манчуды, саки, тезики, тохары и с их же стороны народ согдак во главе Ашока и склонили головы»¹⁶. Очевидно, что среди них присутствовали представители народов Беш-Балыка, такие как тохары (tokar) и согдийцы (soğdak).

То, что в Беш-Балыке в I тыс. н. э. жили не только тохары, но и басмылы и согдийцы, подтверждают материалы из древнеуйгурских рукописей Турфана, датируемых концом X – началом XI в. Они упомянуты в них в связи с борьбой древних уйгуров, переселившихся из Монголии и Тувы в Турфанскую котловину в IX в., с местными этносами, в числе которых оказались согдийцы и басмылы¹⁷.

По сведениям из эпитафий в честь Билге-Кагана, Кули-Чора, второй поход көк-тюрков состоялся в 714 г.: «В тридцать лет выступил в

поход на Беш-Балык. Сражался шесть раз. Их войско полностью уничтожил»¹⁸.

На месте древних городов Беш-Балыка впоследствии были основаны селения Турфан и Логучен. Кроме того, горожане Турфанского оазиса объединяют себя географическим этнонимом: «Тюрков называют людьми пяти холмов: два этих холма в Турфане, три в Логучене»¹⁹. А в древности должно быть Беш-Балык не только был названием одного из городов, но и наименованием нынешней Турфанской котловины, где были расположены пять городов. На этот факт указывает и само название, что в переводе с древнеуйгурского означает «пять городов».

В состав пяти городов Беш-Балыка не вошла древняя крепость Кочо, развалины которого оказались в числе подвластных округов и городов Логучена²⁰. Из материалов Н. Ф. Катанова и других исследователей мы знаем о местонахождении Кочо, бывшей столицы древних уйгуров Турфана. Для поиска развалин остальных населенных пунктов необходимы новые научные экспедиции.

Таким образом, этнографические материалы профессора Н. Ф. Катанова представляют собой очень ценные источники для исследований по гуманитарным наукам. Его вклад в историю изучения народов Восточного Туркестана также значителен, как и других выдающихся ученых-путешественников XVIII–XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов, Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Записки Императорского Русского Географического Общества. Отделение этнографии. – СПб., 1909. – Т. XXXIV. – С. 268–287; Он же. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан, 2004. – 260 с.
2. Menges, Karl. *Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan*. Berlin, 1933. – S. 3.
3. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии / отв. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова. – Казань – Абакан, 2008–2009. – С. 6.
4. Menges, K. – 1933. Указ. раб. – S. 51.
5. Тихонов, Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. – М.; Л., 1966. – С. 44; Gabain, Annemarie von. *Die Qoço-Uiguren und die nationalen Minderheiten // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker*. – Berlin, 1974. – S. 241.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: В 3 т.; пер. с перс.; ред. И. П. Петрушевского; отв. ред. И. А. Орбели (Т. 2); ред. А. А. Ромаскевича и др.; отв. ред. В. В. Струве (Т. 3). – М., 2002. – Т. II–III. – С. 64; Худуд ал-'алам (пер. с перс. З. Н. Ворожейкиной) // Материалы по истории киргизов и Киргизии / отв. ред. В. А. Ромодин. – М., 1973. – С. 108.
7. Худуд ал-'алам. – Указ. раб. – С. 108.
8. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории / под ред. акад. С. Л. Тихвинского, акад. АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. – М., 1988 – С. 48–49.
9. Худуд ал-'алам. – Указ. раб. – С. 40–41.
10. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / под ред. акад. АН Таджикистана Б. А. Литвинского. – М., 1995. – С. 288.
11. Menges, K. – Указ. раб. – S. 51.
12. Махмуд ал-Кашгари. *Диван Лугат ат-Турк* / пер., пред. и комм. З.-А. М. Ауэзовой. – Алматы, 2005. – С. 140, 141.
13. Le Coq, Albert von. *Von Land und Leuten in Ostturkistan*. – Leipzig, 1928. – S. 119, 137.
14. Tekin – Talat. *Orhon Yazıtları: Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk*. İstanbul, 2003, s. 71.
15. Айдаров, Губайдулла. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата, 1971. – С. 299.
16. Tekin, 2003. Указ. раб. – S. 93.
17. Тугужева, Л. Ю. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР // Тюркологический сборник. – 1971. – М., 1972. – С. 247.
18. Самойлович, А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М., 2005. – С. 173; Tekin, Указ. соч. – S. 225, S. 73.
19. Menges, K. – Указ. раб. – S. 49.
20. Там же. – С. 51.

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н. Ф. КАТАНОВА В СОБРАНИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
МИНУСИНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. Н. М. МАРТЬЯНОВА**

В 2012 г. (6 июня) старейшему музею Сибири – музею им. Н. М. Мартьянова – исполняется 135 лет. Библиотека музея на год моложе – она открыла свои двери 12 января 1878 г., в Уставе было прописано ее название «Минусинская Общественная Библиотека».

Первоначальный фонд библиотеки составлял 500 изданий. На сегодняшний день фонд насчитывает более 127 тыс. единиц печатных и иных изданий.

Библиотека с первых шагов комплектовалась изданиями по истории Сибири, России, естественным наукам и др. Большое поступление было периодических и продолжающихся изданий: газет, журналов, Трудов, Записок, Вестников научных обществ России. Основатель музея Н. М. Мартьянов переписывался со многими научными обществами России и зарубежья.

С Минусинским музеем сотрудничали известные ученые, общественные деятели, такие как Г. Н. Потанин, П. П. Семенов (Тян-Шанский) – вице-президент ИРГО, князь А. Кропоткин, А. В. Адрианов, Н. Ф. Катанов.

В научной библиотеке прижизненных изданий Н. Ф. Катанова 84 единицы, многие из них с дарственными надписями:

– «В Минусинский (Енис. губ.) музей от автора-минусинца»;

– «В г. Минусинск, Енисейской губернии, Публичную библиотеку. От Н. Ф. Катанова из г. Казани» (шрифтовая наклейка).

И. Т. Савенков (директор Минусинского музея с 1908 по 1911 г.) отдельные работы Н. Ф. Катанова переплел в одну книгу: «Труды Н. Ф. Катанова. 1886–1888 гг.», где каждая работа сопровождается дарственной надписью:

– «Многоуважаемому И. Т. Савенкову от Н. Ф. Катанова. СПб. 1886»;

– «Глубокоуважаемому И. Т. Савенкову на память и в знак уважения от Автора»;

– «Глубокоуважаемому И. Т. Савенкову в знак искренней дружбы и памяти. От автора. 19/1.89 г. Красноярск»;

– «Глубокоуважаемому И. Т. Савенкову на память и в знак уважения от автора, члена-сотрудника Общ. Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. Н. Ф. Катанов».

По времени издания – 1885 год – работа ученого «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков (Енисейской губернии)» поступила в библиотеку первой, а «Речь», предназначенная для произнесения на торжественном годовом собрании императорской Казанской духовной академии, – 8 ноября 1916 г. ординарным профессором Н. Ф. Катановым. Несколько слов о распространении христианства в Персии, Месопотамии, Средней Азии, Монголии и Китае» – 1916 год – была последней.

Отдельных трудов Н. Ф. Катанова в библиотеке немного, большее число составляют статьи в изданиях научных обществ (Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Императорском университете, Известия Императорского Русского Географического Общества, Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества) и отдельные оттиски.

Работы Н. Ф. Катанова постоянно востребованы, введены в научный оборот: работают с ними студенты и преподаватели вузов (не только историки, филологи), краеведы, сотрудники музеев и, что интересно, – работники финансовой сферы – Национальный банк Хакасии.

Сотрудники научной библиотеки музея надеются, что фонд трудов Николая Федоровича Катанова будет пополняться не только переизданными трудами, но и репринтными изданиями.

Прижизненные издания известного ученого в свое время могут быть переведены в Фонд редкой книги научной библиотеки музея.

К данной работе прилагается библиографический список трудов Н. Ф. Катанова в научной библиотеке музея им. Н. М. Мартьянова, где они распределены следующим образом:

- отдельные издания;
- статьи/оттиски, опубликованные в изданиях научных обществ;

– статьи/оттиски (в сборниках, журналах, газетах);

- труды, к которым Н. Ф. Катанов написал предисловие и примечания;
- современные издания трудов ученого.

Е. А. МИКЛАШЕВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ИМ. Н. Ф. КАТАНОВА В СЕЛЕ АСКИЗ

В истории музеев бывают страницы, содержание которых по тем или иным причинам остаётся без продолжения. Как правило, – это проекты создания музеев или отдельных экспозиций, разработанные их авторами, обсуждаемые общественностью, но не дошедшие до стадии практического воплощения и затем либо полностью забытые, либо ставшие достоянием музейной историографии. Так, ещё в 1765 г. Д. Дидро предложил проект превращения дворца французских монархов в Париже в открытый публике музей науки и искусства, но этот проект остался на бумаге, и только в 1793 г. Лувр стал музеем, причём как результат воплощения совсем другого «проекта» – Французской революции. Тем не менее проект Дидро – часть истории Лувра как музея. В России в начале XIX в. был выдвинут целый ряд проектов создания национального музея, из которых наиболее известны проекты Ф. П. Аделунга (1817) и Б. Г. Вихмана (1821). Музея по ним создано так и не было, однако они частично реализовались при создании Румянцевского музея в 1831 г. и, следовательно, составляют часть его истории. Более того, эти проекты в какой-то мере повлияли на появление других российских музеев, ориентированных на освещение национальной истории, в том числе знаменитого Императорского Российского Исторического музея в 1872 г. В истории многих музеев есть и неосуществлённые проекты постройки нового здания, создания и реформирования разделов экспозиций, организации несостоявшихся выставок и т. д. Всё это – тоже страницы их истории, порой забы-

тые совершенно незаслуженно и не потерявшие актуальности даже спустя годы.

Своя история есть не только у музеев-гигантов с мировым именем, но и у скромных провинциальных музеев. И в ней также могут быть забытые страницы несбывшихся проектов. В год 150-летия со дня рождения выдающегося хакасского учёного Николая Фёдоровича Катанова хочется обратить внимание коллег на одну из таких страниц в истории создания, носящего его имя, музея в с. Аскиз Республики Хакасия.

Музей официально был образован в 1987 г. как общественный краеведческий на базе музея Аскизской средней школы. Собирателем первых коллекций, инициатором создания музея и его первым директором был учитель географии, краевед С. Н. Султреков. В 1980 гг. на территории района проводились интенсивные раскопки, связанные с широкомасштабными проектами мелиорации хакасских степей и реконструкцией дорог. Раскопки проводились археологами из самых разных организаций; несколько отрядов работало в составе Среднеенисейской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии, руководимой Д. Г. Савиновым. Одной из главных организаций-заказчиков спасательных работ был проектный институт «Востоксибгипроводхоз» в г. Абакане. По инициативе архитектора этого института А. В. Угужакова и Д. Г. Савинова началось обсуждение возможностей организации музеев для хранения и экспонирования коллекций из раскапываемых на территории Аскизского района памятников. Постепенно из обсуждений

вырастал проект создания в районном центре крупного комплексного музея вместо небольшого школьного краеведческого. По просьбе А. В. Угужакова в 1989 г. Д. Г. Савинов написал «Краткое обоснование и предполагаемые возможности строительства историко-культурного музея им. Н. Ф. Катанова в с. Аскиз». В этом документе излагались основы концепции будущего музея, тематика предполагаемых экспозиционных разделов, намечались этапы создания музея, перечислялись виды необходимой документации на каждом этапе, приводились расчёты примерной стоимости работ, указывались возможные исполнители и консультанты. В январе 1990 г. институт «Востокгипропроводхоз» (директор А. К. Ильин) заключил договор с Ленинградским научно-исследовательским археологическим объединением (директор А. А. Ковалёв) о создании научной документации по проектированию музея им. Н. Ф. Катанова в с. Аскиз. Первый этап предполагал разработку научной концепции и общего архитектурно-художественного решения, составление подробных научных справок по пяти тематическим разделам. Выполнение этой работы было возложено на творческий коллектив в следующем составе: Д. Г. Савинов, Б. Н. Пяткин (руководитель), Е. А. Миклашевич, Л. А. Скрыбина. Весной 1991 г. выполненная документация была сдана в «Востокгипропроводхоз».

В разработанной авторским коллективом концепции будущего музея подчеркивалось, что одна из главных задач современных музеев на местах – «сохранить быстро исчезающие свидетельства традиционной культуры». Актуальность создания музея в Аскизе обосновывалась следующим образом: «Создание историко-культурного музея в с. Аскиз необходимо и своевременно по нескольким причинам. Современный Аскизский район является традиционным центром проживания основной массы хакасского населения. Исторически сложилось так, что именно на этой территории можно наиболее полно проследить динамику развития от археологических культур III тыс. до н. э. до современной истории отдельных хакасских родов (сеоков). Особое место занимает эта территория в сложении хакасской народности. Немаловажно и то,

что здесь был и остаётся традиционный центр становления хакасской интеллигенции, первым представителем которой был Н. Ф. Катанов. Его место в науке и культурно-просветительской деятельности таково, что создаваемый музей заслужено должен носить его имя». Экспозиция будущего музея не должна была дублировать обычную схему краеведческих музеев с традиционно сложившейся последовательностью: природа – история – современность. Мы сочли это нецелесообразным, поскольку это был бы в некотором роде повтор экспозиций краеведческих музеев в гг. Абакане, Красноярске, Минусинске, а также потому, что при небольшой экспозиционной площади излишне широкая тематика привела бы к размыванию содержания экспозиции. Было предложено сосредоточиться на двух основных профилях: истории и культуре, что и отразилось в названии музея – историко-культурный. Экспозицию музея было предложено выстроить по пяти тематическим разделам, связанным хронологической и логической последовательностью.

Первый раздел «Древняя культура Аскизского района» планировалось посвятить археологии, а экспозицию его построить по хронологическому принципу на основе характеристики всех известных культур в соответствии с принятой в то время в науке периодизацией. На территории района представлены памятники всех археологических эпох – от каменного века до времени освоения Сибири русскими. Количество памятников огромно, среди них курганы разных конструкций, изваяния, поселения, наскальные рисунки. Обилие курганов отразилось даже в названии местности – Могильная степь; до массовой распашки полей здесь на 1 кв. км приходилось 150–200 курганов. Археологическая экспозиция должна была располагаться в большом по площади зале.

По каждому периоду были написаны обширные научные справки с описанием особенностей каждой культуры и этапа, со списками памятников, находящихся в Аскизском районе, указанием авторов раскопок, полной библиографией, таблицами наиболее характерных артефактов и курганных конструкций. Этот толстый том по археологии Аскизского района, написанный Д. Г. Савиновым и Б. Н. Пяткиным, имел не

I. Каменный век	Палеолит – древнекаменный век (10–6 тыс. до н.э.)	
	Неолит – новокаменный век (5–3 тыс. до н.э.)	
II. Энеолит и бронзовый век	Афанасьевская культура (сер. 3 тыс. до н.э. – нач. 2 тыс. до н.э.)	
	Окуневская культура (перв. треть – третья четв. II тыс. до н.э.)	
	Карасукская культура	карасукский этап (XIII–X вв. до н.э.) каменоложский этап (X–VIII вв. до н.э.)
III. Ранний железный век	Тагарская культура	баиновский этап (VIII–VI вв. до н.э.)
		подгорновский этап (VI–V вв. до н.э.)
		сарагашенский этап (V–III вв. до н.э.)
		тесинский этап (II–I вв. до н.э.)
IV. Поздний железный век. Раннее средневековье	Таштыкская культура (I–V вв. н.э.)	
	Культура енисейских кыргызов (VI–X вв. н.э.)	
	Аскизская культура (нач. II тыс. н.э.)	

только прикладное значение для строительства соответствующей экспозиции, но и самостоятельную научную ценность.

В концепции подчеркивалось, что «археологические памятники Аскизского района неразрывно связаны с соседними территориями, поскольку в древности эти культуры были распространены шире, чем современные административные районы. Существующая периодизация строится на принципе смены одной культуры другой. Однако фактически процессы протекали значительно сложнее. Уже на ранних этапах истории существования культур они не всегда следовали одна за другой. Сосуществуя и взаимообогащаясь, они создавали новые образования, на базе которых складывались новые общности. Поэтому экспозиция призвана отразить не статическое состояние, а динамический процесс». Предлагалось использовать большое количество разнообразных вещественных памятников, копии наскальных рисунков, а также реконструкции, макеты, диорамы, карты, схемы, фотографии и др. научно-вспомогательные материалы. Давались рекомендации по сбору и подготовке материалов, в частности, большую часть коллекций планировалось передать из лабораторий ЛО ИА после соответствующей научной обработки и реставрации; для тех периодов, материалов из памятников которых было недостаточно, рекомендовалось проведение целенаправленных поисков и раскопок; намечено было копирование всех памятников наскального искусства на территории района, а также продолжение комплектования коллекции изваяний и плит с рисунками из раскопок, планировались разыскания в архивах Ленинграда, Москвы, Абакана, работа с личными фотоархивами исследо-

вателей, фотосъемка уникальных экспонатов, происходящих из Аскизского района и т. д.

Второй раздел «Изучение Аскизского района в XVIII–XIX вв.» **должен был быть не столь большим**, поскольку он мог быть построен только на воспроизведениях плоскостного документального материала. На этой территории работали многие известные экспедиции и путешественники, начиная с Д. Г. Мессершмидта. Основные сведения, имена, биографии и вклад исследователей изложены в подготовленной нами научной справке. Биографии и портреты путешественников и учёных, их рукописи, книги, рисунки и чертежи, собранные ими материалы об Аскизе, разбросаны по разным архивам, библиотекам и музеям. Для экспозиции рекомендовалось провести исследовательскую работу по сбору этих данных и изготовление их копий для музея. Интересно было бы собрать все подобные материалы и соответствующие публикации воедино в музейном зале и таким образом увидеть глазами очевидцев историю района за двести лет. Экспозицию предлагалось построить по хронологическому принципу – дать развёрнутые биографии и характеристики исследователей, а также представить собранные ими материалы, на основе которых одновременно осветить и основные исторические события, происходившие на территории современного Аскизского района. В первую очередь, это вхождение Хакасии в состав Российского государства, создание Сагайской степной думы, центром которой сначала было с. Бельтиры, а затем – Аскиз; крещение хакасов и строительство в Аскизе первой Православной церкви. Это и политические события, происходящие в то время на юге Хакасии: русско-джун-

гарские отношения, угон енисейских кыргызов и связанные с этим большие подвижки местного населения, вынужденного покинуть места своего исконного проживания. Это и создание казачьих форпостов в Таштыпе и Моноке, сыгравших важную роль в стабилизации сложной политической обстановки.

Третий раздел «Жизнь и деятельность Н. Ф. Катанова», логично продолжающий тематику предыдущего, тем не менее должен был представлять собой обособленный «музей в музее» и носить мемориальный характер, чтобы увековечить память выдающегося учёного на его родине. На основе научной справки, составленной по двум имеющимся монографиям и многочисленным статьям об учёном, предлагалось построить экспозицию по биографическому принципу и осветить в ней основные периоды жизни Н. Ф. Катанова: 1) Детские и юношеские годы. Аскиз, Красноярск; 2) Студенчество. Петербургский период; 3) Путешествие по Сибири и Восточному Туркестану; 4) Казанский период. В последнем комплексе целесообразно было отразить многообразие видов деятельности Н. Ф. Катанова, энциклопедизм его знаний. Научная справка, написанная для этого раздела, содержала рекомендации по возможным направлениям сбора экспонатов (документальных, фотографических, изобразительных источников; дубликатов и копий публикаций учёного; подлинных вещей) и подготовки научно-вспомогательных материалов, а также подробное перечисление конкретных источников, которые желательно было бы представить по каждому периоду жизни и деятельности Н. Ф. Катанова.

Четвёртый раздел – «Этнография» – планировалось сделать таким же крупным, как археологический. Традиционная культура хакасов восстанавливается на уровне конца XIX — нач. XX в. и представляет собой одно из наиболее ярких явлений среди народов Сибири. Эта культура являлась той средой, в которой вырос Н. Ф. Катанов и где впервые столкнулся с проблемами родного народа. В 1980 г. в селах Аскизского района ещё можно было увидеть традиционные юрты и найти множество предметов материальной культуры хакасов. Поэтому планировалось проведение экспедиционно-поис-

ковой работы с целью сбора этнографических коллекций и создания обширной зрелищной разноплановой экспозиции. Структура её определялась следующими темами: 1) проблема происхождения хакасов, роль средневековых государств в их этногенезе и основные этапы этнической истории; 2) традиционное хозяйство населения юга Хакасии. Скотоводство, земледелие, охота, ремесла, промыслы; 3) материальная культура. Жилища, одежда, украшения, орудия труда, предметы снаряжения верхового коня, вооружение, утварь, пища; 4) духовная культура. Представление о вселенной, божествах и духах, архаические культы, шаманизм, семейная обрядность (обряды и представления, связанные с рождением ребенка, свадебная обрядность, погребально-поминальная обрядность), музыкальное и песенное творчество, декоративно-прикладное искусство, праздники; 5) социально-экономические отношения. Практически все эти темы были обеспечены обширной научной литературой, включая изобразительные материалы в атласах и музейных каталогах, что позволило составить подробные научные справки по всем перечисленным тематическим подразделам, снабжённые библиографией и таблицами иллюстраций.

Пятый раздел «Культурное развитие Аскизского района в XX веке» продолжал тему формирования национальной интеллигенции, начатую в зале Н. Ф. Катанова. Из Аскизского района вышла целая плеяда видных писателей, учёных, деятелей культуры и искусства. Только по линии истории можно назвать такие известные имена, как М. И. Боргояков, Л. Р. Кызласов, В. А. Асочаков, Я. И. Сунчугашев. В разделе предполагалось показать историю культуры на современном этапе через биографии известных людей, связанных с Аскизским районом. Этот раздел был наименее обеспечен материалами и исследованиями, поэтому на следующем этапе рекомендовалось провести интенсивную поисково-исследовательскую работу: уточнение биографий представителей интеллигенции Аскизского района; архивные разыскания; выявление и копирование необходимых документов; сбор фотографий; приобретение дубликатов книг, журналов, газет; работа с информаторами; экспедиции и командировки по приобретению вещественных памятников и т. д.

Были разработаны и общие принципы архитектурно-художественного решения музея. Предполагалось построить специально спроектированное под изложенную тематическую структуру здание, во внешнем оформлении которого использовались бы формы народной архитектуры, национального орнамента, фольклорные сюжеты, выполненные различными изобразительными средствами. Планировка музея предусматривала два больших экспозиционных зала (для археологического и этнографического разделов) и три зала меньшей площади (для остальных разделов), кроме того, большой зал для проведения лекций, собраний, демонстрации киноматериалов и т. д., хранилище для фондов, реставрационную мастерскую, служебные и подсобные помещения. Очень важным был выбор места для строительства этого здания – на берегу реки Аскиз. Территория района представляет собой удивительный историко-культурный ландшафт, в котором разнообразие и красота природного окружения (горы, степи, долины рек, горная тайга) неразрывно слились с историческими памятниками (каменные конструкции и земляные насыпи курганов, стелы и скалы с изображениями, хакасские юрты). Сочетание широкого степного простора, долины р. Аскиз, гор на горизонте должно было служить естественным и гармоничным обрамлением как для здания музея, так и для запланированной вокруг него второй зоны экспозиционного показа – музея под открытым небом. Здесь предполагалось установить скульптурный портрет Н. Ф. Катанова перед входом, разместить коллекцию каменных изваяний, курганных и могильных плит с древними изображениями, традиционные коновязи, оформить большую экспозицию по деревянному зодчеству: от реконструкции жилищ эпохи поздней бронзы поселения Торгажак до хакасских юрт и жилого дома казачьего форпоста. Экспозиция под открытым небом должна была связать материалы, демонстрируемые в музейных залах, с окружающим историко-культурным ландшафтом, связать культуру прошлых эпох с культурой современности, создать впечатление исторической достоверности.

Вот таким мыслился в 1990 г. будущий «Историко-культурный музей имени Н. Ф. Катанова» в с. Аскиз. Это был довольно смелый и, возможно, несколько идеалистический проект, в то время в стране сельских музеев такого уровня не существовало. На следующем этапе предполагалось начать сбор коллекций, подготовку экспонатов и разработку тематико-экспозиционных планов – тем же творческим коллективом с привлечением широкого круга специалистов из организаций Ленинграда и Абакана; а также проектирование специального здания для музея – проектным институтом «Востокгипроводхоз». К сожалению, известные исторические события, произошедшие в нашей стране в 1991 и в последующие годы, поставили крест на этих планах, как, впрочем, и на многих других. Неизвестно, были ли переданы эти материалы в Аскизский музей или затерялись в кабинетах «Востокгипроводхоза». Очень жаль, что проделанная работа не нашла практического применения.

Однако, несмотря на то, что данный проект не был осуществлён, музей продолжал развиваться собственным путём. Усилиями энтузиастов – первого директора С. Н. Султрекова и журналиста-краеведа А. И. Бондарева, К. И. Медведевой и Н. И. Медведева – пополнялись коллекции, развивались разные направления поисковой работы, оформлялись экспозиции. Был установлен контакт с родственниками Н. Ф. Катанова, которые передали музею редкие фотографии, научные труды исследователя, этнографические экспонаты, что позволило создать мемориальную экспозицию «Учёный Николай Фёдорович Катанов». С 1993 по 1998 г. музей носил предложенное в нашем проекте название «Аскизский историко-культурный музей им. Н. Ф. Катанова». Теперь он называется «Аскизский районный краеведческий музей им. Н. Ф. Катанова» и имеет соответствующую тематическую структуру. В 2003 г. музей обосновался в историческом здании – двухэтажном доме середины XIX в., принадлежавшем известному золотопромышленнику П. И. Кузнецову, много сделавшему для развития культуры Аскизского района. В 2007 г. в с. Аскиз был установлен памятник Н. Ф. Катанову. Коллекцию курганных плит и стел с древними изображениями не удалось, как это было

первоначально запланировано, разместить около музея в Аскизе. Но возник другой проект, связанный со строительством Дома культуры в с. Полтаков Аскизского района. Территория около будущего Дома культуры была спроектирована тем же архитектором А. В. Угужаковым как музей под открытым небом, в который предполагалось свезти плиты с изображениями из раскапываемых новоостроечными экспедициями памятников, а также возвести большой искусственный курган вместо подлинных курганов тагарской культуры, располагавшихся на территории стройки, которые предстояло раскопать. В 1988–1989 гг. была проведена работа по перемещению плит с рисунками из курганов в окрестностях Аскиза и Полтакова к строящемуся Дому культуры. В

1990 г. раскопаны курганы, а уже осенью был устроен искусственный курган, вокруг него установлены и уложены привезённые плиты, состоялось торжественное открытие Дома культуры и музея под открытым небом около него. Сейчас это уникальное собрание курганных плит имеет статус муниципального музея и носит название «Полтаковский музей наскального искусства».

Хочется надеяться, что эта неизвестная страница из истории создания Музея им. Н. Ф. Катанова в с. Аскиз может иметь не только историографический интерес: некоторые разработки проекта 20-летней давности не утратили своей актуальности и могли бы использоваться для совершенствования существующих сейчас экспозиций.

З. М. МОНГУШ

БИБЛИОТЕКА НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА КАТАНОВА В ТУРЦИИ (история, фонды, автографы на книгах)

В центре Стамбула, недалеко от здания мэрии города, расположен Институт тюркологических исследований Стамбульского университета.

На втором этаже института в отдельном просторном помещении бережно хранится уникальная коллекция книг на русском, английском, арабском, старомонгольском, немецком, персидском и на языках тюркоязычных народов мира, приобретенная в 1914 г. премьер-министром Турции Хильми-паше за 3 тысяч золотых лир. Фонд библиотеки расставлен не по отделам, не по языкам, не по хронологии и формату изданий, а по инвентарным номерам. По этим инвентарным номерам их можно найти в электронном каталоге, где названия, автор и все выходные данные каждой книги отражены в переводе на турецкий язык.

До переезда этой библиотеки в Турцию её владелец, известный ученый-востоковед, тюрколог, этнограф Николай Федорович Катанов, из-за материальной нужды был вынужден обратиться к нескольким научным и государственным учреждениям Сибири и Средней Азии, чтобы те приобрели его библиотеку, насчитывающую

более семи тысяч названий книг на 22 языках. По воспоминаниям Н. В. Никольского, в письме к Сибирскому генерал-губернатору Катанов писал: «Для Иркутского университета, чтобы Его Величество в дальнейшем основал там восточный факультет, а его библиотека стала бы фундаментом для библиотеки востоковедов»¹. Обращался он также к Туркестанскому генерал-губернатору. Но ответов не последовало.

В те годы в Казани выходила газета «Переводчик», которая была основана в Крыму в 1883 г. крымско-татарским просветителем Исмаилом Гаспринским, который вел активную работу по борьбе с невежеством и внедрению печати на родном языке. «Переводчик» издавался в течение тридцати лет до 1914 г. В одном из номеров за 1914 г. была напечатана информация о том, что продается богатейшая библиотека профессора Казанского университета, известного ученого-исследователя тюркских языков Н. Ф. Катанова. Это сообщение привлекло внимание турецкого премьер-министра, находившегося в это время в Казани. Высокообразованный государственный деятель без всяких колебаний и сомнений выку-

пил библиотеку и отправил в Константинополь в пяти сундуках вместе с железным сейфом, где хранились оттиски и рукописи². За этот, почти столетний, период библиотека три раза переезжала из одного помещения в другое.

Судя по письмам к своим близким друзьям, разлука с библиотекой для Николая Федоровича была тяжелой, действовала на душевное и физическое состояние здоровья. По его словам: «такое чувство, как будто похоронил самое дорогое существо»³.

Библиотека собиралась Н. Ф. Катановым во время учебы в Красноярской классической гимназии (1876–1884), в Санкт-Петербургском университете (1884–1888), работы в Казанском императорском университете (1894–1914).

Редкие и уникальные книги он покупал и во время командировок в Восточную и Западную Сибирь, Северную Монголию, Урянхайский край (Тува), Китайский Туркестан в 1889–1892 гг. Об этом свидетельствует одно его письмо, отправленное из Восточного Туркестана в 1891 г. своему учителю в Санкт-Петербург В. В. Радлову⁴.

В библиотеке хранятся энциклопедии, справочники, ученые записки, монографии, учебники, учебные пособия, произведения устного народного творчества, художественная литература, словари, книги по всем отраслям знания, выходившие с XIII в. по 1914 г. в разных странах. Большая часть книг издавалась в России, точнее в Казани, на русском языке.

В документально-публицистическом эссе И. Ф. Коковой «Н. Ф. Катанов» (Абакан, 1993) есть информация, что богатейшая библиотека Н. Ф. Катанова из восточных рукописей была продана в 1912 г.⁵

Но в Стамбульской библиотеке Н. Ф. Катанова есть книги, где сохранились дарственные надписи, с указанием дат 1913–1914 гг. Это говорит о том, что в 1913–1914 гг. библиотека все еще была у своего владельца. На книге В. А. Никольского «Значение идеи загробного существования для нравственной жизни» (Казань, 1914) читаем: «Многоуважаемому Николаю Федоровичу Катанову от автора. 24 января 1914 г.».

Таких дарственных книг в библиотеке много. Катанову дарили свои труды ученые, литераторы, переводчики, священники, редакторы, издатели.

Страницы новинок прошлых лет сохранили их почерк, даты дарения, слова признательности.

Одним из наставников Катанова в годы его учебы в Красноярской классической гимназии был И. П. Кузнецов-Красноярский. В 1888 г. в губернской типографии г. Томска была опубликована книга И. П. Кузнецова-Красноярского «Архив Аскыской степной думы». На ней дарственная надпись: «Н. Ф. Катанову в дань уважения. Николай Кузнецов. 1892 год. 29 июня». Видимо, книга была подарена во время командировки Катанова в Сибирь.

В библиотеке имеется более трех тысяч названий книг по тюркологии. Помимо справочной, исторической, этнографической, археологической литературы, есть книги по устному народному творчеству. Много переводной литературы с башкирского, казахского, киргизского, татарского, туркменского, узбекского, чувашского языков на русский язык.

Дореволюционные издания по тюркологии, особенно по языкам, теперь стали библиографической редкостью. Трудно сказать, но думается, в отечественных массовых, да и научных библиотеках нашей страны сегодня вряд ли можно их найти. В библиотеке много учебных пособий в помощь изучающим тюркские и русский языки.

В 1912 г. в Оренбурге было опубликовано учебное пособие «По предметам, по картинкам первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку», составленное директором губернского народного училища А. Тарковским. Пособие сохранило автограф А. Тарковского, но без даты дарения: «Высокопочтиму Н. Ф. Катанову от автора, признательного за рецензию. А. Тарковский».

Как ученый-этнограф Николай Федорович хранил в своей библиотеке литературу по многим религиям (буддизму, исламу, иудаизму, православию, шаманизму). Большинство этих книг тоже дарственные.

В 1909 г. в Казани вышла в свет брошюра С. Багина «О пропаганде ислама путем печати». Книга была подарена Катанову автором. Есть книга К. Харлампевича «О христианском просвещении инородцев: переписка Архиепископа Вениамина Иркутского с Н. И. Ильминским»

(Казань, 1904) с надписью: «Многоуважаемому Н. Ф. Катанову от автора. 9/1905».

Ученый-миссионер Николай Иванович Ильминский, выпускник Казанской духовной академии, сыграл заметную роль в формировании религиозных интересов сибиряков к христианству. Есть в этой библиотеке несколько книг и самого Н. И. Ильминского, в том числе «О переводе православных христианских книг на инородческие языки» (Казань, 1879).

Сохранились книги с автографами известных исследователей Сибири, внесших огромный вклад в изучение истории и культуры Сибири: «Заселение Сибири и быт первых насельников: Исследование П. Н. Буцинского» (Харьков, 1889) или «Сборник обычного права сибирских инородцев» (Варшава, 1876) и др.

Отдельно в библиотеке хранятся изданные труды самого Катанова, отписки статей из сборников, научных трудов, среди которых: «Известия Лоренца Лянге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах» (Тобольск, 1905); «Среди тюркских племен» (СПб., 1896); «Замечания о богатырских поэмах минусинских татар Енисейской губернии» (СПб., 1885) и др.

Исследователей-лингвистов может заинтересовать богатая коллекция книг по языкознанию: «Памятники монгольского квадратного письма,

объясненные А. А. Бобровенниковым и дополнениями В. В. Григорьевича» (СПб., 1870), «Академический словарь латинского языка: Критико-библиографические заметки Д. Нагуевского» (Казань, 1904) с дарственной надписью: «Многоуважаемому Н. Ф. Катанову Д. Нагуевского».

Библиографические указатели в библиотеке также занимают достаточно заметное место, о чем свидетельствует интерес Николая Федоровича к библиографии. В истории русской библиографии он первый составитель литературы по тюркским народам⁶. Значительное место в его творчестве занимает также «Библиографический указатель литературы об урянхайцах и их земле»,⁷ который требует отдельного изучения и исследования.

Если в 1922 г. библиотека насчитывала 7325 экз. книг, то в настоящее время книжный фонд вырос до 9000 экз. Отдельно от коллекции Н. Ф. Катанова коллектив института начал собирать книги, подаренные в последние годы библиотеке учеными разных стран, в том числе и российскими.

Фонд библиотеки представляет значительный интерес и, без сомнения, помогает восполнить пробелы по истории, этнографии, языка и культуре в отечественной тюркологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов, Н. Ф. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958. – С. 168.
2. Enstitukutupnanesi // Turkiye univrsitelerinin turkiyat arastirmalari enstituleri turkiyat boiarastirmalari merkezleri – Istanbul, 1997 – S. 13.
3. Катанов, Н. Ф. Материалы и сообщения... – С. 168.
4. Катанов, Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1893.
5. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 95.
6. 5. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе / И. Ф. Кокова. – Абакан, 1993. – С. 95.
7. Косованов, В. П. Библиография Приенисейского края: систематический указатель книг и статей на русском и иностранных языках, опубликованных с 1612 по 1923 г. / – Красноярск, 1923. – С. 3.
8. Катанов, Н. Ф. Библиографический указатель литературы об урянхайцах и их земле // Катанов, Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – С. 1200–1600.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Ф. КАТАНОВА В СОБРАНИИ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ

Письма выдающегося тюрколога Н. Ф. Катанова создателю Минусинского публичного музея Н. М. Мартьянову более ста лет привлекали внимание многих исследователей жизнедеятельности первого хакасского ученого (Я. И. Сунчугашев, А. Бондарев, Э. Севостьянова, В. А. Ковалев, В. Н. Тугужекова, А. Н. Гладышевский и др.).

Эти ученые и краеведы ссылались в своих работах на разное количество писем (от 19 до 40). В настоящее время проводится реорганизация научного архива музея, при этом автором выявлено 70 писем Н. Ф. Катанова, из которых 33 не поступали ранее в научный оборот. По годам имеющиеся письма распределены неравномерно: по одному письму за 1886, 1887, 1890 и 1893 гг., по 6 писем за 1889 и 1895 гг., 8 и 9 писем за 1898 и 1899 гг. соответственно, за 1897 г. – 2 письма, за 1892, 1894 и 1900 гг. по 3 письма, зато за 1901 г. – 13 и за 1902 – 10 писем.

Начало переписки Н. Ф. Катанова и Н. М. Мартьянова, по мнению В. А. Ковалева, относится к 1886 г. и охватывает период в 16 лет (до 1903 г.). 20 января 1886 г. студент Восточного факультета Петербургского университета Н. Ф. Катанов, завершая письмо, подписывается словами «Ваш старый знакомый»¹. С этого времени их переписка становится регулярной.

Николай Федорович – представитель коренной национальности Сибири – с юности изучал культуру и историю хакасского народа. В этом деле он встретил полную поддержку Н. М. Мартьянова. 25 сентября 1893 г. Н. Ф. Катанов поблагодарил его за присланную в Петербург книгу П. А. Аргунова и сообщил о высылке своей статьи о «гаданиях». К письму он приложил и портрет академика В. В. Радлова с его автографом, переданным лично Василием Васильевичем специально для музея. Катанов считал этот фотопортрет весьма удачным. О себе Николай Федорович написал, что в Петербурге он «не получил никакого места, потому что обе кафедры татарского языка заняты» и поэтому надеялся на назначение в Казанский университет².

В письме 15 июня 1899 г. Н. Ф. Катанов сообщил Н. М. Мартьянову, что побывал на первом горном жертвоприношении, состоявшемся в 6 верстах от села Аскиз. Он намеревался также посетить второе жертвоприношение. «Татары меня не боялись, а когда узнали, что я нарочно приехал ради изучения шаманства, то велели шаману петь и говорить погромче»³.

По окончании университета, в 1888 г., вскоре Н. Ф. Катанов был направлен Российской Академией Наук и Географическим Обществом в Сибирь и Восточный (Китайский) Туркестан. В марте 1889 г. он выехал в научное путешествие, продлившееся 4 года и 10 месяцев. Его путь лежал из Аскиза в Усинский и Урянхайский края. Затем молодой ученый направился в таежные районы под Канск и Нижнеудинск, а впоследствии и в Китай.

Из китайского города Чугучак 25 августа 1891 г. Н. Ф. Катанов сообщил Н. М. Мартьянову о том, что вынужден задержаться там, т. к. разрешение продолжить путешествие по Китаю было неготово. Но это обстоятельство способствовало успешным сборам Катанова. Ему удалось записать более 800 страниц «преданий, толкований, снов, песен, рассказов, загадок, сказок и обычаев китайских сартов, говорящих на так называемом джагатайском языке, на котором написана известная История Средней Азии, сочиненная Абул-гази-багадур-ханом (умершем в 1663 г.)»⁴.

25 января 1894 г. Катанов, живя в Казани, ответил на письмо Н. М. Мартьянова и извинился за долгое молчание. Это было связано с тем, что осенью 1893 г. в Петербурге он успешно сдал экзамены на степень магистра турецко-татарской словесности и 9 ноября был назначен «преподавателем турецко-татарских (тюркских) наречий в звании профессора с жалованьем в 2000 рублей (должность VI класса)»⁵. Николай Федорович искренне поделился своей радостью с Мартьяновым, что он будет читать по тюркологии четыре предмета – этнографию, историю, литературу и язык. Катанов сообщил также о высылке в Минусинск

синский музей своей книги «Письма». Далее с восторгом он написал: «Радуйтесь и пусть радуется вся Сибирь! Датский ученый W. Thomsen и наш ученый В. В. Радлов нашли в декабре 1893 г. самый верный ключ к чтению рунических надписей. Радлов помолодел лет на 30. (...) Одна надпись относится к 738 г. и говорит о торговле Китая с арабами и Сибирью»⁶.

Начав работу в Казанском университете в январе 1894 г., уже в апреле Н. Ф. Катанов стал действительным членом и секретарем Общества любителей археологии, истории и этнографии, а позже его председателем. Это общество ежегодно публиковало 6 выпусков «Известий» с различными материалами. 30 марта 1894 г. Катанов поблагодарил Н. М. Мартьянова за интересные новости и сообщил о высылке своей статьи «Среди тюркских племен», опубликованной в «Известиях ИРГО» (т. XXIX). При этом молодой ученый обратился с просьбой к старшему другу: «Эту статью приобщите к прежним моим книжкам, пожертвованным библиотеке дорогого и родного нашего музея»⁷.

15 сентября 1894 г. Н. Ф. Катанов выразил благодарность Н. М. Мартьянову за присланную ему в Казань бандероль с Отчетом Минусинского музея и Каталогом народно-медицинских средств. «По отзывам специалистов, эти книги очень интересны», – отметил Николай Федорович⁸.

Прекрасно понимая важность библиотеки музея для жителей глухого сибирского городка, Н. Ф. Катанов регулярно посылал новые издания – необходимые и полезные минусинцам. В своих посланиях, написанных на бланках Общества любителей археологии, истории и этнографии 6, 12 и 15 апреля 1895 г., Катанов сообщил Н. М. Мартьянову о посылках с выпусками «Известий» этого общества для музея⁹.

При подготовке книги по этнографии южного Енисея сотрудник музея Е. К. Яковлев испытывал затруднения с точной транскрипцией написания хакасских слов. Тогда Н. Ф. Катанов предложил свою помощь в составлении хакасской орфографии и библиографического указателя к каталогу этнографического отдела музея. Эта работа была блестяще, со знанием родного языка, выполнена профессором Катановым. Об

этом периоде он вспоминал в письме Н. М. Мартьянову 27 августа 1899 г.: «Относительно же шаманского костюма и бубна я переговорил с Евгением Константиновичем, а именно, костюм же мой несравненно беднее остававшегося у отца Гавриила, зато бубен лучше. (...) Один костюм принадлежал сагайцу, а другой – качинцу»¹⁰.

Н. Ф. Катанов взял на себя также хлопоты по подготовке и изданию в типографии Казанского университета «Исторического очерка Минусинского музея за 25 лет. 1877–1902», написанного Ф. Я. Коном. 28 сентября 1901 г. он сообщил Н. М. Мартьянову, что рукопись Ф. Я. Кона получена и уже набрана в объеме 7 печатных листов. При этом Николай Федорович деликатно спрашивал, мог ли он «приложить к книге алфавитный указатель собственных имен лиц, в ней встречающихся»¹¹. Данная книга получилась замечательной, тем более что она представляла отчет о деятельности одного из первых публичных музеев Восточной Сибири, учитывая его опыт в организации работы и исследований истории и культуры края.

По просьбе Н. М. Мартьянова Н. Ф. Катанов согласился расшифровать надпись на древнем бронзовом зеркале. 27 августа 1899 г. он предложил Н. М. Мартьянову следующее: «Арабское зеркало, имеющееся в музее, будьте добры, на время переслать мне; по изготовлении оттиска будет сейчас же в целости возвращено. Вместе с тем, сообщите мне, если можно: 1) где и когда зеркало найдено; 2) когда и кем подарено или продано музеем и за какую сумму; 3) издано ли оно кем для Вашего музея и т. п. Преданный Вам Н. Катанов»¹².

17 октября 1899 г. в письме, написанном на бланке с отпечатанным собственным портретом, профессор Н. Ф. Катанов поблагодарил Н. М. Мартьянова за посылку с зеркалом и сообщил о своем намерении 20 октября сделать доклад на собрании Общества любителей археологии, истории и этнографии об этом зеркале: «Оно оказывается для меня весьма интересным и новым»¹³. Кроме того, Николай Федорович написал и опубликовал в 1900 г. (Казань) специальную работу «Описание металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего музею города Минусинска Енисейской губернии

и несколько слов о металлических зеркалах, принадлежащих другим».

8 сентября 1900 г. Н. Ф. Катанов уведомил Н. М. Мартьянова о получении 2 и 4-го выпусков «Описания Минусинского музея» (труды Горощенко и Яковлева) и поблагодарил «за весьма ценный для меня подарок», а также «за скорое и любезное исполнение моей просьбы относительно присылки 19 фотографических снимков с китайских металлических зеркал, которые были сюда, когда я еще был в Италии»¹⁴.

В 1900 г. Минусинский музей представлял свои предметы по истории и культуре хакасского народа на Всемирной выставке в Париже, за что был удостоен диплома (на французском языке) и малой серебряной медали. Летом того же года Н. Ф. Катанов совершил поездку в страны Европы с целью изучения в библиотеках Вены, Венеции, Рима, Флоренции и Парижа собрания восточных рукописей и редких книг на арабском, персидском, турецком и татарском языках. Посетил Николай Федорович и сибирский отдел Всемирной выставки с экспозицией Минусинского музея. В июне 1900 г. Н. Ф. Катанов на красочной открытке с видом турецкого павильона написал: «Дорогой Николай Михайлович! Сейчас я был в сибирском отделе выставки и с удовольствием осмотрел Ваши экспонаты: шамана, наших инородцев и пр. Все вышло чудесно; жаль только, что при них нет ярлыков с названиями. Н. Катанов»¹⁵. Мартьянов получил это послание из Парижа уже 28 июня 1900 г., судя по дате почтового штемпеля.

Многолетние творческие связи Н. Ф. Катанова и Н. М. Мартьянова были бы невозможны без их искреннего, доброжелательного отношения друг к другу. 9 октября 1892 г. из села Аскиз Николай Федорович прислал Н. М. Мартьянову приглашение: «Многоуважаемый Николай Михайлович! Сим честь имею всепочтительнейше просить Вас пожаловать с супругой в среду 14 ч. сего октября ко мне на празднество, по случаю бракосочетания моего с девицею Александрой Ивановной Тихоновой. Кандидат Императорского СПб Университета Н. Катанов»¹⁶.

Летом 1899 г., во время пребывания в Аскизе, Николай Федорович написал Николаю Михай-

ловичу: «Желаю Вам и Вашей мамаше крепкого здоровья и кланяюсь. Преданный Вам Катанов»¹⁷.

13 ноября 1901 г. Н. Ф. Катанов сердечно поздравил Н. М. Мартьянова «с вступлением в законный брак с Еленой Константиновной, о которой самые приятные воспоминания сохраняются до сих пор в особенности у моей жены, учившейся в Минусинске во время ее незабвенного попечительства»¹⁸. Он пожелал супругам Мартьяновым крепкого здоровья и нерушимого счастья.

25 июля 1899 г. из села Аскиз Н. Ф. Катанов прислал сердечное поздравление Н. М. Мартьянову «с получением почетного звания от Французской Академии», отметив, что это «лишь отчасти вознаграждает многополезные труды Ваши на пользу археологии». Он выразил уверенность, что «Минусинский музей – образец музеям всего света, ибо он основан, умножен и усовершенствован не по инициативе правительства и не богатствами капиталистов, а всем талантом и энергией одного человека. Минусинский музей – гордость не только Сибири, но и России. Я знаю многие музеи, обеспеченные капиталом, но без преданных делу руководителей. Их можно назвать не музеями, а складом старья, и больше ничего (по выражению одного писателя, «заброшенный чихаус»). Почитатель Ваш Н. Катанов»¹⁹.

В своем последнем письме Н. М. Мартьянову Николай Федорович восклицает: «Вечная слава Вам, создавшему почтенный музей собственной энергией и любовью, и позор нашим европейским русским ученым (по крайней мере некоторым), которые берут деньги и совсем мало делают. На своем веку я видел до 30 музеев, но людей, которые бы любили музей ради науки, как любите музей и его вещи Вы, признаюсь, я нигде не встречал. Дай Бог Вам здоровья крепкого за то, что Вы бескорыстно создали свой музей и держите его единственно своею любовью к науке. Кланяюсь низко Вашей супруге и Вам. Преданный Вам почитатель Ваш Н. Катанов. 24 мая 1902 г. Казань»²⁰.

После смерти Н. М. Мартьянова 13 декабря 1904 г. Н. Ф. Катанов продолжал поддерживать тесные связи с музеем. 7 ноября 1909 г. ученый сообщил о посылке в дар библиотеке музея

11 книг, из них восьми своих: «Предания присаянских племен о прежних делах и людях» (СПб, 1909); «О сабле с греческой надписью» (Казань, 1905) и др.²¹

11 декабря 1914 г. Катанов поблагодарил музей о получении двух экземпляров книги В. А. Ватина «Минусинский край в XVIII в.», напечатанной в Минусинске в 1913 г.²²

На сегодняшний день письма Н. Ф. Катанова полностью не опубликованы. Его эпистолярное наследие раскрывает нам малоизученную сторону жизни выдающегося хакасского ученого как сотрудника Минусинского музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Лл. 89–90.
2. Там же. Д. 61. Лл. 250–251.
3. Там же. Д. 81. Лл. 65, 65 об.
4. Там же. Д. 53. Лл. 276–277 об.
5. Там же. Д. 64. Лл. 54–55.
6. Там же. Лл. 77, 81.
7. Там же. Л. 211.
8. Там же. Лл. 55, 105–107, 99.
9. Там же. Д. 81. Л. 97.
10. Там же. Д. 89. Лл. 224, 227.
11. Там же. Д. 81. Л. 97.
12. Там же. Л. 132.
13. Там же. Д. 87. Лл. 222, 222 об.
14. Там же. Л. 201.
15. Там же. Д. 59. Л. 104.
16. Там же. Д. 81. Лл. 72, 84.
17. Там же. Лл. 259–260.
18. Там же. Л. 85.
19. Там же. Д. 94. Лл. 174, 174 об.
20. Там же. Д. 140. Л. 41.
21. Там же. Д. 161. Л. 9.

Л. В. АНЖИГАНОВА

ЧЕЛОВЕК В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

(опыт реконструкции по материалам трудов Н. Ф. Катанова)*

В условиях глобализации, когда крайне обострены взаимоотношения Человек – Природа, особенно полезным является анализ той стадии развития общества, когда они были в состоянии гармонии. В традиционном обществе, в отличие от современного, где человек самоценен и самодостаточен, а окружающий мир выступает лишь условием его существования, человек выступает как важная, существенная, ответственная, но все же только часть мира. Равноценны и самоценны мир, гора, животное, растение, человек.

В традиционном мировоззрении атрибутивным свойством мира и каждой его частицы является *Жизнь*, которая становится наиболее важной

ценностью. Вместе с тем, важнейшей особенностью традиционного мировоззрения является то, что смерть, как противоположная жизни категория, всегда относительна, она – лишь переход из одной формы жизни в другую. И в этом смысле она является источником жизни и возрождения, как бы парадоксально это ни звучало. Казалось бы, полярные понятия «жизнь – смерть» оказываются слитыми в единое целое, представляют единый процесс. В символической форме эта фундаментальная идея традиционного мировоззрения хакасов очень жестко зафиксирована в трех наиболее важных ритуалах: рождения – свадьбы – похорон.

Проблема смерти не могла не занимать мысли и чувств традиционного человека. Полемизуя с З. Фрейдом, психолог М. Бертран справедливо замечает, что «самое сильное потрясение, которое побуждает работу мысли, связано не с

* Исследование осуществлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт № 02. 740. 11. 0585).

ситуацией соблазна, а с неизбежностью смерти»¹. Сопряженность смерти – жизни в традиционном мировоззрении не означает, что к проблеме смерти человек был равнодушен. Проиллюстрирую это только на одном примере. В записанном Н. Ф. Катановым толковании снов 26 примеров из 30 относятся непосредственно к предсказанию смерти и только 4 – к рождению (приснившиеся нож или ножницы, разбитый чугунный котел, колыбель, береза в юрте)².

Ни в какие времена, ни при каких мировоззренческих предпочтениях (в том числе при вере в перевоплощение) человек не хотел умирать, покидать этот солнечный мир. Именно об этом просили хакасы традиционного общества. Любая их просьба ко всем силам мира – мольба о жизни и ее *полноте*: «Ради того, чтобы была неумирающая сила! Ради того, чтобы была непроливаемая полнота (богатства, счастья)!...»³ Отметим, что в хакасском фольклоре речь шла не просто о жизни, а о наслаждении ею. Именно об этом говорилось в каменных эпитафиях VI–VIII вв.: «Я не наслаждался...»

Известна хакасская пословица «работай, пока не вспотеешь, обедай, пока не насытишься»⁴. Стремление к полноте бытия в хакасской ментальности уравнивается идеей *меры*: «если хочешь многого, добра не увидишь»⁵. Показательна здесь хакасская сказка, аналог пушкинской о золотой рыбке, в которой старик за чрезмерные притязания / захотел стать Богом / был превращен в медведя⁶.

Традиционный человек был стихийным диалектиком, видящим единство позитивного и негативного в мире и в самом человеке: «не увидевши горького, не увидишь и сладкого»⁷; в хакасской песне-тахпахе поется: «Есть ли мужчина, выросший без невзгод? Есть ли мужчина, выросший без заблуждения?»⁸.

Иллюстрацией идеи изначальной противоречивости человека является записанный Н. Ф. Катановым миф о его происхождении, в котором Ульген и Эрлик-хан как бы поделили между собой человека, наделив его положительными и отрицательными характеристиками⁹.

Олицетворением, средоточием, *критерием жизни* является наличие *души*. Она есть во всем, именно душа позволяет осуществлять связь всего

со всем, что наиболее наглядно проявляется при переходах в иные миры, во время путешествий шаманов и простых смертных, т.к. это осуществляют их души. Возможность общения со стихиями, горами и камнями, растениями, животными появляется у человека только потому, что *родственны* души, они одной природы.

Предметом деятельности души, сознания является информация, знание. Наделенный сознанием мир буквально напичкан информацией, поэтому не удивительно, что для шамана необходимое знание дают и порыв ветра, и полет птицы, и лист дерева и пр. На этой связи всего со всем, *синхронизации всех процессов в мире* основана гадательная практика, толкование снов, предчувствия, пророчества, нумерологические изыскания и т.п. Например, у хакасов есть поверье, что тот, кто увидит своего двойника, умершего человека наяву, змею с красными ногами и т.д., тот обязательно скоро умрет¹⁰.

Информация может быть выражена различным способом. Взглядом, говорится в хакасском фольклоре, можно человека убить. Красноречивы жесты, мимика. Но сильнее всего считается *слово*. Поэтому так много внимания хакасами уделялось благопожеланиям:

Возраст твой да будет долгим!
Природа твоя да будет высокая!
Живи, пока не побелеет черная голова твоя!..
Живи хорошо, хоть ты и одинок!
Не будь предметом смеха для тех, кто смел!..
Живи, имея чистый рассудок!
Не будь предметом сплетен для кого-либо!..¹¹

Хакасы верили в силу благих слов, но смертельно боялись проклятий, подобных этому:

...Следы ухода твоего да будут!
Следы прихода твоего да отсутствуют!
Маковка твоя да провалится!
Кровь твоя да выльется комками!..¹²

Если помнить, что хакасы верили в реинкарнацию, вхождение с небес души через макушку, то становится ясно, что нет ничего страшнее этих слов: окончательная смерть грозит не только конкретному человеку, но и всем его потомкам по крови.

Наиболее значимой и разработанной формой души у хакасов был *хут*, означавшая «дух», «жизненную силу», «счастье». Человек хут получал с небесного молочного озера, она чиста и благородна, имеет вид золотой или серебряной нити.

Все в мире имеет свой хут, в том числе и священная земля тюрков, которую особенно важно хранить *в чистоте и силе*¹³. Хакасы верили, что *жизнеспособность народа напрямую зависит от силы хут родной земли, которая определяет и хут самого этноса*. Еще В. В. Радлов отмечал, что «эта земля так близка человеку, так по своей природе даже родственна ему, что он может без боязни обратиться к ней. Поэтому каждый человек приносит йер-су (хут земли) жертвы и дары, дабы проявить свою благодарность и почитание. Восхвалять ее в песнях и благочестивых речениях и почитать ее может каждый без всякого для себя ущерба»¹⁴.

Дух народа подпитывается здоровьем духа каждого его члена, его стремлением жить в пространстве этнической культуры, продолжать то, что оставили предки.

Главной задачей каждого человека и каждой семьи являлось рождение и воспитание как можно большего числа детей, которые были главной ценностью традиционного мировоззрения хакасов, гарантом незыблемости *закона вечности жизни и бессмертия души в бесконечной цепи перевоплощений*.

В отличие от мировых религий, ориентирующих человека на обретение вечного блаженства в иных «горних» мирах, этническое сознание хакасов находило радость бытия в этом солнечном мире. Абсолютное большинство каменных эпитафий VI–VIII вв. начинаются словами «Я не наслаждался...» с перечислением тех ценностей, которые были особенно значимы для данного человека (жены, дети, родная земля, «божественное государство» и т. п.) Любовь, добро и свет разлиты в этом, человеческом мире, поэтому бесконечная цепь перевоплощений из наказания за грехи (в буддизме) превращается в *оптимистическую перспективу возрождения вновь и вновь*.

Акцент на приоритете идеи возрождения сделан в хакасском мифе о сотворении мира и человека (аналоге библейского мифа о грехопа-

дении), в котором Бог наказал первым людям: «Ешьте красную смородину, растущую на *восходе* солнца... Но не трогайте красную смородину, растущую на *закате*»¹⁵. Вспомним, что восток – символ рождения, жизни, в отличие от запада, связанного с миром смерти.

С другой стороны, особенностью традиционного мировоззрения является *культ предков*, что делает прошлое не просто ушедшим навсегда, но всегда актуальным, т. к. время в традиционном мировоззрении течет по кругу. Предки и потомки – по сути одно, и в их целостности – залог единства рода и этноса.

Европейская ментальность ориентирована на приоритет личности с ее активно-волевыми, преобразующими мир функциями, поскольку человеку важно оставить след и заработать вечное блаженство после этой единственной жизни. Это – его шанс избежать ужасов ада. И в этом, возможно, кроется одна из причин доминирования идеи прогресса в западной ментальности, которая привела к впечатляющим достижениям европейской цивилизации.

Перспектива попасть или избежать ада не пугает традиционно мыслящего человека. В Нижнем мире мало радости, света, каждого человека ждут неизбежные испытания в процессе перехода из мира в мир, поскольку это – закон. Но ужасы перехода преходящи.

Значит ли это, что в традиционном обществе отсутствуют механизмы, удерживающие человека от греховности мысли и поведения, стимулирования добродетельной жизни? Понятия тотального экзистенциального страха в традиционном мировоззрении хакасов, пожалуй, нет. Но нет и вседозволенности, т. к. существует идея *пути, судьбы* мира, этноса, рода, отдельного человека, которые определяются на небесах. Хакасская пословица гласит: «Что срок имеет – в срок исполнится; что время имеет – в свое время совершается». В хакасском фольклоре часто встречаются сюжеты, связанные с Книгой судеб, по которой узнаются пути решения многих проблем героев.

По авторитетному мнению М. Элиаде, человек в традиционном обществе «смело взваливает на себя огромную ответственность: например, соучастие в создании космоса,

сотворении своего собственного мира, обеспечение жизни растений и животных... Речь идет об *ответственности* космического плана, отличной от ответственности моральной, общественного или исторического порядка, которые единственно и известны современным цивилизациям».

Бездумное вмешательство в развитие мира, нарушение порядка и гармонии, не следование пути, предназначенному судьбой, является тяжким грехом. Наказание следует сразу, если грех относительно невелик, в виде болезней, неудач на охоте, падежа скота и пр. Но самые тяжкие грехи оборачиваются и самыми тяжелыми последствиями: *несчастьями в семье, смертью детей, вымиранием рода*. Что касается последнего, то это, в конечном счете, означало и конец перевоплощения человека, поскольку перерождение душ происходило внутри рода. А это – окончательная смерть души, самое страшное наказание. Н. Ф. Катанов записал песню, адресованную человеку, «который хочет творить суд над чужим народом». За это наказание будет «потомству, которое произведешь... сыновьям, которых будешь воспитывать...»¹⁸.

Род, народ как ценность особенно значимы для традиционного мировоззрения, т. к. они – условие выживания для каждого: «Скотину, отделившуюся от стада, волк съедает; отошедший от народа погибает»¹⁹. Мало с чем по силе может сравниться легенда об Абахай-Пахта, верной своей родине и народу настолько, что не пожалела самое дорогое, что есть у женщины, – детей, дабы не покориться иноземцам и не остаться на чужбине²⁰. Легенда о Ханза-Пиге, последнем хакасском богатыре, боровшемся за независимость народа, была самой любимой у хакасов в XIX в. У Н. Ф. Катанова она записана в самых разных вариантах, но везде смысл один: о верности родине и народу, борьбе за их свободу ценой собственной жизни²¹.

В самом народе верность традициям, *закону* в целом считалась необходимой добродетелью, в героическом эпосе рефреном повторяется: «Не носите одежду без пояса, не будьте народом без суда, *без закона*»²².

Законами были уважение к старшим, забота о младших, особенно о *сиротах*: «Сирот вверх нужно тянуть, униженного на свет нужно тянуть»²³. У хакасов до середины XX в. не было брошенных детей, сирот. Родственники не оставляли их без попечения.

Таким образом, для традиционного мировоззрения хакасов особой ценностью являлась не столько индивидуальная жизнь, сколько *целостность и жизнеспособность семьи, рода, этноса, а во время расцвета Древнехакасского каганата и «божественного государства»*. Условием вечности этноса становились *нравственная чистота и ненарушение целостности и гармонии миропорядка каждого человека*.

Трудно согласиться с В. В. Радловым в том, что в хакасском героическом эпосе народ играл подчиненную роль²⁴. Не народ существует для героев, но он является важнейшей ценностью и смыслом деятельности богатырей. В хакасском героическом сказании «Албынжи» дается наказ герою:

Сила тебе для народа дана,
Пусть не уйдет бесполезно она!
За свободу народа грудью вставай,
Радость людскую не нарушай,
Счастье народа оберегай!²⁵

Ибо это завещано свыше: «Тенгри (Великое Небо) тюрков и священная Земля – Вода (Родина) тюрков так сказали: «да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет»²⁶.

Таким образом, в традиционном обществе человек нес особую ответственность за мир в целом; обладал выраженной целостностью с ним и самим собой (единством тела, сознания и души). Строгая упорядоченность общества, освященная веками и поддерживаемая всеми возможными способами, препятствовали проявлениям экзистенциального вакуума. Человек в традиционном обществе обладал позитивным мировоззрением, что способствовало позитивной деятельности, ориентированной на творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бертран, М. Бессознательное в работе мысли // Вопросы философии. – 1993. – № 12. – С. 37.
2. Катанов, Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Ч. IX. – СПб., 1907. – С. 462–466.
3. Там же. – С. 382.
4. Там же. – С. 207.
5. Там же. – С. 206.
6. Там же. – С. 544–546.
7. Там же. – С. 208.
8. Там же. – С. 189.
9. Там же. – С. 522–525.
10. Там же. – С. 559.
11. Там же. – С. 190.
12. Там же. – С. 236.
13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1989. – С. 78.
14. Радлов, В. В. Из Сибири. – М., 1989. – С. 365.
15. Трояков, П. А. Мифы и легенды хакасов. – Абакан, 1995. – С. 8.
16. Хакас чоннынъ сӱспектерӱ, чоох-чаахтары, сиспектерӱ. Хакасские пословицы, поговорки и загадки. – Абакан, 1960. – С. 69.
17. Элиаде, М. Священное и мирское. – М., 1994. – С. 62.
18. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 536.
19. Хакас чоннынъ... – С. 71.
20. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 567.
21. Там же. – С. 279 – 280, 337, 364, 368, 453 и др.
22. Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. – М., 1988. – С. 254.
23. Хакас чоннынъ... – С. 21.
24. Радлов, В. В. Указ. соч. – С. 246.
25. Албынжи. Хакасский героический эпос. – Абакан, 1951. – С. 8.
26. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М. – Л., 1951. – С. 37.

В. К. ШУЛБАЕВ

Н. Ф. КАТАНОВ О ЧИСЛЕННОСТИ МИНУСИНСКИХ ТАТАР

В богатейшем наследии Н. Ф. Катанова специалисты многих отраслей наук находят благотворный источник знаний, который помогает и побуждает их вести исследовательскую работу. Наряду с лингвистами, фольклористами, этнографами, в трудах Н. Ф. Катанова могут найти много полезного и историки, географы, демографы и экономисты. Так, в отчете о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии в 1899 г. ученый дает, по сути, краткую экономическую характеристику хозяйствам Аскизской и Абаканской инородных управ с указанием численности населения, количества улусов, дворов, площади сельскохозяйственных угодий по видам использования (усадебной, пашни, сенокосов, пастбищ), поголовья крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз и т. д.

В 1898 г. в ведомство Аскизской инородной управы входило 212 улусов¹, в ведомство Абаканской – 95 улусов². Для сравнения, на 01.01.1992 численность всех населенных пунктов Хакасии составила 267. Несколько несложных расчетов по материалам отчета Н. Ф. Катанова позволяют современному исследователю получить новые

интересные данные. Выявляется, например, что в Аскизской инородной управе на каждый улус приходилось в среднем 11 дворов, средний коэффициент семейности составлял 5,6 человека. Несколько иные показатели в Абаканской инородной управе, где улус в среднем состоял из 20 дворов, а коэффициент семейности – 5,1 человека. Нужно отметить, что многие полные, нормальные хакасские семьи были многодетными. Об этом свидетельствует, например, семейное положение информаторов Н. Ф. Катанова по образцам народной литературы. Так, Елко Санзыраев, «живущий по реке Большой Сыр, ... имеет 4 детей»³. Другой информатор, Тархов (Федор) Саражаков, имеет 4 сыновей, «живет на левом берегу Абакана, между Архиповым улусом и с. Аскысом». У Колея Кыжинаева 3 дочери и 2 сына.

Большое число небольших хакасских аалов было рассредоточено по плодородным долинам рек, должно быть, в рациональном, для ведения сельскохозяйственного производства, порядке. Такое размещение населенных пунктов к концу XIX в. состоялось, конечно, не вдруг, а посте-

пенно, в течение многих десятилетий ведения традиционного хозяйства, приспособленного к местным природно-климатическим условиям. Большинство этих улусов сохранилось до 1930-х гг. После коллективизации и особенно после проведения укрупнения колхозов, а затем их реорганизации и создания совхозов кампании по ликвидации так называемых «неперспективных» сел и деревень многих аалов в конце 1950-х и в 1960 гг. не стало.

В наши дни в связи с появлением на селе фермерских хозяйств опыт землепользования предшествующих поколений мог бы пригодиться. И тогда, возможно, некоторые аалы в подтаежной зоне республики могли бы возродиться.

В отчете Н. Ф. Катанова об экспедиции 1899 г., как уже было отмечено, имеются сведения о численности населения. По этим данным, в Аскизской инородной управе в 1898 г. проживало 7012 лиц мужского пола и 6886 лиц женского пола. В Абаканской – соответственно 4871 и 4962. Всего же в хакасских аалах, на территории Аскизской и Абаканской инородных управ, проживало 23,7 тыс. человек⁴. Здесь нужно иметь в виду, что Н. Ф. Катанов, приводя статистические данные по численности населения, подчеркивает, что эти сведения именно по населенным инородцами местам в районе Аскизской и Абаканской инородных управ. Второй раздел отчета, например, так и называется: «Список населенных инородцами мест в районе Аскизской Инородной Управы за 1898 год»⁵.

Конечно, 23,7 тыс. человек это еще не все хакасское население. Мы знаем, что к концу XIX столетия немало инородцев работало на золотых приисках, жило в русских селах. Часть хакасов проживала на территории Ачинского округа. И все же, какова была общая численность хакасов в конце позапрошлого уже века? В отчете об экспедиции 1899 г. на этот вопрос Н. Ф. Катанов не дает ответа. Да такую цель в эту поездку ученый, нам думается, и не ставил перед собой. Однако не мог же Н. Ф. Катанов не иметь представления, не проявить хотя бы интереса о численности своего народа?

Такое представление он, конечно, имел. В своем сообщении о результатах экспедиции 1888–1892 гг. на общем собрании Император-

ского Российского Географического Общества 19 мая 1893 г. Н. Ф. Катанов отмечает: «Всех минусинских татар к 1-му января 1889 г. было около 50000 душ обоего пола»⁶. К сожалению, среди трудов Н. Ф. Катанова, которые нам посчастливилось просмотреть, мы не встретили других более подробных или полных данных о численности хакасского населения.

Изучение статистических ведомостей о численности жителей по сословиям в городах и округах Енисейской губернии за 1863 и 1888 гг. помогло нам произвести расчеты и выявить общую численность оседлых и кочующих инородцев Минусинского и Ачинского округов. На 20 декабря 1863 г. их численность составляла 34713 человек⁷, а по ведомости за 1888 г. – 36258 человек⁸.

Интересно отметить, что в 1863 г. в Красноярском округе проживало 374 оседлых инородца, в их числе 176 мужчин и 198 женщин. В самом губернском городе Красноярске жило 24 инородца, 14 мужчин и 10 женщин⁹. Всех их мы отнесли к хакасскому населению. Однако в ведомости о числе жителей по сословиям за 1888 г. сведений об инородцах по г. Красноярску и Красноярскому округу мы не обнаружили.

С 1863 по 1888 г., т. е. за 25 лет, численность хакасского населения увеличилась всего лишь на 1,5 тыс. человек. Это низкие темпы прироста. Возможно, что в отдельные годы этого периода о приросте населения говорить не приходилось. Поэтому, наверное, в Сибирских газетах появились статьи, в которых сообщалось о вымирании инородческого населения. Очевидно, основания для этого были.

В вышеупомянутом сообщении Н. Ф. Катанова на общем собрании Императорского Русского Географического Общества есть грустное замечание о том, что «Всех карагасов к 1-му января 1889 г. было 416 душ обоего пола. Они, как и камасинцы, и кызыльцы Енисейской губернии, вымирают: к 6 декабря 1889 г. карагасов, платящих подати, осталось всего 103 человека»¹⁰.

Анализ статистических ведомостей за 1888 г. показал, что численность инородцев Ачинского округа за четверть века не только не увеличилась, но даже сократилась на 2156 человек. В то

же время численность инородцев Минусинского округа увеличилась на 4076 человек.

Мы все же склонны полагать, что медленный рост численности инородцев обуславливался не только низким естественным приростом населения, но и переходом части их в сословие крестьян и, возможно, ассимиляционными процессами. Н. В. Латкин, например, пишет, что в «Ачинском округе по р. Чулыму обитают также совсем обрусевшие милетские татары, числом около 1250 душ обоего пола. Эти татары живут хотя и в улусах, но улусы эти те же деревни и, проживая среди русских крестьян, они приняли их нравы и обычаи, говорят все по-русски и почти утратили свою народность, хотя до сих пор не включены в русские волости, а управляются самостоятельной Милетской инородческой Управой»¹¹.

У другого исследователя, В. А. Смирнова, мы также находим подобное замечание: «Не надо забывать, что территория кочевого населения все время уменьшалась и что многие инородцы в течение XIX века обрусели и перечислились со своим скотом «во хрисьяне»¹².

Итак, по губернским статистическим документам общая численность ачинских и минусинских инородцев в 1888 г. составляла 36,2 тыс. человек. По данным Н. Ф. Катанова, к 1 января 1889 г., т. е. за тот же 1888 г., всех минусинских татар было около 50 тыс. человек. Почему такое расхождение в определении общей численности народа? Может быть, ученый ошибся. Ведь по ведомости о числе жителей в Енисейской губернии проживало в общей сложности 45 тыс. оседлых, кочующих и бродячих инородцев. Это по всем округам и городам губернии. Но не мог же Н. Ф. Катанов причислить северных инородцев к минусинским татарам. С другой стороны, 50 тыс. человек это вполне реально, если предположить, что Н. Ф. Катанову была известна численность инородцев Красноярского и Ачинского округов, перешедших в сословие крестьян, если он учиты-

вал тюркоязычное население инородческих волостей сопредельной Томской губернии. Кстати, Н. Ф. Катанов в своем сообщении 19 мая 1893 г., говоря о тюркских племенах, приводит численность урянхайцев, карагасов, китайских татар, но не упоминает чулымцев, шорцев.

Есть и другой вопрос, на который мы пока не находим ответа. В сообщении о результатах экспедиции 1888–1892 гг. Н. Ф. Катанов приводит сведения о численности урянхайцев. Всего их насчитывалось «около 45000 душ обоего пола»¹³. Выходит, что численность урянхайцев была меньше, чем численность всех минусинских и ачинских татар. Через 118 лет после экспедиции Н. Ф. Катанова материалы статистики показывают, что численность тувинцев стала намного больше численности хакасов. По переписи населения 2010 г., общая численность тувинцев, проживающих в Российской Федерации, составила 263,9 тыс. человек (в Республике Тыва 249,3 тыс. человек), а хакасов – соответственно 72,9 тыс. человек (в Республике Хакасия 63,6 тыс. человек)¹⁴. Чем объяснить такое различие в темпах роста численности двух соседних братских народов?

Думается, что ответить на этот вопрос еще предстоит. Но для этого необходим научный анализ проведенных на сегодняшний день исследований в республике в области демографии и другим дисциплинам. Нужно продолжить изыскания по этой теме, они должны быть комплексными междисциплинарными и охватывать динамические процессы в численности населения всего Саяно-Алтайского нагорья.

В документальных материалах Н. Ф. Катанова есть и другие сведения, которые могут и должны служить убедительным основанием при принятии и реализации современных стратегий в землепользовании, развитии сельскохозяйственного производства, расселении населения и территориальной организации местного самоуправления Республики Хакасия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению историко-филологического факультета Императорского Казанского университета летом 1899 года. – Казань, 1900. – С. 33.
2. Там же. – С. 45

3. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907. – С. 262.
4. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению историко-филологического факультета Императорского Казанского университета летом 1899 года. – Казань, 1900. – С. 33, 45.
5. Там же. – С. 27.
6. Среди тюркских племен. Экспедиция Н. Ф. Катанова 1888–1892. Сообщение Н. Ф. Катанова читано в общем собрании ИРГО 19 мая 1893 г. – С. 17.
7. Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. – СПб., 1865. – С. 159–160, 167–168, 170–172.
8. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год с Адрес-календарем. Составлена под редакцией действительного члена-секретаря Статистического комитета Г. А. Хотунцева. – Красноярск, 1889. – С. 105–108, 109–114.
9. Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. – СПб., 1865. – С. 159–160.
10. Среди тюркских племен. Экспедиция Н. Ф. Катанова 1888–1892. Сообщение Н. Ф. Катанова читано в общем собрании ИРГО 19 мая 1893 г. – С. 4.
11. Латкин, Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб., 1892. – С. 149.
12. Смирнов, В. А. Исторический очерк приенисейского края, ч. 1. – Красноярск, 1926. – С. 16.
13. Среди тюркских племен. Экспедиция Н. Ф. Катанова 1888–1892. Сообщение Н. Ф. Катанова читано в общем собрании ИРГО 19 мая 1893 г. – С. 3.
14. Перепись населения России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.03.2012).

И. Н. ТРОШКИНА

О ХАКАССКОЙ СЕМЬЕ В РАБОТАХ Н. Ф. КАТАНОВА

Н. Ф. Катанов – выдающийся исследователь, востоковед, оставивший глубокий след в разработке целого комплекса научных дисциплин, образующих востоковедение как науку. Среди его исследовательских работ большая доля приходится на лингвистическое направление; далее следуют труды по фольклору и литературе тюрков; этнографические исследования¹. В этнографических исследованиях Н. Ф. Катанова значительное место занимают работы по состоянию, быту, традициям семьи тюркских народов. Большой интерес для ученых Хакасии представляют сведения об условиях жизни и быта семей «минусинских татар» (хакасов).

Выросший в хакасской семье, Н. Ф. Катанов с детства был знаком с положением, традициями, обычаями сагайцев и качинцев. В своей автобиографии он писал, что его отец происходил из племени Сагай, а мать – Каш². В. Я. Бутанаев установил происхождение фамилии Катанов от «отколовшейся части качинцев, вошедших в дальнейшем в состав сагайцев»³. Вместе с родителями Николай Федорович совершал различные ритуалы, характерные для обычной хакасской

семьи, постигал основы трудового воспитания в семье. «Летом я с прочими детьми смотрел за овцами и телятами, так как сагайские татары пасение мелких животных поручают преимущественно детям»⁴.

Семья, представители рода Катановых, золотопромышленники Аскизской степной думы, соединенные из разнородных племен, учителя Красноярской гимназии, Петербургского университета, видные ученые и общественные деятели оказали огромное влияние на становление Н. Ф. Катанова как личности, пробудили интерес к изучению культурно-исторического наследия тюркской семьи, в том числе и минусинских татар.

В трудах Н. Ф. Катанова аккумулируется ценнейший материал об обычаях хакасской семьи. Здесь можно встретить сведения о свадебных ритуалах, связанных с похищением невесты у качинцев, койбалов, сагайцев; времени выхода замуж / женитьбе; родовой экзогамии; прелюбодеей; обычае левират; определении имени младенцу; табу для женщин, собранных во время экспедиций.

Совершая свои путешествия по Сибири, Н. Ф. Катанов изучал быт своего народа. Им был отмечен средний возраст брачующихся – для женщин предельный возраст наступал в 15 лет, для мужчин – в 16–30 лет (определялся состоянием обеспеченности семьи жениха)⁵.

В отчете 1897 г. он записывает свадебные обряды у койбальского племени. В нем отмечается распространенный свадебный обычай сватовства хакасского этноса – по обоюдному согласию невесты и жениха. «Человек, думающий жениться, говорит сам или заказывает через другого сказать: «Ты пойдешь в хорошее место!» Если (девица) пойдет, то улавливаются о сроках»⁶. Н. Ф. Катанов описывает, как происходит сватовство, и отмечает, что родители невесты просят в приданое деньги, при этом учитывая социальный статус жениха (у богатых брали до 100 рублей, у бедных до 20–25 рублей)⁷.

Если невеста после карачения (мнимое похищение по согласию невесты, в тайне от родителей) или умыкания (похищения без согласия невесты и родителей) соглашается на замужество, то через неделю устраивается свадьба. Интересен обряд, по которому определялась «новая» невеста. «Расплетают волосы невесты и делают из нее 2 косы. Берут кость с мозгом и, перед тем как заплетать косы, мажут ею волосы; как только женщины кончат заплетание, то кость с мозгом через дверь выбрасывают на улицу. На улице 20–30 человек отнимают друг у друга эту кость с мозгом. Человек, отнявший кость, бросает ее снова. Человек, который умеет бегать, поймавши кость, уносит ее подальше. Эту женщину называют невестой»⁸. Приводится пример благословения молодым: «Года ваши да будут долги! Дома ваши да наполняются детьми! Дворы ваши да наполняются скотом»⁹. Упоминается об обычае при рождении ребенка дарить скот: «у нашего бельтырского народа человеку, недавно женившемуся, дарят тогда, когда родится ребенок: корову, овцу, козу, лошадь или что-нибудь; (все) это дарит своей дочери или зятю тесть»¹⁰. Об обрядах, связанных с рождением ребенка: «на том месте, где родился ребенок, выкапывают ямку и кашу едят (из посуды, поставленной) в нее. Мешочек ребенка закапывают в выкопанную ту ямку»¹¹. Катанов отмечает, что обычай,

связанный с рождением ребенка, одинаков у койбал и сагайцев. Смерть супруга связана со следующими ритуалам со стороны супруги: «жена ... расплетает свои косы до половины, а на седьмой день снова заплетает свои косы. До того дня вдова ходит с палкою, на верхнем конце которой привязан платок. На седьмой день она бросает палку»¹².

Записи в сентябре 1889 г. в селе Аскиз Минусинского округа Енисейской губернии содержат благословения на свадьбу отцом сына: «То, что ты держишь под солнцем, пусть опоясывается серебром! То, что держишь под луною, пусть опоясывается золотом. Переднюю часть твоей полы пусть топчут дети! Заднюю часть твоей полы пусть топчет скот (т.е. да будет у тебя много детей и скота)! Живите и берите там, где нельзя взять ничего! Живите и ешьте там, где нельзя съесть ничего! Я даю тебе белую корову, чтобы делать айран! Я дарю тебе гнедого коня, чтобы ездить на свадьбы! Я даю тебе пегаго коня, чтобы ездить по улусам!»¹³

Сведения об обычаях семьи хакасского этноса также можно найти в трудах: Сведения о тюрках Енисейской губернии (1774–1886); рукописные труды о койбалах, сагайцах, собранных в 1896, 1899, 1909 гг.; Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии, с текстом и переводом (1897); Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов; Список статей о Сибири и Азиатском Востоке. Сибирский сборник IV; Приложение к «Восточному обозрению», где вышла серия статей за 1885–1886, 1887 гг. (1887); Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии; О погребальных обрядах тюркских племен с древнейших времен до наших дней и др.

Благодаря записанной Н. Ф. Катановым информации, мы имеем возможность охарактеризовать хакасскую семью конца XIX – начала XX в. В данный период семья коренного этноса является семьей традиционного типа с патриархально-авторитарным характером, где существует четкое ролевое распределение в семье между супругами и детьми при доминирующей роли мужчины (отца, мужа, старшего брата); эко-

номическая зависимость жены и детей от мужа – главы семьи; неприемлемость в общественном сознании развода и нетипичных форм семейно-брачных отношений и т. д.

Патриархально-авторитарный характер семьи проявляется в ритуалах, предшествующих свадьбе, свадебных традициях, обычаях, связан-

ных с прекращением брака, рождением ребенка, смертью одного из супругов, похищением невесты, возрастом вступления в брак (для женщин и мужчин), решением о прелюбодеянии, определенных нормах поведения для женщин, основанных на запретах, в частности, обычай избегания невесты и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доможаков, Н. Г. Николай Федорович Катанов (Жизнь и деятельность). – Абакан, 1957. – С. 13.
2. Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). – Т. VI. – СПб, 1897–1904. – С. 132–133.
3. Бутанаев, В. Я. Роль и значение Н. Ф. Катанова в изучении этнографии тюрков Саяно-Алтая // Материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Н. Ф. Катанова на родину»: сборник статей / под. ред. В. Н. Тугужековой, Н. А. Данькиной – М., 2003. – С. 33.
4. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов: документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 7–8.
5. Катанов, Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. – СПб, 1907. – С. 389.
6. Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань, Типо-Литография Императорского Казанского университета, 1897. – С. 78.
7. Там же. – С. 78.
8. Там же. – С. 78.
9. Там же. – С. 46.
10. Там же. – С. 57.
11. Там же. – С. 64.
12. Там же. – С. 71.
13. Катанов, Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, тексты собраны и переведены Н. Ф. Катановым. – Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб, 1907. – С. 236–237.

А. А. ЧЕРТЫКОВА

И. М. ШТЫГАШЕВ И Н. Ф. КАТАНОВ – СОВРЕМЕННОКИ-ПРОСВЕТИТЕЛИ

В эпоху глобализации, которая воспринимается многими как угроза для национальных традиций, обычаев, верований и ценностей, на первый план выдвигается идея сохранения культурного многообразия. Сегодня наблюдается процесс обостренного понимания каждого народа своей истории и культуры как абсолютной ценности, своего образа жизни как неотъемлемого права. В силу этого встает вопрос о рассмотрении этнокультурного наследия как ценности в современном обществе, позволяющей сохранять, интерпретировать и демонстрировать не только разнообразные памятники материальной, но и многие явления духовной культуры народов. В рамках этого направления осуществлена данная работа.

В статье типологически анализируются отдельные факты, этапы жизненного и общественного пути двух современников, последователей миссионерской педагогики в вопросах просвещения инородцев. Интересны наблюдения в общности формирования мировоззренческих взглядов личностей, в единстве школы духовных лидеров, рассмотрение миссионерства как общественной педагогической деятельности, сближающих И. М. Штыгашева (1861–1915) и Н. Ф. Катанова (1862–1922). В то же время очевидны индивидуальность, самобытность, прозорливость в вопросах образования каждого мыслителя-просветителя в условиях второй половины XIX – начала XX в.

Рассматриваемый период интересен тем, что из малочисленных коренных народов выдвигаются первые интеллигенты, отличившиеся не только творческой одаренностью, но и общественной деятельностью, мировоззрение их сформировывалось на стыке языческого и христианского религиозных начал.

И. М. Штыгашев (1861–1915) и Н. Ф. Катанов (1862–1922) – люди одной эпохи, одного времени, одного поколения. Это представители первой национальной интеллигенции, прошедшие нелёгкий жизненный путь к просвещению, посвятившие себя служению коренному народу подвижнической научно-педагогической деятельностью, принципиально стоявшие вне политики, забытые и возвращённые – один в 90-е гг., другой в 60-е гг. XX в. Исследования жизненного пути двух инородцев (дореволюционное наименование нерусских народностей) не обнаруживают пока фактов личного знакомства (кроме того, что И. М. Штыгашев был близко знаком со старшим братом Н. Ф. Катанова – священником Николаем Катановым), но сколько удивительно сходных аналогий, этапов жизненного пути, мировоззренческих взглядов, пересечений с одними и теми же духовными наставниками имели они! Один за другим, познав сиротство, испытывали нужду и несправедливости. Потеряв отца-кормильца, позже и мать, Николай Катанов остаётся на попечении дяди-учителя, письмоводителя Аскизской степной думы. «...в 1874–1876 гг. днём учился, а вечером помогал дяде, где и познакомился достаточно с русской каллиграфией»¹, – вспоминал он. Ивана Штыгашева привлёк к изучению азбуки, русского говора его старший брат Сампсон, получивший с братом Иосифом начальное образование еще при жизни отца в ближайшей миссионерской школе. Тяга к знаниям заставила подростков самостоятельно отправиться в далёкое путешествие (поистине хакасские Ломоносовы!). В августе 1876 г. 14-летний Николай Катанов отплыл на лодке по Абакану и Енисею в Красноярск учиться в классическую гимназию, а Иван Штыгашев, отправившись в миссионерское училище села Кузедеево за триста вёрст от родного Матура, напишет: «Я поступил в школу в 1877 г., 15 августа, 16 лет от роду...»²

Годы учёбы инородцев, независимо от различных уровней, статусов, направленностей образовательных учреждений, сходны особым усердием, скрупулёзностью и значительными постижениями знаний, приобретением творческих и исследовательских навыков. Познакомившись с учителем гимназии по истории и географии А. К. Завадским-Краснопольским, молодой гимназист Катанов приобщился к записям сагайских текстов и описанием обычаев своего народа. Затем, изучив труды учёных В. В. Радлова, М. А. Кастрена, Н. А. Кострова, Катанов дополнил свои записи и опубликовал их впоследствии в разных изданиях. Будучи гимназистом, он проявил глубокий интерес к языку, обычаям и традициям, верованиям своего племени. Его учитель А. К. Завадский-Краснопольский убедил способного юношу заниматься изучением сагайских текстов и этнографией. Катанов проявил интерес к фольклору, аналитической работе в языкознании. В период учёбы в красноярской гимназии, с 1878 по 1884 г., он собрал и записал пословицы, поговорки, загадки, мудрые мысли своих сородичей. В 1883 г. была опубликована его первая научная работа «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени» в книге Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». Сильное влияние на него произвело знакомство с алтайским миссионером и видным тюркологом В. И. Вербицким. Его миссионерская деятельность была основана на научной школе Н. И. Ильминского. В XIX столетии Российская империя имела в своём составе более 100 народностей, представляя собой многонациональное, поликонфессиональное общество. Особенности этнокультурной неустроенности России формировались на протяжении нескольких столетий. Постепенное присоединение азиатских территорий обусловило пёструю картину этнических культур, языков, исторических судеб народов, имеющие различные вероисповедания: православие, мусульманство, буддизм, шаманизм и др. У части народов отсутствовала собственная письменность, в том числе у «минусинских татар» и других кочевых и полукочевых народностей Сибири. Сибирские народности, не имея развитой промышленности и экономики, ведя преимущественно кочевой образ жизни, в деле

образования и просвещения были вынуждены пользоваться письменностью, предложенной учителями духовных школ ведомства Св. Синода. В целом, отношение к инородцам со стороны официальных властей в большей степени диктовалась экономическими интересами, и в меньшей – интересами развития культуры, образования. Однако передовые слои научной, общественной интеллигенции осознавали необходимость введения всеобщего начального образования на всей территории страны и подготовки учителей для начальных, средних школ. В целях решения проблемы просвещения инородцев в национальных регионах была создана система миссионерских школ³.

Так, успешно проучившись 1 год в подобной начальной школе с. Кузедеева, И. Штыгашев был направлен для продолжения учёбы в центральное миссионерское училище в Улалу (ныне Горно-Алтайск). Начальник училища архимандрит Макарий горячо приветствовал скорое освоение учеником богословских знаний и русского языка. И уже через год он доверил ему преподавание азбуки в училище ученикам первого курса. В 1882 г. воспитанник миссионеров вновь сопровождал о. Владимира и Макария в инспекционной поездке по Алтаю и Шории. Вербицкий собирался сделать юношу своим миссионерским помощником. По окончании поездки способного ученика направили учиться в Казанскую учительскую семинарию. Директор семинарии Н. И. Ильминский, из переписки с Макарием, знал об одарённом юноше и просил его направить учиться в семинарию. Три с половиной года И. Штыгашев упорно и старательно овладевал здесь знаниями. Казанская учительская семинария считалась одной из лучших в России. Наряду с богословскими дисциплинами, семинаристы изучали славянский язык, древнюю и новую русскую литературу, русский язык, русскую и всеобщую историю, логику, педагогику, физику, арифметику, черчение, основы космографии. Казанский период стал особенно плодотворным в переводческой и творческой деятельности И. Штыгашева. Уже в первый год обучения Ильминский поручил ему начать перевод из священной истории Ветхого Завета с алтайского языка на сагайское наречие (хакасский язык), в сле-

дующем году – перевод из священной истории с алтайского языка на шорский. Все переводы, как и переведённый им на шорский язык текст «Указания пути в царство небесное», были опубликованы в Казани. Он помогал Ильминскому во втором, третьем выпусках Житий святых на алтайском языке, самостоятельно подготовил четвёртый. Кроме того, завершил работу по составлению шорского букваря, к созданию которого приступил ещё до поступления в семинарию. В 1884 г. как лучший семинарист был поощрён поездкой по святым местам России. О посещении Киевско-Печёрской лавры, Оптиной пустыни, храмов Москвы, Троицко-Сергиевской лавры, монастырей и скитов Иван Штыгашев рассказал в своей повести «Записки о путешествии алтайца в Киев, Москву и её окрестности»⁴. В «Записках...» художественно-выразительным, образным языком юноша повествует об увлекательном путешествии с аналитической оценкой увиденного. Иеромонах Иолий, заметив исключительные способности в лёгкости пера семинариста, предложил активно продолжать заниматься творчеством. И вскоре была создана следующая работа – «Поступление в училище...» в жанре очерковых записок⁵. Современные литературоведы Алтая, Шории и Хакасии, изучая эти и другие произведения автора, позволили причислить И. Штыгашева к числу первых самобытных писателей и считать его основоположником письменной национальной литературы дореволюционной поры.

В апреле 1885 г. И. Штыгашев оканчивает семинарию, получает свидетельство «учителя начальной школы» и выезжает в Бийск к Макарию, назначенному в 1884 г. епископом Алтайской духовной миссии. Тот, в свою очередь, направляет Штыгашева учительствовать в Матур. Епископ Макарий – автор первого алтайского букваря, опубликованного в Петербурге (1866). Иван (Иоанн) Штыгашев перевёл его на шорский диалект, он был издан в Казани в 1885 г. Позже «отец Николай Катанов, священник Усть-Есинской церкви, получив букварь от И. Штыгашева, перевёл его на сагайский диалект. С помощью букваря обучение грамоте детей инородцев пошло более успешно»⁶.

Практически в тот же период, а точнее в 1884 г., Николай Катанов окончил Красноярскую гимназию с золотой медалью. Это был единственный случай за всю историю существования гимназии, когда ученик из инородцев получил высшую награду.

Мы видим, что значительная веха жизненного пути, открывающая молодым людям дальнейшие перспективы, успешно преодолена. Общность двух современников-земляков в полилингвизме: они в равной степени хорошо владели и писали на русском и тюркских языках. Общность – в огромном желании распространения просвещения, повышения социальной культуры соплеменников, любовь к родной земле, коренному народу. Один тяготел к практической педагогике и творческой работе, другой – к научно-педагогической деятельности, продолжив обучение в Петербургском университете на факультете восточных языков (1884–1888).

Уже в гимназии Николай Катанов бесповоротно выбрал свой дальнейший жизненный путь: востоковедение. Ещё задолго до окончания гимназического курса он готовился к поступлению в высшее учебное заведение, откладывая из своего скудного заработка деньги на далёкую дорогу «в Россию», как тогда называли европейскую часть страны. Вначале Катанов намеревался совершенствоваться в изучении восточных языков в Казани. Здесь, очевидно, сказалось влияние известного тюрколога и миссионера директора Казанской учительской семинарии Н. И. Ильминского, с которым юноша переписывался с 1881 г. Однако в Казани такого факультета не оказалось, он был только в Петербурге.

И Катанов успешно поступил в университет, выхлопотав стипендию в 100 рублей. Как поступивший с золотой медалью был освобождён от оплаты лекций, чему он несказанно обрадовался, имея наискромнейшие доходы. Студенты восточного факультета по разряду арабско-персидско-турско-татарской словесности должны были получить глубокие знания в области тюркских языков, изучить литературу тюркских народов, каллиграфию. От них требовалось основательное знакомство с арабским и персидским языками, умение переводить без затруднения исторические арабские тексты и читать Коран, граммати-

ческие и юридические, а также поэтические произведения арабских авторов, труды персидских историков и классическую поэзию. Учебным планом предусматривалось также изучение русской словесности, русской истории, истории Востока и мусульманского права. Но Катанову и этого было мало. Казалось, не было границ его жажде знаний, стремление отдать себя науке. Одновременно с занятиями в университете он изучает фонетику тюркских языков на дому у В. В. Радлова и получает дополнительные углублённые сведения. Будучи знаком с идеями миссионеров, сблизился с активными «ильминовцами».

Формирование личностей И. Штыгашева как миссионера и Н. Катанова как учёного происходило при непосредственном участии в их судьбах разных людей, но знакомство и влияние выдающихся миссионеров и видных тюркологов типа В. И. Вербицкого, научной школы Н. И. Ильминского, основателя авторской системы обучения инородцев, очевидны. Известны факты того, что «с 1881 по 1888 год как сам Н. Катанов, так и его брат, священник-миссионер, состояли в переписке с Николаем Ивановичем Ильминским. Под руководством последнего, по просьбе Преосвященного Исаакия... они перевели на сагайско-татарское наречие начальные молитвы, символ Веры и десять заповедей»⁷. Миссионерство как общественно-педагогическое движение овладевало молодыми людьми, представителями коренных народностей. Катанов осмысливал вопросы инородческого образования и принимал их всё ближе. Впоследствии, являясь преподавателем Казанского университета и одновременно Казанской духовной академии, Катанов непосредственно вращался в инородческой среде. Обладая большим запасом необходимых знаний, он не мог оставаться в стороне от их проблем. В условиях пренебрежительного отношения к нерусским народам Сибири со стороны властей, чему он был свидетелем во время своих научных экспедиций, Николай Фёдорович всеми силами старался помочь соплеменникам своим бескорыстным трудом. В сложных социально-экономических обстоятельствах того времени миссионерская педагогика оставляла надежду на просвещение инородцев, на избавление трудящегося народа

от нищеты и безграмотности, от других социальных бедствий.

Похоже, к такому же мнению на уровне своего самобытного мышления приходил и И. Штыгашев, поняв и приняв идеи «Ильминовского» миссионерства и выбрав свой путь – всеми силами совершенствовать национальную начальную школу у себя на родине. Причём обучение строил с опорой на родной язык с постепенным переходом на русский язык. Маленькая школа была далеко не приспособлена к занятиям, особенно в холодное время года. Поэтому остро вставал вопрос строительства новой школы. Летом 1885 г. была открыта новая школа, число учеников возросло до 50 и более. В 1887 г. Матур посетил отец Макарий, ставший епископом Томским и Алтайским. В сопровождении епископа Енисейского и Красноярского Тихона он встретился с прихожанами церкви Таштыпа, Аскиза и Усть-Еси. В поездке по Хакасии Макария сопровождал И. Штыгашев и священник Усть-Есинской церкви Николай Катанов-старший. В 1888 г. в Матуре была построена небольшая церковь. В следующем году Макарий возвёл Штыгашева в сан дьякона, затем священника и командировал в Богоявленскую церковь Кондомского прихода. Здесь плодотворная миссионерская деятельность отца Иоанна продолжалась 5 лет. Он рассказал о ней в «Записках Кондомского миссионерского священника И. Штыгашева за 1894 год» (Томские епархиальные ведомости. 1985, № 10) и в «Записках миссионера Кондомского отделения Алтайской миссии священника Иоанна Штыгашева за 1895 год» (Там же. 1896, № 9). В первой публикации он, в частности, сообщил, что, находясь в улусе Торгачаковском, «решил задержаться несколько дней для сбора сведений, требуемых Западно-Сибирским отделом Императорского Русского Географического Общества»⁸. В каталоге Минусинского Мартыановского музея под номером 12475 значится: И. Штыгашев и его труд «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и человека». Вероятно, это и есть материалы для Западно-Сибирского отдела ИРГО. Текст работы в библиотеке не обнаружен, однако содержание публикации историку А. Н. Гладышевскому удалось извлечь из статьи М. Чельцова «Религиозные верования алтайских инородцев

Кузнецкого уезда Томской губернии» (Православный вестник. 1907, № 10). Позже факт публикации большой статьи И. Штыгашева «Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека» подтвердился в Записках З-С. отдела ИРГО. Кн. XVII, вып. 1, Омск, 1884, с. 12. К сожалению, в книге «Из духовного наследия алтайских миссионеров» (1998), где приводится список печатных трудов Иоанна, данная работа не значится.

Минусинский музей, связь с его директором Н. М. Мартыановым – это ещё одна из точек пересечения областей интересов И. Штыгашева и Н. Катанова как собирателей местного фольклора, других этнографических материалов. Не обнаружено достоверных фактов личного знакомства директора музея и миссионера, это можно предполагать по исследуемым материалам. Но то, что Н. М. Мартыанов был дружен с Н. Катановым, затем и со всей его семьёй, подтверждают эпистолярные источники. Ещё второкурсником Петербургского университета Катанов имел переписку с ним по вопросам сбора фольклорного и исторического материалов инородцев. В одном из писем он пишет: «В перспективе лежит учёная карьера... Я изучаю наши былины и составляю библиографию сведений о наших инородцах. Оказывается, что писано об них очень много, но все эти сведения разбросаны по книгам, газетам и журналам. Теперь я занят приведением в известность этих сведений и уже довёл почти до половины»⁹. Не исключено, что среди приводимых в систему обзореваемых публикаций были и труды Штыгашева, т. к. это был активный период его творческих и исследовательских изданий. Кроме того, интересен факт сотрудничества с Императорским Русским Географическим Обществом (ИРГО) в этот период наших исследователей-земляков.

Как видим, диапазон интересов миссионера-просветителя и будущего учёного сходен: педагогика, язык, фольклор, история и этнография тюркских народностей. Оба были вне политики. К примеру, когда перед Катановым, имевшего более прогрессивные убеждения, ещё в период учёбы со всей остротой встал вопрос: политика или наука – он выбрал науку. Он выбрал то, где, по его убеждению, мог бы принести сво-

ему народу максимум пользы. Подобные мысли вынашивал и Штыгашев. Здесь корни той исто-вости двух инородцев, какую проявляли они в любом деле, за которую брались. Именно по максимуму требовали они от себя в обществен-ной, научной и организационной деятельности до самых последних дней. В этом их сходство.

В 1888 г. Катанов с отличием окончил Петер-бургский университет со степенью кандидата. Вскоре его отправляют в научное путешествие в Сибирь и Восточный Туркестан. В своём пер-вом отчёте АН и ИРГО он сообщает интерес-ные сведения: «...записал несколько пословиц на койбалском наречии и предание о каменной старухе (Куртуяк-Тас), находящийся в 8 верстах от с. Усть-Есь, по дороге в Аскыс. Старик-сагаец сообщил, что эта старуха жила со своим мужем на правом берегу р. Абакан; осердившись на него, переплыла через Абакан и окаменела около Усть-Еси». Письма в ИРГО шли один за другим и в каждой – точный отчёт о проделанном. «На р. Чагол за две недели записал родовые назва-ния, обычаи сойотов (свадебные, погребальные), узнал кое-что о религии буддистов, шаманских верованиях...», – сообщает он в апреле 1889 года¹⁰. А 16 сентября 1889 г. извещает об оконча-нии путешествия по Урянхайской (Гувинской) земле: «Собрана мною масса песен, загадок, сказок, поверий и шаманских молитв». В архиве Санкт-Петербургского института этнологии и антропологии РАН хранится рукописный днев-ник путешествия «Очерки Урянхайской земли», «исполненный в 1889 году по поручению Импе-раторской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Н. Ф. Катановым». Это 211 страниц текста, написанного убористой каллиграфией, и множество искусно выполненных рисунков. Здесь и национальные шапки, и всевозможная хозяйственная утварь, и женские украшения, и орнаменты вышивок. А в фондах институтского музея – множество уникальных экспонатов, сви-детельствующих о высочайшей культуре урян-хайцев и доставленных сюда нашим путеше-ственником из той первой экспедиции¹¹.

И. М. Штыгашеву также довелось совершить путешествие в Урянхайский край, но позже, с

миссионерской целью. Повествование Иоанна Штыгашева «Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 году» было помещено как приложение к отчёту Алтайской духовной миссии за 1914 г. Это целое исследование, охва-тившее широкий круг социального, культурно-просветительского, экономического анализа и этнографического материала. Это был его последний, значительный по объёму труд. Дли-тельная суровая поездка в полтора месяца подо-рвала здоровье О. Иоанна, и 13 ноября 1915 г. его не стало. Он похоронен около церкви в родном Матуре (куда он вернулся на службу в 1905 г.).

Каково же отношение к миссионерству в пору мировоззренческой зрелости у Н. Ф. Ката-нова? По мнению исследователя К. И. Султанба-евой¹², где-то в 1905–1912 гг. Катанов постепенно отходит от миссионерства в узкой (практическом отношении) его трактовке, углубляясь в научно-исследовательскую деятельность востоковедения. Он органично объединял в единую систему преподавание востоковедческих дисциплин сту-дентам университета с научными экспедициями, редакторской и общественной работой, он совер-шенствовал собственный научно-педагогический стиль. Положительное влияние миссионеров на просвещение инородцев им только одобрялось, а в конкретной помощи начинающим учителям, исследователям видел свою «полезность».

Руководя научным Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском универси-тете с 1898 по 1914 г., Н. Ф. Катанов системати-зировал сведения о восточных языках, народно-стях, их культуре, истории, религии, традициях. Проводя огромную организационную и редак-торскую работу, он успевал продвигать малоиз-вестных, начинающих представителей «местного края», помогая им в печатании статей на страни-цах «Известий» Общества или давая рекомен-дации авторитетным лицам. С 1907 г. Н. Ф. Ка-танов стал членом Временного комитета по делам печати г. Казани, выполняя неблагодар-ную, напряжённую работу в качестве цензора-переводчика как единственный универсальный специалист турецко-татарских наречий и вос-точных языков. Отсюда его осведомленность во всех делах народного просвещения, развития культуры, татарской литературы и печати. Одно-

временно выполняя множество общественных поручений, связанных с профессиональной деятельностью, Николай Фёдорович был в курсе практически всех событий: общественных, политических, просвещенческих и т. д.

Таким образом, сказанное выше позволяет резюмировать следующее.

Изучение биографических сведений позволяет выявить особенности сходных этапов и аналогий жизни, общих наставников, имевших большое значение в формировании мировоззренческих духовно-культурных взглядов и творческих интересов молодых людей. Всё это позволяет рассматривать их как современников своей эпохи и первых интеллигентов дореволюционной поры.

И. М. Штыгашев на протяжении всей своей педагогической деятельности и Н. Ф. Катанов на начальном её этапе были последователями миссионерской педагогики в вопросе просвещения инородцев. Миссионерская педагогика, официально поддерживаемая властями, представляла достаточно стройную систему и основывалась на передовых идейных положениях, несмотря на христианскую нацеленность.

В дооктябрьский период публиковались не только научные труды Н. Ильминского, Н. Ядринцева, Г. Потанина, В. Вербицкого и др., но и первые опыты молодых исследователей-инородцев, развивается переводческая деятельность, имевшая место в трудах И. М. Штыгашева и Н. Ф. Катанова (переводы азбуки, религиозных текстов).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов: документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 8.
2. Штыгашев, И. М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева / вступ. ст. Г. П. Самаева. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 118.
3. Султанбаева, К. И. Педагогическая система Николая Фёдоровича Катанова. – Казань, 2006. – С. 11.
4. Штыгашев, И. М. Путешествие алтайца в Киев, Москву и её окрестности // Памятное завещание: алтайская дореволюционная проза; под ред. Б. Я. Бедюрова. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 179–215.
5. Штыгашев, И. М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 118.
6. Чертыкова, А. А. Хакасско-алтайские литературные связи в системе взаимодействия литератур народов РФ (история взаимосвязей). – Абакан, 2011. – С. 40.
7. Султанбаева, К. И. – Указ. соч. – С. 18.
8. Штыгашев, И. М. Поездка Матурского священника в Урянхайский край в 1913 году / вступ. ст. А. Н. Гладышевского. – Абакан, 2006. – С. 16.
9. Кокова, И. Ф. – Указ. соч. – С. 22.
10. Дело Императорского РГО «О поездке члена-сотрудника Н. Ф. Катанова в Монголию для этнографических исследований», начато 11 сентября 1888 года.
11. Кокова, И. Ф. – Указ. соч. – С. 25.
12. Султанбаева, К. И. – Указ. соч. – С. 21.

Г. М. ШАПОШНИКОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХАКАСОВ В ТРУДАХ Н. Ф. КАТАНОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 1893 г. в Санкт-Петербурге в IV выпуске журнала «Живая старина» вышла статья члена-сотрудника Императорского Русского Географического Общества Н. Ф. Катанова. В ней Н. Ф. Катанов писал: «По предложению нынешнего письмоводителя Аскизской Степной Думы К. Г. Терского, я воспользовался 4 октября 1889 г. интересными статистическими данными Думы

за 1888 г. Из этих данных видно, между прочим: 1) род преобладающих занятий каждого из улусов; 2) название речки, при которой находится тот или другой улус; 3) число дворов в каждом улусе; 4) число жителей в улусе (мужчин, женщин); 5) расстояние от села Аскиз до г. Минусинска; 6) количество скота, имеющегося в улусе; 7) количество десятин, засеваемых каждым улусом»¹.

Часть населенных пунктов, входивших в Аскизскую степную думу, сейчас входит в состав Бейского, Усть-Абаканского и Таштыпского районов. Мы, проанализировав данные, приведенные в статье Н. Ф. Катанова, свели их в таблицу № 1.

Таблица № 1

Местонахождение населенных пунктов и количество в них дворов и жителей на 1888 год

№ п/п	Наименование населенного пункта (по Н. Ф. Катанову)	На берегу какой речки (реки)	Количество дворов	Число проживавших в 1888 г.	Количество голов			Засаженные земли (десятина)	Занятия
					коров	лошадей	овец		
1.	Село Аскиз	Аскиз	40	194	76	126	194	8	Скотоводство (преобладающее занятие)
2.	Заимка Барахтаева	Абакан	19	126	61	267	412	34	скотоводство хлебопашество
3.	Деревня Уты (Утинская)	Ут	40	206	173	255	911	103,5	-
4.	Деревня Большесейская	Большая Сея	11	360	183	184	123	125	Хлебопашество звероловство
5.	Деревня Малосейская	Малая Сея	6	145	60	66	52	30	хлебопашество и звероловство
6.	Деревня Сирская	Сиры	24	605	438	376	486	136	хлебопашество звероловство
7.	Улус Усть-Кендырлинский	Кендырла	27	178	46	110	978	52	хлебопашество
8.	Улус Усть-Табатский	Табат	16	144	33	40	653	15	хлебопашество
9.	Улус Усть-Сосский	Абакан	74	593	375	285	1907	224	хлебопашество
10.	Улус Больше-Арбатский	Большой Арбат	32	332	124	115	179	47	хлебопашество
11.	Улус Большелугский	Абакан	21	166	49	89	6	35	хлебопашество
12.	Улус Маторский	Матор (Матур)	6	132	54	64	-	15	звероловство
13.	Улус Бутрахтинский	Бутрахты	41	268	74	105	254	78	хлебопашество звероловство
14.	Улус Чуланский	Чулан (Чылан)	16	391	86	95	347	83	хлебопашество звероловство
15.	Улус Усть-Таштыпский	Таштып	6	120	40	39	126	25	хлебопашество звероловство
16.	Улус Толорсыков	Таштып	13	71	63	60	210	47	хлебопашество звероловство
17.	Улус Точаков	Таштып	15	113	104	81	261	53	хлебопашество звероловство
18.	Улус Летник	Енисей	8	61	53	63	33	4	скотоводство
19.	Улус Чугунев	Енисей	3	23	15	64	54	7	скотоводство
20.	Заимка Сидорова	Енисей	2	27	10	10	50	3	скотоводство
21.	Улус Сверхборский	Енисей	6	34	32	12	32	11	скотоводство
22.	Улус Подсиненский	Енисей	6	57	21	28	52	16	скотоводство
23.	Село Усть-Есь	Есь	35	296	270	250	815	140	скотоводство хлебопашество
24.	Деревня Усть-Щульская	Тея	48	356	350	200	1000	120	хлебопашество скотоводство

25.	Улус Сакеев	Тея	18	35	150	130	350	100	хлебопашество звероловство
26.	Улус Илеморов	Тея	20	174	300	280	400	82	хлебопашество звероловство
27.	Улус Кичеинский	Тея	25	200	160	140	500	145	хлебопашество звероловство
28.	Улус Кызыл-Кая	Большая Есь	22	110	85	60	100	25	хлебопашество звероловство
29.	Улус Кызыласовский	Малая Есь	28	302	250	185	690	25	хлебопашество звероловство
30.	Улус Петрухин	Большая Есь	18	121	140	120	230	40	хлебопашество звероловство
31.	Улус Каркинский	Большая Есь	21	144	355	290	860	45	хлебопашество звероловство
32.	Улус Софронов	Большая Есь	18	175	200	170	570	35	хлебопашество звероловство
33.	Улус Бырганов	Абакан	14	62	92	52	395	9	хлебопашество звероловство
34.	Улус Карабилеков	Абакан	8	37	70	176	574	7	хлебопашество звероловство
35.	Улус Прокопьев	Аскиз	16	118	250	231	1121	1	скотоводство
36.	Улус Иресов	Аскиз	17	84	334	352	1542	11	скотоводство
37.	Улус Байский	Аскиз	30	297	232	203	349	7	скотоводство
38.	Улус Ондоровский	Аскиз	22	134	288	332	1132	32	скотоводство
39.	Улус Усть-Базинский	Бея	15	76	265	149	775	-	скотоводство
40.	Улус Межеков	Камышта	5	54	225	259	2102	-	скотоводство
41.	Улус Синявинский	Ниня	14	155	507	485	1864	-	скотоводство
42.	Улус Уленьский (Олень)	Улень	10	84	203	300	341	-	скотоводство
43.	Улус Кендишлинский	Кендишла	56	464	106	134	585	82	хлебопашество

Данные таблицы демонстрируют, что количество содержащегося скота значительно отличаются по населённым пунктам. Далее Н. Ф. Катанов писал: «Кроме этих крупных улусов (аал), инородцы, подведомственные Аскизской Степной Думе, живут разбросано небольшими *стойбищами*... по рекам и речкам... Число дворов в этих *стойбищах* не известно. Всего будет примерно $17 \times 5 = 85$ дворов. Инородцы Аскизской Думы, кроме вышеупомянутых *селений, деревень, улусов и стойбищ*, проживают частью по своим делам, частью в работниках у русских, также по всему Минусинскому округу, в чем я убедился, проехав 10–13 сентября 1889 г. *по деревням и селам Минусинского округа*. «... Всего в Минусинске и по волостям Минусинского округа живет инородцев Аскизской Степной Думы соединенных разнородных племен: мужчин 1318 и женщин 819. *Всех инородцев, подведомственных Аскизской Степной Думе, считалось включительно по 1 января 1889 года: мужского пола 9534 и женского 8117. Лошадей*

у них имелось 16853, *коров 16952 и овец 70360. Хлеба* было засеяно: озимого 346 $\frac{1}{2}$ и ярового 2841 десятина. *Всех дворов* имелось 862. *Земледелием* занимаются преимущественно инородцы, *живущие* в деревнях и близ деревень русских.

Скотоводством занимаются преимущественно инородцы, обитающие по степям. *Звероловством* занимаются инородцы, живущие по верховьям речек и рек, близ границы Томской губернии и Китайской Империи. В работниках *по русским деревням, селам и прииска*м нанимаются инородцы, не имеющие никакого хозяйства»². Анализируя выше приведенный материал, можно отметить, что в конце XIX в. на одного инородца Аскизской степной думы приходилось 0,95 голов лошадей, 0,96 голов коров, 3,98 голов овец. В связи с тем, что сейчас трудно провести сравнение количества скота на одного хакаса в границах Аскизской степной думы с современностью, мы взяли один из населенных пунктов, упоминаемых Н. Ф. Катановым, – это улус Усть-Кендышлинский. В этом улусе в 1888 г. на одного

жителя приходилось 0,3 голов коров, 0,6 голов лошадей, 5,5 голов овец.

В настоящее время в этом улусе 93 подворья, где проживают 345 хакасов. Они содержат крупного рогатого скота 337 голов, или 0,9 голов на одного жителя; лошадей 22 головы, или 0,06 головы на одного жителя села, овец и коз 490 голов, или 1,4 головы на одного жителя села. Ими обрабатываются около 20 гектаров пашни. Это в основном земли, используемые для посадки картофеля. Кроме того, жители села имеют 19 легковых автомобилей и 6 тракторов, в основном марки «Беларусь».

Почти полтора века назад на один двор в этом улусе приходилось 4 головы лошадей, сейчас – 0,2 головы, тогда приходилось на один двор 1,7 голов коров (крупного рогатого скота), сейчас – 3,6 голов, тогда на один двор приходилось 36,2 голов овец, сейчас приходится 4,9 голов овец на каждый двор. Лошадей стали содержать меньше, чем в XIX в. Это и понятно. Раньше лошадь была тяговой силой и гужевым транспортом.

Из данных, приведенных Н. Ф. Катановым, видно, что в Хакасии в конце XIX в. интенсивно занимались рыболовством. В 1888 г. инородцами Аскизской степной думы было поймано 1266 пудов (около 20 тонн) различной рыбы, в том числе 720 пудов (около 11 тонн) хариуса, 250 пудов (около 4 тонн) ельца. 44 пуда (около 1 тонн) тайменя. Один килограмм тайменя стоил 37 копеек, один килограмм хариуса – 15 копеек, один килограмм

ельца – 6 копеек³. В марте 2012 г. один килограмм тайменя стоил 1000 рублей, хариуса – 800 рублей, ельца – 600 рублей. Надо констатировать, что в продаже в настоящее время этих пород рыбы практически нет. Надо иметь в виду, что за 3 рубля в конце XIX в. можно было купить овцу. Сейчас одна овца стоит около 5 тысяч рублей, одна голова крупного рогатого скота – 18 рублей в живом весе. Средняя цена за одну голову живого скота составляет около 20 тыс. рублей.

Если сравнивать с настоящим временем, то, по статистическим данным, в 2009 г. в Хакасии было выловлено 420,9 тонн рыбы, в т. ч. 247,3 тонны форели⁴. Речной и озерной рыбы было выловлено 172,8 тонны, в перерасчете на одного жителя Хакасии – 0,32 кг рыбы, форели – 0, кг на человека, тогда как в 1888 г. на одного жителя Аскизской степной думы вылавливалось 1,1 кг озерной и речной рыбы.

Таким образом, экономическое развитие села в конце XIX в. было значительно лучше, чем в настоящее время: количество выращиваемого скота до революции значительно превосходило современное состояние. Выше было и количество вылавливаемой рыбы.

Для улучшения ситуации необходимо организовать кооперативы по реализации продукции и переработке полученной в личных подворьях. Это даст дополнительный доход сельскому жителю для увеличения поголовья скота в личном подворье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии // Живая старина. – Вып. 4. – СПб., 1893. – С. 560.
2. Там же. – С. 565–566.
3. Там же. – С. 567.
4. Социально-экономическое положение Республики Хакасия. Январь–декабрь 2011 г. (доклад), Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. – Абакан, 2012. – С. 30.

РОЛЬ ЛОШАДИ В ЖИЗНИ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Роль лошади в жизни кочевых народов Саяно-Алтая трудно переоценить. Она не только имела важное хозяйственное значение, но также являлась символом престижа и благополучия, мерилем социального статуса человека. Не иметь коня, означало находиться в наибольшей степени бедности. В фольклоре пеший человек олицетворял бедного, плохого, старого человека. Большое значение конь имел и в системе подношений (подарков), которые в свою очередь являлись неотъемлемой частью в системе взаимоотношений должностных лиц, а также власти и народа. Коню отведено важное место в различных мифологических текстах. Он являлся атрибутом или образом многих божеств, с ним связаны всевозможные верования и обряды.

Наиболее архаичные представления о роли лошади в среде кочевников отражены в устном народном творчестве тюркских племен Саяно-Алтая. Благодаря огромной работе Н. Ф. Катанова, проделанной в конце XIX – начале XX в., удалось сохранить эти уникальные фольклорные источники. В них «конь есть товарищ, который не опережает своего хозяина и не отстает от него; он есть друг своего хозяина-богатыря в сказках»¹. В фольклоре тюркских народов лошадь является одним из самых популярных персонажей песен, сказок и легенд. Но стоит также отметить, что, несмотря на сходство образов, а также историческое, этническое и языковое родство у различных тюркских народов, их содержание может сильно различаться.

Различные сопоставления образа лошади встречаются в песнях. При этом определенные черты животного переносятся на другой объект. Довольно часто встречается сопоставление лошади с молодой девушкой, возлюбленной или даже женой. Например: «Я поймал красавицу за руку: ночевать ли мне с нею или не ночевать? Белобокоего жеребенка я крепко подтянул подпругою: сесть ли мне на него или не сесть?»² «Ожидающий укрючины мой любимый конь стоит

ли, только стуча ногами и брыкая? Ожидающая народу моя дорогая подруга сидит ли, подремывая?»³ Или даже такой пример: «Чем бить мне своего бело-каурого коня, буду бить лучше свою супругу»⁴. Анализ таких сопоставлений еще раз подчеркивает особое отношение к лошади. Конь является верным другом кочевника во время их долгих совместных походов. Они сильно привязываются друг к другу и ощущают духовное родство. Такие отношения и вызывают к жизни подобные ассоциации.

Хозяин обязан был заботиться о своем коне. Плохое с ним обращение высмеивается и осуждается. Например: «Конь твой, оседланный утром, простоял у дверей до самого рассвета! О сын народа Илька, не будь посмешищем для народа своего и людей вообще, не позаботившись о коне»⁵.

В героических сказаниях кочевников конь всегда воспевался. Например, у хакасов мифический крылатый конь «*аранчула*» наделен мудростью человека. Он постоянно выручает из беды своего хозяина, рождается и умирает вместе с ним⁶. По этнографическим данным, тувинцы, по исполнению ребенку одного года, дарили ему жеребенка⁷. Нередко в эпосе, чтобы спасти своего хозяина, конь обретает человеческий голос. В случае же его смерти конь остается и охраняет место гибели, либо приносит умершего домой.

Такая неразрывная духовная связь всадника и коня нашла и материальное выражение в традиции сопогребения воина и лошади. Погребение с конем было типичным для большинства тюркских народов. Исключение составляют лишь племена, населявшие территорию Минусинской котловины. Здесь было принято хоронить человека не с самой лошадью, а лишь с предметами, ее символизирующими, – стременами и удилами (культура енисейских кыргызов).

В тюркских погребениях лошадь была ориентирована головой на север или на запад. Она располагалась рядом с человеком, но чуть ниже

него и отделялась перегородкой из дерева, камнем или циновки⁸. Этот обряд имел своей целью обеспечить умершего конем в другом мире, где, как предполагалось, будет продолжаться его существование в иных условиях. Еще одна задача погребенного коня состояла в том, чтобы максимально быстро и беспрепятственно доставить умершего в иной мир. В фольклорных произведениях герой попадает в загробный мир обязательно верхом на коне, причем во многих случаях в состоянии беспомощности⁹. Эти представления сохранились до наших дней в этнографическом наследии народов Саяно-Алтая. Например, в алтайском эпосе *Кан-Алтын* батыр обращается к своему коню: «Если жить буду – ты мои крылья (славы), если умру – ты мой *койылка* конь». *Койылка* – искаженное алт. *Койлогоо* = хак. *Хойлага* – конь, идущий с хозяином в загробный мир¹⁰.

Таким образом, в представлениях народов Саяно-Алтая конь выступает еще и как медиатор, обеспечивающий перемещение между мирами. Вероятно, именно поэтому, как зафиксировано этнографами, бубен у шамана ассоциируется с крылатым конем, на котором он совершает свои путешествия, которого он кормит молоком и аракой. Ускоряя бой колотушкой, шаман подгоняет коня, заставляя его подниматься все выше и выше, замедляя бой, он возвращается обратно¹¹. В любом случае, путешествует шаман в Верхний или в Нижний мир, его путешествие связано с ощущением полета и прохождением сквозь некоторые «слои реальности». Про некоторых шаманов говорят, что они за свою жизнь загнали шесть коней, т. е. сменили шесть бубнов. Когда шаман делает новый бубен, он проводит специальный обряд, называемый оживлением коня-бубна. Бубен позволяет шаману вступать в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира.

Любопытно, что представления о роли коня-посредника появились задолго до тюркского времени. Архаичные свидетельства этого фиксируются уже в эпоху раннего железного века, когда на большей части территорий Саяно-Алтая появляется традиция сопогребения лошади с человеком. Наиболее ярко эта традиция представлена курганами Тувы и Алтая (Пазырык и Аржан) и

свидетельствуют об исключительной роли коня в кочевнической общине. Сцена преклонения героя на коне перед божеством на троне, изображенная на ковре из 5-го пазырыкского кургана, по всей видимости, отображает представления о загробном мире¹².

Связь коня с миром духов выразилась в другой его функции, где он выступает в роли жертвенного животного. Герой алтайского сказания угощается в доме *Эрлика* (божества подземного мира в пантеоне тюркоязычных народов) мясом и узнает, что это мясо его скота, который в это самое время в солнечном мире приносится в жертву *Эрлику*¹³. Этот обряд фиксируется, как этнографическими данными тюркоязычных народов (обряд жертвоприношения лошади), так и археологическим материалом тюркских поминальных оградок, в которых неоднократно найдены кости лошади.

Этнографами XIX и XX вв. было зафиксировано несколько разновидностей обрядов заклания лошади. Но все эти вариации восходят к единой основе, сложившейся, вероятнее всего, в эпоху тюркских каганатов, а возможно, и ранее. Приведем описание такого обряда, зафиксированного В. И. Вербицким: «Выбирается место и жертва заклания – лошадь светлой масти. На выбранном месте ставится юрта – *сеольты* и покрывается войлоками и коврами. Среди юрты ставится свежая зеленая береза размером около 4 вершков в комле, вершина которой высовывается сквозь дымоход. Сучья на березе снизу обрубаются, а наверху оставлены в виде метелки. Размером юрта больше и выше бытовых и дверью обращена к востоку. Основные ритуальные действия выполняет шаман – в процессе камлания он изображает сцену восхождения к небу и беседу с божеством, которому предназначена жертва. Само жертвенное животное умерщвляется путем удушения, с него снимается шкура с черепом и копытами и растягивается на Т-образном шесте в восточной ориентации»¹⁴.

Описание этого обряда мы в полной мере можем привлечь для интерпретации тюркских поминальных оградок. Можно предположить, что оградка из вкопанных плит песчаника (размерами от 1,4 x 1,4 до 9 x 8 метров) являлась своеобразным фундаментом ритуального сооружения подобного

юрте – *сеолты*. В ее центре обычно фиксируют остатки ствола дерева, а внутри – кости конечностей и черепа лошади (т. е. шкура коня)¹⁵.

Тесно связаны с функцией жертвенного животного представления о священном животном, которое уже после своей смерти посвящается божеству. Н. Ф. Катановым был описан традиционный тувинский праздник «Наир» с обрядом посвящения лошади. После службы ламы или обряда, проведенного шаманом у оваа, устраивали лошадиные бега. «На шею лошади, выбежавшей вперед, шаман навязывал белую ленточку или лоскут белой материи. Такая лошадь называлась «ыдык», т. е. посвященная Эрлику или Бурхану»¹⁶. У хакасов также существовал обычай посвящения коня в «ызык». Для этого из табуна отбирали самую лучшую лошадь и посвящали ее Эрлик-хану. Ездить на этом коне нельзя было никому, кроме хозяина¹⁷.

У тувинцев освященный конь всегда посвящался мужчине – хозяину табуна и одновременно

табуна. Поскольку хозяином табуна всегда был основатель рода, то и конь-ыдык посвящался хозяину рода. Священного коня не закалывали, он умирал естественной смертью. После смерти с него снимали шкуру и вывешивали на шесте, развернув обязательно головой на восток у родовых оваа или у священных родовых деревьев. Мясо не ели, а закапывали в землю по соседству с вывешенной шкурой. После смерти священного коня выбирали и освящали другого. После смерти мужчины-хозяина, священный конь переходил к его сыну, наследовавшему власть над родом и табуном¹⁸. Целью обряда было выпросить посредством коня у духов покровительства и защиты для всего рода.

Таким образом, в кочевом обществе влияние лошади на все сферы материальной и духовной жизни настолько велико, что кочевник и его лошадь становятся практически одним целым. Они неразрывны при жизни и... неразрывны после смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Часть IX. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. Тексты собранные и преданные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907. – С. 226.
2. Там же. – С. 49.
3. Там же. – С. 78.
4. Там же. – С. 234.
5. Там же. – С. 235.
6. Бутанаев, В. Я. Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. – Абакан, 1981. – С. 69.
7. Дьяконова, В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л., 1975. – С. 156, 157.
8. Табалдиев, К. Ш., Худяков, Ю. С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии: сборник научных трудов. – Новосибирск, 1999. – С. 60.
9. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / под ред. И. Н. Гемуева. – Новосибирск, 1988. – С. 76–78.
10. Байжанова, Н. Р. К вопросу о генезисе тюркских пословиц (на примере паремий, связанных с образом коня) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 3. – С. 102.
11. Сагалаев, А. М., Октябрьская, И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск, 1990. – С. 194.
12. Абдуллаев, К. Конь и всадник в античной Средней Азии // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства: материалы научной конференции. – Ашхабад, 2001. – С. 38.
13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / под ред. И. Н. Гемуева. – Новосибирск, 1988. – С. 76–78.
14. Алтайские инородцы: сборник этнографический статей и изъездовані алтайского миссионера, протоіеря В. И. Вербицкого // под ред. А. А. Ивановскаго. – М., 1893 – С. 46–50.
15. Худяков, Ю. С., Ким, С. А. Древнетюркские поминальные памятники в долине реки Нарын // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии: сборник научных трудов. – Новосибирск, 1999. – С. 26.
16. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – Часть IX. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. Тексты собранные и преданные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907. – С. 80–81.
17. Там же. – С. 216.
18. Даржа, В. К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. – Кызыл, 2007 – С. 84.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КАТАНОВ: ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА И УЧЁНОГО

Ученый-востоковед, тюрколог, этнограф, фольклорист, доктор сравнительного языкознания, экстраординарный профессор Императорского Казанского университета, ординарный профессор Казанской духовной академии, действительный статский советник – это всё о первом хакасском учёном, выходце из Аскиза, Николае Фёдоровиче Катанове. Спустя 150 лет после его рождения, трудно назвать ещё хотя бы одну личность такого масштаба среди выходцев из народов Хакасии. Обширна и общественная деятельность Н. Ф. Катанова: он состоял в двух иностранных обществах – Societe des sciences et lettres (в Бельгии) и Ungarische ethnographische Gesellschaft (в Венгрии), был членом-корреспондентом финно-угорского общества в городе Гельсингфорсе, действительным членом Императорского Русского Географического Общества, Императорского Русского Археологического Общества, Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, туркестанского кружка любителей археологии в городе Ташкенте, действительным членом казанского и семипалатинского статистических комитетов, членом общества трезвости.

Личность Н. Ф. Катанова служит ярким примером для нас как истинный учёный, достойный сын своей земли, трудолюбивый и гуманнейший человек. В последние десять-пятнадцать лет, действительно, в нашей республике (а также в Татарстане, Туве, Турции) делается немало по увековечиванию памяти первого хакасского учёного и исследованию его наследия: его имя носят Хакасский государственный университет и Хакасская национальная гимназия, проводятся конференции¹, переиздаются его научные труды², издаются научные монографии³, переводятся и популяризируются собранные им фольклорные материалы⁴, сооружены памятники в Аскизе и Абакане, в его честь названа одна из улиц Абакана. Все это – свидетельство бережного отношения к личности и наследию основоположника хакасской науки. И в этом, юбилейном, году

будет немало сказано о нём и проведено мероприятий, посвященных 150-летию Н. Ф. Катанова. Значителен вклад ученых Л. Р. Кызласова, С. Е. Малова, С. Н. Иванова, Н. Г. Доможакова, К. М. Патачакова, И. Л. Кызласова, журналистов И. Ф. Коковой и Г. В. Кокова и других в дело восстановления имени первого хакасского учёного после долгих лет «забытья».

Личность учёного, человека сложной судьбы, но крайне старательного, трудолюбивого, целеустремленного и добившегося научных высот своим умом и своим трудом, может служить ярким примером в воспитании молодого поколения. В эпоху глобализации и век Интернета трудно чем бы то ни было удивить нашу молодёжь. Тем не менее образ живого, а не мифического человека может стать хорошим стимулом для получения высшего образования и воспитания в себе качеств многосторонней личности. Рождение таких учёных, как Николай Фёдорович Катанов, не случайно, и, пожалуй, это неповторимо в истории народа. Изучение жизни и вклада в науку и культуру народа позволит показать миру и в первую очередь понять нам, его землякам, что мы представляем собой сегодня. Изучая личность такого масштаба, мы можем лучше разобраться в самих себе. Представляется важным более подробно останавливаться на достоинствах Катанова как человека и учёного, что делает его научное наследие и сегодня актуальным не только в науке отечественной, но и мировой, а ученого Катанова – уникальным примером человека будущего.

Николай Катанов – первый хакасский учёный-тюрколог мирового уровня. В научном мире он известен, прежде всего, как лингвист: полиглот Катанов владел всеми европейскими, многими азиатскими языками, в том числе – латынью, древнегреческим, санскритом. В своих трудах он использовал 114 языков мира. Нужно заметить, что на этом поприще своё старание и трудолюбие Катанов проявил в Красноярской гимназии, будучи ещё ребёнком. Уезжая двенад-

цатилетним мальчиком из родного села, он владел всего двумя языками – хакасским и русским. За годы учёбы в гимназии Николай выработал в себе многие замечательные качества: прилежание, требовательность к себе, аккуратность, выдержанность, общительность. За все годы учёбы в гимназии не пропустил ни одного урока и окончил гимназию с золотой медалью. Наряду с другими предметами изучение родного языка стало для него важнейшим занятием. Сверка хакасских текстов, опубликованных А. Кастреном и В. Радловым, первая публикация – «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени» – стали началом научной деятельности Николая Катанова. Еще в годы учёбы в гимназии им написана огромная работа по хакасскому языку в двух частях – «Татарский язык (сагайского наречия): Ч. I. Грамматика (этимология и синтаксис)» (1882), «Грамматика (сагайского наречия) татарского языка: Ч. II. Сборник примеров и словари» (1884) – общим объёмом более 800 страниц.

Воспитав ещё в юношеские годы требовательность к себе, Николай Фёдорович ни разу не изменил принципиальному и честному подходу к научной работе, что непременно является образцом и для наших современников. В. Е. Майногашева, рассуждая о его научной этике, отмечает: «Трудившийся титанически Н. Ф. Катанов был человеком исключительной честности, щепетильности. По части научной этики он потрясает весьма высокой требовательностью ко всем, кто трудился на научной ниве. Это – поистине священное служение науке. И в этом он, может быть, остаётся недосягаемым образцом для всех»⁵.

Будучи инородческого происхождения, не имея состоятельных родителей, Н. Катанову нелегко было получить образование в классической гимназии, а затем в Петербургском университете и заслужить признание в научном мире в то время, когда представители народов Сибири едва дотягивали до последнего года обучения церковно-приходской школы. Хотя доступ к образованию в России в то время был открыт всем слоям общества, в том числе выходцам из инородческой среды, всё же грамотных людей среди хакасов в то время были единицы.

Говоря о личности Катанова, о его влиянии на развитие российской и мировой науки, необ-

ходимо выделить несколько аспектов: *во-первых*, сама история жизни Николая Фёдоровича необычна для своего времени, и она стала примером беззаветного служения родине и понимания важности вступления на стезю науки, когда среди хакасов грамотные люди встречались редко, а наука о хакасах в большинстве своем состояла из работ европейских путешественников; *во-вторых*, научные труды Николая Катанова сыграли важную, а порой и решающую роль в развитии востоковедения и тюркологии. Наследие Катанова – это многочисленные работы по лингвистике, этнографии, археологии, нумизматике, фольклору и библиографии. Здесь необходимо отметить и смелость Катанова-учёного, доказавшего своим фундаментальным трудом «Опыт исследования урянхайского языка», вопреки мнению многих авторитетных исследователей, принадлежность урянхайского (тувинского) языка к тюркской семье языков. Данной своей работой Катанов заложил основы методологии сравнительного изучения тюркских языков. С. Н. Иванов, один из биографов Катанова, отмечает, что «труд Н. Ф. Катанова представляет собой «колоссальный справочник по всем тюркологическим материалам», собранным к началу XX в., и как свод фактических данных по сравнительной грамматике тюркских языков является основой для дальнейших изысканий в этой области... Капитальный труд Н. Ф. Катанова занимает видное место в классическом наследии отечественной тюркологии, являясь единственной в своем роде сводной работой по тюркским языкам»⁶. *В-третьих*, универсальность знаний и научных интересов Николая Катанова – яркий пример для подражания в современной системе российского образования, когда число предметов в старших классах, изучаемых школьником, сокращается с 16–21 до 9–10.

Стремление Катанова к знанию – прекрасный образец, который нужно использовать для воспитания подрастающего поколения. Образованный человек всегда стремится узнать ещё больше, зная, как мало он знает. Преуспевая в науке, Катанов реализовал себя и как педагог. Прекрасный лектор-эрудит Катанов с большим удовольствием собирал аудиторию слушателей, умел о сложных научных проблемах говорить с

искоркой, просто и доступно, увлекая научными знаниями своих подопечных.

Человек, всегда отличавшийся дисциплиной, патриотизмом, благородством и добротой, он всегда был озадачен проблемами просвещения народа, с удовольствием отправлялся в путешествия и экспедиции, обожал живое общение с народом, носителем той или иной культуры. Важно помнить и говорить о том, что Николай Фёдорович Катанов был великим гуманистом, с глубоким уважением относившийся к каждому человеку, всегда умел с юмором выйти из непростых жизненных ситуаций.

Кроме того, личность и деятельность Катанова могут стать стимулом для создания различ-

ных проектов: пособий для педагогов, студентов и учащихся, работников культуры, заинтересованных читателей, сценариев для сельских клубов, школ. Прекрасным проектом стал бы разработанный маршрут экскурсии для школьников и всех желающих Аскиз – Красноярск – Петербург – Казань, по тем местам и улицам данных городов, где прошли самые плодотворные годы жизни Николая Катанова. Его путь к образованию, к науке, проделанный в 1876 г., до сих пор вызывает восхищение. Однако дело не только в научных достижениях нашего земляка, главное – образ Катанова, что ценно для каждого живущего на этой земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова. 22–24 мая 2002 г. – Абакан, 2003.
2. Катанов, Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков – Абакан, 2004.
3. Султанбаева, К. И. Николай Федорович Катанов – выдающийся ученый-востоковед, тюрколог, просветитель. – Абакан, 2009; Педагогическая система Николая Федоровича Катанова. – Казань, 2006 и др.
4. Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания доктора языкознания Н. Ф. Катанова: В 2 тт. / сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб., заключит. статья и коммент. А. В. Преловского. – М., 2003.
5. Майногашева, В. Е. Заметки о научной этике Н. Ф. Катанова // Катановские чтения: сборник статей. – Казань, 1998. – С. 54–55.
6. Иванов, С. Н. К характеристике лингвистического наследия Н. Ф. Катанова. «Опыт исследования урянхайского языка», Казань, 1903 // Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения / сост. к. филол. н. Н. Г. Доможаков. – Абакан, 1958. – С. 60.

Ю. К. МАХНО

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. Ф. КАТАНОВА – ПЕРВОГО ХАКАССКОГО УЧЕНОГО-ОРИЕНТАЛИСТА

Тема «Н. Ф. Катанов и его научное наследие» всегда привлекала внимание исследователей его творчества. В работах ученых формировался неоднозначный облик этой неординарной личности. Анализ имеющихся научных работ позволяют выделить, с нашей точки зрения, четыре периода в изучении жизни и творчества Н. Ф. Катанова: 1920 гг.; I половина 1930–1950-х гг.; II половина 1950 – начало 1990-х гг.; начало 1990-х – по настоящее время.

Первый период характеризуется появлением материалов, посвященных памяти тюрколога-инородца. Среди них некрологи известных ученых-тюркологов В. А. Гордлевского, А. Н. Самойловича, А. Гафарова, Н. М. Покровского, К. В. Харламповича и др.¹

В этих статьях формировался положительный образ хакасского ученого. Известный тюрколог В. А. Гордлевский отмечал, что «русское востоковедение потеряло в нем хорошего знатока современных тюркских языков, который

тщательно транскрибировал и интерпретировал тексты². Отмечалось, что труды Катанова содержат много фактического материала, которые в будущем будут опубликованы.

В серии статей 1930 – начала 1950-х гг. Н. Ф. Катанов оценивался как «ученый-холоп старого режима», «царский служака», «реакционер в науке», «проводник руссификаторской политики» царской России, идеолог монархизма³. В этих нелицеприятных характеристиках ученого есть лишь одно верное суждение: по своим идеологическим воззрениям Н. Ф. Катанов действительно был монархистом.

Во время «хрущевской оттепели» (вторая половина 50-х гг. XX в.) произошла переоценка личностных качеств ученого и его творческого наследия. В 1957 г. Н. Ф. Катанову исполнилось 95 лет со дня рождения. Инициаторами пересмотра творческого наследия стали ученые Л. Р. Кызласов и С. Е. Малов⁴. Профессор МГУ Л. Р. Кызласов обратился к доктору языковедения чл.-корр. РАН С. Е. Малову, ученику Н. Ф. Катанова, с просьбой о реабилитации Н. Ф. Катанова. Ученый, хотя был уже стар и болен, успел до своей кончины написать добрые слова о своем учителе. С. Е. Малов дополнил свою статью «Н. Ф. Катанов – профессор Казанского университета», прочитанную в 1992 г. на заседании Ученого совета Казанского университета, следующими словами: «Очень странной и неоправданной фактами является статья Н. Э. Львова «Свияжский разгром» в газете «Красная Татария» от 2 июня 1933 г. Таково же и примечание Н. Г. Доможакова в трудах Хакасского научно-исследовательского института, языка, литературы и истории (Абакан, 1951). Я слишком близко знал и научные взгляды, и убеждения Н. Ф. Катанова...»⁵

Экземпляр статьи Е. И. Малов направил в «Вестник Академии наук Казахской ССР» и в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). В начале февраля 1957 г. началась подготовка к юбилейной дате. Об этом свидетельствуют документы Национального архива Республики Хакасия⁶ (содержание документов приводится ниже).

Подготовка к 95-летию Н. Ф. Катанова завершилась осенью 1957 г. В декабре

1957 г. Н. Г. Доможаков прочитал доклад «Н. Ф. Катанов» на объединенном заседании Ученого совета ХакНИИЯЛИ и Абаканского пединститута. В докладе была дана характеристика Н. Ф. Катанову как первому выдающемуся сыну хакасского народа⁷.

Публикации конца 1950–1980-х гг. прошлого столетия в основном были посвящены изучению биографии ученого и анализу его многогранного научного наследия. Среди публикаций этого периода необходимо отметить материалы научных конференций, посвященных 95-летию и 100-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова и, конечно, известную монографию С. Н. Иванова «Н. Ф. Катанов. Очерк жизни и деятельности»⁸.

Современный, четвертый, этап в изучении творчества Катанова обусловлен изменениями в общественно-политической жизни страны: распадом СССР и возникновением Российской Федерации, образованием Республики Хакасия в составе РФ. Юбилейные даты первого хакасского ученого стали отмечаться на государственном уровне. Хакасия отметила 130-летие (1992), 140-летие (2002) со дня рождения Н. Ф. Катанова. Вышло ряд интересных публикаций о творчестве Н. Ф. Катанова. Среди последних публикаций необходимо отметить книгу-сборник хакасских и татарских ученых «Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки» и монографию педагога Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова К. И. Султанбаевой⁹. Началом нового этапа в изучении творчества Катанова, безусловно, послужили доклады С. П. Ултургашева «Звезда мировой величины: к 130-летию со дня рождения Николая Федоровича Катанова» на юбилейном собрании республиканской общественности 22 мая 1992 года и «Творческое наследие Н. Ф. Катанова и современность» на научной конференции 22 октября 1992 г.¹⁰

Однако, несмотря на большое количество публикаций о первом хакасском ученом, некоторые страницы жизненного пути ученого остаются малоизученными и малоизвестными. В данной статье речь пойдет о малоизвестных страницах биографии Николая Федоровича Катанова, то есть о таких фактах жизнеописания, которые известны научной общественности, но на них не акцентировалось внимание читателей в силу

определенной политической конъюнктуры, эти факты замалчивались, а документальные свидетельства, характеризующие отношение людей к творческому наследию Н. Ф. Катанова, просто не изучались.

Первое знакомство с творчеством Н. Ф. Катанова

Знакомство с творчеством Н. Ф. Катанова у каждого читателя проходит индивидуально. С творчеством первого хакасского ученого мы познакомились в конце 1960-х гг. работая учителем истории в Бондаревской средней школе Бейского района Хакасии. В школе в это время обучалось более тысячи учащихся, минимум по 4 класса в каждой параллели. Классы школы были скомплектованы своеобразным образом. Параллели «А» и «Б» формировались из учащихся, проживающих в селе Бондарево, параллели «В» и «Г» – из учащихся, проживающих в близлежащих селах и улусах. В классах данной параллели обучались учащиеся из близлежащих сел и улусов. Хорошо запомнился урок в национальном классе по теме «Что такое история? Зачем историю необходимо изучать?» Этот вводный урок в старших классах начинался с изучения древнерусской летописи «Повесть Временных лет», где были поставлены три исторических вопроса: «Откуда пошла Русская земля? Кто в Киеве первый князь? Как возникла Русская земля?» Речь шла о восточных славянах, предках русского народа. Материал урока вызывал у школьников интерес к русской истории. Невольно язык летописи рождал философские вопросы: «Кто мы? Откуда мы? Куда идем?» Но неожиданно в национальной параллели прозвучал вопрос, который произнес один юноша: «Русская история это интересно, но вы расскажите нам о нашей истории. Нельзя ли эти философские вопросы проиллюстрировать примерами хакасской истории?» Вопрос школьника оказался весьма интересным и интригующим. В это время шли бурные дискуссии о происхождении хакасского народа, о его связи с киргизским этносом и енисейскими киргизами. С дискуссионными вопросами о хакасской истории мы познакомились во время бесед с директором школы. Наш

первый разговор шел об особенностях воспитания учащихся в Бондаревской школе и о задачах, которые стоят перед учителем истории. Ответ учителя был следующим: «Я дальневосточник, заканчивал Хабаровский вуз, с историей Хакасии незнаком, нужно определенное время для ее изучения». Начался поиск литературы. Удивило, что учебной и научно-популярной литературы на данную тему не было¹¹. Школьный библиотекарь посоветовал познакомиться с книгой, в которой содержались сведения о хакасском ученом. Это была небольшая книга в твердом переплете и называлась «Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения» (Абакан, 1958). В то время я не знал, что держу в руках судьбоносную книгу о жизни и творчестве хакасского ученого. Теперь нам стало ясно, что знакомство с хакасской историей немислимо без изучения жизненного пути Н. Ф. Катанова.

Автобиография ученого как исторический источник

Автобиографию Н. Ф. Катанов написал для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» (историко-литературный сборник), изданного российским историком литературы и библиографом С. А. Венгеровым в 1897 г. Текст автобиографии с некоторыми сокращениями воспроизведен в книге биографа Катанова профессора С. Н. Иванова «Николай Федорович Катанов (1862–1922). Очерк жизни и деятельности»¹². Полный текст автобиографии и библиографии из словаря С. А. Венгерова воспроизведен в труде Хакасской археологической экспедиции в книге «Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография» (М.–А., 1997). Составитель и редактор жизненного пути ученого доктор исторических наук И. Л. Кызласов¹³.

Обратим внимание на ключевые даты. Жизненный путь Николай Федорович в своей автобиографии разбил на следующие этапы, беря за основу основное место жительства.

Аскизский период (14 лет: 1862–1876). Он писал: «Я родился в 1862 г. 6 мая... в 15 верстах на северо-восток от села Аскиз и находится местность Изюм, где я... и жил до 1869 г. ... в 1869 г.

было открыто Аскизское одноклассное училище... И я поступил в него учиться русской грамоте. Учителем был мой дядя по отцу Ефим Семенович Катанов... У дяди своего я учился русской грамоте с 1869 по 1876 г.»

Красноярский период (8 лет: 1876–1884). Катанов сообщает: «Первого августа 1876 г. я поступил в классическую гимназию Красноярска... В гимназии я окончил курс в 1884 г. с золотой медалью».

Санкт-Петербургский (4 года: 1884–1888). Катанов сообщал: «Годы 1884–1888 я провел на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета и окончил курс со степенью кандидата 6 мая 1888 г.»

Экспедиционный период или путешествие в Сибирь и Центральную Азию (4 года: 1889–1892). В автобиографии записано: «По окончании курса в университете я был командирован Географическим обществом и Академией наук в Восточную и Западную Сибирь... В командировке я пробыл 4 года: 1889–1892».

С 1894 г. начинается Казанский период в жизни Н. Ф. Катанова. Он писал: «1894 г. я посвятил обработке части лингвистических материалов по тюркологии. В конце 1893 г. по выдержании экзамена на степень магистра турецко-татарской словесности определен на должность шестого класса преподавателем в звании экстраординарного профессора по кафедре турецко-татарских наречий». Изложение автобиографии «В критико-биографическом словаре» заканчивается 1894 г. Николай Федорович писал: «Географическое общество избрало меня действительным членом 17 декабря 1894 г. и археологическое общество в Санкт-Петербурге 30 марта 1894 г.».

После этих событий Катанов прожил еще 28 лет, но датой 1894 г. заканчивается его автобиография. Казанский период биографии Катанова продолжался около тридцати лет. Конечно, будучи профессором Казанского университета, он неоднократно совершал свои экспедиционные поездки по Сибири и Татарстану.

Поразило удивительное начало автобиографии: «Меня зовут Николай Федорович, а по-татарски Пора, сын Хызыла. Отец мой был татарин племени сагай, а мать – татарка пле-

мени каш, колено пюрют» При чтении данных строк невольно возникали вопросы: почему Катанов называл себя не хакасом, а татаринном? Почему двойное имя – Пора и Николай? И что за племена – сагайцы и качинцы? Ответы на эти вопросы требовали изучения специальной научной литературы. В 1958 г. тиражом 2000 экземпляров вышла монография ученого-этнографа Л. П. Потапова «Происхождение и формирование хакасского народа»¹⁴. В данной книге автор объяснил возникновение термина «хакасы». Он писал: «Название «хакасы» было предложено представителями местной интеллигенции при национальном определении «минусинских татар» в самом начале 20-х гг. нашего столетия. Предлагавшие это название исходили из ошибочного представления, что минусинские или абаканские «татары» являются потомками древнего населения Саяно-Алтайского нагорья, зафиксированного в китайских летописях под наименованием «хягас». Несмотря на то, что название «хакасы» не может считаться исторически оправданным и аргументированным, возражать против него нет оснований, так как оно постепенно вошло в быт населения и было им принято».

В исследовании Л. П. Потапова нашло подтверждение точки зрения Н. Ф. Катанова о происхождении терминов «качинцы и сагайцы»¹⁵. Н. Ф. Катанов писал: «Племя сагай, из которого происходил мой отец, есть племя тюркского народа кара кыргыз. Племя же каш, из которого происходила моя мать, пришло в долину Абакана с речки Качи г. Красноярска». Мы знаем, что в тексте автобиографии упоминается старое официальное наименование коренного населения: кара кыргызы (у Катанова по-китайски Хакыньсы, Хагасы). Это енисейские кыргызы – народ, который длительное время проживал в долине среднего Енисея, один из предков современного хакасского народа; минусинские татары – это хакасы, народ Хакасии; сагайцы и качинцы – это этнические группы хакасского этноса.

В тексте автобиографии Н. Ф. Катанова содержатся определенное количество понятий из области народного образования, например: «В 1869 г. было открыто Аскизское одноклассное училище Министерства народного просвещения и я поступил учиться русской грамоте; сте-

пень кандидата и магистра, окончил курс (речь идет об университете) со степенью кандидата; ... в конце 1893 г. по выдержании экзамена на степень магистра турецко-татарской словесности; экстраординарный профессор, должность VI класса. ... Определен в Казанский университет на должность VI класса преподавателем в звании экстраординарного профессора по кафедре турецко-татарских наречий».

Итак, автобиография Н. Ф. Катанова как исторический источник служит ориентиром при изучении корней происхождения хакасского народа, ученый высказал свою точку зрения на возникновение терминов «хакас (хагясы), качинцы, сагайцы. В автобиографии содержится периодизация жизненного пути ученого. Каждый период его жизни заслуживает детального изучения.

Автобиография Н. Ф. Катанова – это панорама общественных отношений, характеризующая жизнь коренного населения Хакасии в царской России.

История создания книги-сборника «Н. Ф. Катанов. Материалы и сообщения»

О первом хакасском ученом написана большая литература. Одной из значимых книг о нем является книга-сборник «Н. Ф. Катанов»¹⁶. В 1958 г. Хакасское книжное издательство выпустило данный сборник, куда вошли материалы и сообщения, подготовленные в ХакНИИЯЛИ.

Коллектив авторов – ученые Ленинграда, Казани, Хакасии, бывшие земляки Николая Федоровича, а также его дочь Анна Николаевна – представили яркий и разносторонний образ ученого и общественного деятеля. Опираясь на архивные документы, мы расскажем о том, как создавалась данная книга.

Составителем сборника был кандидат филологических наук, известный писатель Хакасии, первый директор ХакНИИЯЛИ Н. Г. Доможаков, редактор – журналист И. И. Пантелеев. Сборник открывается публикацией доклада Н. Г. Доможакова о первом хакасском ученом Н. Ф. Катанове, прочитанного в декабре 1957 г. на торжественном заседании Ученого совета ХакНИИЯЛИ и Абаканского пединститута. Первая часть сборника –

это научные статьи известных ученых-тюркологов: С. Е. Малова (1880–1957), доктора языковедения, ученика Н. Ф. Катанова; С. И. Иванова (1922–1999), кандидата филологических наук, в последующем доктора наук и автора монографии о жизни и деятельности Н. Ф. Катанова; кандидата педагогических наук М. К. Бакеева, исследователя творчества татарского ученого Каюм Насыри; О. Б. Макаровой, преподавателя Ленинградского университета; К. М. Патачаковой (1922–1998), хакасского ученого-этнографа.

Вторая часть сборника – это воспоминания людей, которые хорошо знали Николая Федоровича: профессора Н. В. Никольского – крупнейшего советского чувашевода; Н. А. Васильева – сына известного татарского просветителя А. В. Васильева, автора учебника по тюркским языкам. Особо хочется остановиться на воспоминаниях дочери ученого, Анны Николаевны, и земляка Н. Ф. Катанова, Ивана Барашкова. Эти два человека хорошо знали духовный мир ученого-тюрколога. Заключает сборник статья татарского ученого Каримулина «Хронологический указатель трудов Н. Ф. Катанова».

Книга-сборник вышла тиражом 2000 экземпляров и в настоящее время является библиографической редкостью. С большим интересом читаются все статьи, помещенные в сборнике. Отметим, что очерк-воспоминания И. Барашкова-Эпчелея «Катанов Н. Ф.» наиболее часто цитируется исследователями творчества знаменитого хакасского тюрколога¹⁷.

Иван Барашков-Эпчелей в данном очерке дал целостную характеристику образа хакасского ученого, ввел в научный оборот много фактов из его жизни¹⁸.

Обратимся к документам Национального архива РХ, где хранятся материалы, освещающие историю создания книги-сборника. В папке «Дело № 106» письма к Н. Г. Доможакову: хранятся неопубликованные письма А. Ярилова, Н. В. Никольского, И. Барашкова-Эпчелея, которые были направлены Н. Г. Доможакову в дни подготовки к юбилею.

Приведем документ-мандат от 6 февраля 1957 г.: «Предъявитель сего кандидат филологических наук, писатель Доможаков Николай Георгиевич направляется Хакасским научно-иссле-

довательским институтом языка, литературы и истории в Казань, Москву, Ленинград по вопросам, связанным с подготовкой к 100-летию со дня рождения профессора Катанова Н. Ф. Просьба ко всем организациям, учреждениям и отдельным лицам оказывать содействие тов. Доможакову Н. Г. Директор ХакНИИЯЛИ, канд. истор. наук. С. Ултургашев (подпись и печать)¹⁹.

Итак, подготовка к юбилейным датам: 95-летию и 100-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова началась в начале 1957 г.

Привлекает внимание выписка из протокола заседания сектора языка института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР от 18 февраля 1957 г. Приведем выдержки из повестки дня данного протокола: «Об изучении научного наследия тюрколога Н. Ф. Катанова, о предстоящих 95-летию со дня рождения и 35-летию со дня смерти». В постановлении записано: «Заслушав представителя ХакНИИЯЛИ Н. Г. Доможакова о научных достижениях Н. Ф. Катанова, сектор языка ИЯЛИ ИФАН СССР считает, что представитель Хакасии правильно и своевременно ставит вопрос о необходимости изучения научного наследия Н. Ф. Катанова как крупнейшего тюрколога-языковеда, этнографа, фольклориста и диалектолога»²⁰.

В документе отмечалось, что наступило время дать объективную оценку научной и общественной деятельности ученого, и предлагалось юбилейные мероприятия, посвященные 95-летию Н. Ф. Катанова, согласовать с тюркоязычным сектором Института языкознания. Завершалось постановление выводом, что необходима совместная работа двух институтов, а для этого сектор языка рекомендовал направить двух представителей из Хакасии для работы в архивах города.

После встреч с учеными Казани и родственниками Н. Ф. Катанова, проживающими в городе, Н. Доможаков посетил Москву, где встретился с известным тюркологом-языковедом В. Г. Исхаковым (1901–1959), который в военное и послевоенное время работал в Хакасии и был одним из организаторов образования ХакНИИЯЛИ и областной национальной средней школы. В Москве писатель встречался с земляком Иваном Барашковым-Эпчелеем. И. Барашков, в про-

шлом журналист, кооператор и общественный деятель Хакасии, во второй половине 1920-х гг. вынужден был покинуть Хакасию по политическим причинам и проживал в столичном городе. В Ленинграде Н. Г. Доможаков посетил университет и встретился с учеными, в частности с С. Н. Ивановым – известным тюркологом и О. Б. Владимирцовой-Макаровой – молодым преподавателем.

После посещения Казани, Москвы и Ленинграда в адрес писателя стали поступать письма от ученых: Н. В. Никольского, С. И. Иванова, О. Б. Владимирцовой Макаровой, Ф. Г. Исхакова. Пришли письма от дочери Н. Ф. Катанова, которая проживала в эти годы в г. Казань.

Приведем содержание письма дочери ученого, Анны Николаевны Катановой, от 21 октября 1957 г.: «Николай Георгиевич, по-видимому, придется задержаться на 15–20 дней с посылкой материала в ХакНИИЯЛИ. Фотограф не берется за фотографии документов, между тем, кроме того, что вы видели у меня. У одного из знакомых моего отца оказались очень ценные, на мой взгляд, письма, одно из них написано всего за несколько дней до его смерти. Вероятно, придется обратиться в филиал Академии с просьбой о фотографии. Кроме того, человек, у которого хранятся эти письма, хочет сам написать воспоминания, а в настоящее время его руки на привязи, и он сможет работать через несколько (10–15) дней. За это время попытаюсь оформить снимки и собрать дополнительный материал. Сама я написала что могла, правда, далеко не полно. Надо посылать все сразу». А. Катанова²¹.

Из письма видно, что в городе Казани состоялась встреча писателя с дочерью Николая Федоровича, в ходе которой он был ознакомлен с некоторыми материалами о жизненном пути ученого (письма, фото и др.).

Документы, которые запросил Н. Г. Доможаков, были высланы в ХакНИИЯЛИ, наконец, речь идет о последних письмах ученого, которые хранятся у одного знакомого Анны Николаевны, с этим человеком она ведет переписку, но в данное время у него сломана рука, в силу чего работа над воспоминаниями о Катанове идет медленно. Из данного письма нетрудно определить, что знакомый Анны Николаевны – Иван

Барашков-Эпчелей. Иван Барашков выслал свои воспоминания, и они были опубликованы в юбилейном сборнике. А вот его письмо к Н. Г. Доможакову не было опубликовано. Оно хранилось в Национальном архиве. Думается, что содержание данного письма вызовет интерес у современного читателя Республики Хакасия.

**Письмо И. Барашкова-Эпчелей к писателю
Н. Г. Доможакову* 22 октября 1957 г.**

Москва.

Уважаемый Николай Георгиевич!

Письмо Ваше получил. Рад, что о Катанове заговорили наконец в Хакасии и на его имя не будет теперь каких-то «запретов»...

Хакасы должны знать своего первого ученого.

Вы знаете, что Катановым я давно занимаюсь и у меня накопился кой-какой материал.

Рад буду поделиться своими воспоминаниями. Я жил у Катанова неделями в Казани в 1909–1910 гг. и общался с ним целую осень и зиму. Кроме того, ряд дней я был около него летом 1909 г., в Аскизе.

Закончу я свои воспоминания к середине ноября этого года и перешлю в Абакан, там они будут получены не позднее 20–23 ноября.

Работаю медленно, т. к. много времени отнимает служба.

У меня имеются такие фотографии Николая Федоровича:

- портрет в рост – 1909;
- Катанов в гробу – 1922;
- овальный портрет (1906–1908 ??).

В 1948 г. я был в Казани, разыскал дочь Н. Ф. Анну Николаевну; мечтали мы с ней написать популярную брошюру, но мечта наша была «не по сезону».

Виделся я в Казани с профессором Никольским Николаем Васильевичем, работавшим с Н. Ф.-чем в о-ве Арх., Ист. и Этнографии.

Разыскал также педагогов Катановых, внучатых племянников его (дети племянника Александра Николаевича).

Вы пишете: *«В перерыве нашей связи не обвиняйте меня».*

Дело ведь не в обвинениях, Николай Георгиевич, а в том, что до сих пор боль и горечь я ощущаю оттого, что не приняты были институтом услуги того, кто привязан к Хакасии «до березки», т. е. до того холмика, который посыпают над усопшим (прежде говоря – до конца жизни).

Хакасией дышу, Хакасией занимаюсь, ей отдам весь труд своей жизни, который накопился у меня.

Жаль, что люди не поняли этого, да и Вы – или недопоняли, или из чувства самосохранения (ложного, конечно), *вынуждены были, хотя бы и на время, «сменить вехи».*

Хочу написать в институт и еще раз попытаться договориться о выполнении некоторых работ для него (окончание библиографии, микрофильмирование и т. д.).

Хочу также *для областной печати предложить ряд очерков «Из прошлого Хакасии»* (иностранный концессия в Хакасии, история Абазы, исследователи Хакасии, Пермикин, крещение хакасов и т. д. и т. п.).

Ныне я рад, что через Вас получил весточку о Хакасии и о Катанове.

P.S. Ещё до вашего письма, я получил известие о том, что будет доклад о Катанове, сообщение получил от жены проф. Никольского (из Казани) и от сыновей Анны Николаевны Катановой.

*Эпчелей**

*НАРХ. Ф. 588. Оп.1. Д 106. Л. 10–11;

Сохранены орфография и пунктуация автора письма.

Дадим комментарии к некоторым выдержкам из письма:

– *«Закончу свои воспоминания к середине ноября».*

Воспоминания Барашкова о Катанове (Сборник материалов и сообщений, Абакан, 1958 г.) дают широкую возможность читателям познакомиться с жизнью выдающегося хакасского ученого. Журналист сообщил и ввел в научный оборот многие ранее неизвестные факты его биографии. Исследователи, которые писали и

пишут о Катанове, широко используют в своих трудах воспоминания Барашкова. По жанру – это художественное публицистическое сочинение в форме очерков. Очерк состоит из десяти маленьких разделов, которые повествуют о следующих страницах его биографии: исторические картины села Аскиз и аскизской земли (описание памятников и памятных мест); образы значимых людей в воспоминаниях ученого; характеристика Николая Катанова как личности; краткие сообщения автора о себе (факты о встречах журналиста с Н. Ф. Катановым на аскизской земле и в городе Казани, деятельность журналиста в городе Новосибирске).

– *«В перерыве нашей связи не обвиняйте меня».*

Из письма видно, что между писателем Н. Г. Доможаковым и его земляком И. Барашковым существовала определенная связь, которая была прервана в определенные годы в связи с негативной характеристикой творчества Н. Ф. Катанова в советское время.

– *«...Вынуждены были хотя бы на время сменить вехи».*

Речь, по-видимому, идет о примечании Н. Г. Доможакова к статье Н. А. Баскакова: «Н. Ф. Катанов был монархистом по убеждениям, реакционером в науке (см. Записки ХакНИИЯЛИ. 1951, вып. 2. с. 93).

– *«Хочу теперь для областной газеты предложить ряд очерков».*

Статьи Барашкова: «Русские учителя в Хакасии до революции», «Хакасы на сельскохозяйственной выставке 1923 года», «Крещение хакасов и т. д.» – находятся в Рукописном отделе ХакНИИЯЛИ (фонд 477). Они так и не были опубликованы в периодической печати. Очерк И. Барашкова-Эпчелей «Тимофей Бондарев» опубликовано в журнале «Сибирские огни» (1958, № 5).

– *«Эпчелей».*

Свои статьи и корреспонденции в газетах и журналах досоветского и советского периода Барашков подписывал «И Барашков», «И. Барашков-Эпчелей», не указывая своего отчества. В метрической книге Аскизской православной церкви указано, что его отец Евгений, но отчество «Евгеньевич» он нигде не применял. В исто-

рико-краеведческой литературе его часто называют Иваном Васильевичем, при этом опираясь на некоторые архивные документы. В силу этого автор статьи не употребляет отчество Ивана Барашкова. Псевдоним «Эпчелей» связан с некоторыми, пока необъяснимыми фактами из его биографии. Автор стал им подписываться после того, как он покинул пределы Хакасии.

Современник Николая Федоровича Катанова – Иван Барашков-Эпчелей является достойным сыном хакасского народа.

В заключение необходимо сказать, что о значимости личности Н. Ф. Катанова, его вклада в различные отрасли научных знаний сказано много. Приведем оценку его творчества в статье патриарха хакасской истории, профессора С. П. Ултургашев. «Н. Ф. Катанов, будучи выходцем из хакасского народа, не принадлежит только ему. Его именем и трудами может гордиться весь народ Республики Хакасия, могут гордиться красноярцы, где он получил гимназическое образование, может гордиться Санкт-Петербург, который дал ему основательную научную подготовку, может гордиться Казань, где протекала основная его научно-педагогическая деятельность, может гордиться российское востоковедение»²². Несколько слов о статусе ученого. Чаще всего в научной литературе его характеризуют как «всемирно известный российский ученый-востоковед, выдающийся исследователь тюркских языков, профессор университета и Духовной академии Казани». Редко кто из исследователей использует термин «путешественник». А ведь Н. Ф. Катанов – великий исследователь-путешественник. Он, наряду с другими великими путешественниками России, оставил свой след в изучении истории и культуры Центральной Азии. В научной литературе констатируется, что Н. Ф. Катанов, действительный статский советник, имеет многие правительственные награды, в том числе и орден Святого Владимира 4-й степени. Констатируется, но не разъясняется. Награды и звания свидетельствуют о его заслугах перед Россией. Действительный статский советник. В царской армии этот чин соответствовал воинским званиям «генерал-майор», «контр-адмирал». Этот гражданский чин давал человеку право на звание потомственного дворянина.

Чины и звания давались людям, которые имели высокие заслуги перед Отечеством.

Гуманист, человек, который любил свой народ, любил Россию, Н. Ф. Катанов ратовал за

взаимопонимание и взаимоуважение русского и хакасского этносов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гордлевский, В. А. Памяти Н. Ф. Катанова, 1862–1922 // *Новый Восток* – 1922. – Кн.1.– С. 448–451; Гаффаров, Ахад. Николай Федорович Катанов (к годовщине со дня смерти) // *Магариф*. – 1923. – № 3–4. – С. 71–75.
2. Самойлович, А. Н. Памяти Н. Ф. Катанова // *Восток*. – 1922. – Кн.1. – С. 104–105.
3. *Записки ХакНИИЯЛИ*. – 1951. – Вып 2. – С. 93; Львова, Н. Э. Свяшский разгром // *Красная Татария*. – № 153. – 1933. 2 июня; Катанов Н. Ф. // *Большая Советская Энциклопедия*. – М., 1937. – Т 31. – С 735.
4. Кокова, И. Ф. Н. Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. – Абакан, 1993. – С. 112.
5. Малов, С. Е. Н. Ф. Катанов, профессор Казанского университета (1962–1922) // *Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения*. – Абакан, 1958. – С. 48.
6. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ) Ф.588. Оп. 1. Д. 106.
7. Доможаков, Н. Г. Николай Федорович Катанов // *Н. Ф. Катанов. Материалы и сообщения*. – Абакан, 1958. – С. 3.
8. Иванов, С. Н. Николай Федорович Катанов (1862–1922). Очерк жизни и деятельности. – М.-Л., 1962.
9. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. – Казань – Абакан, 2008–2009. – С. 3–5; *Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение. материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова, 22–24 мая 2002 г.* – Абакан, 2003. – 272 с.; Султанбаева, К. И. Педагогическая система Николая Федоровича Катанова. – Казань, 2006. – 118 с.
10. Ултургашев, С. П. Звезда мировой величины: сборник докладов. – Абакан, 1993.
11. В 1968 г. Хакасское отделение Красноярского книжного издательства выпустило книгу для школ Хакасии: Сунчугашев Я. И. Краткие очерки по истории Хакасии: пособие для учителей. – Абакан, 1968. В этом первом краеведческом пособии история хакасского этноса не освещалась. В 1959 году вышла книга-сборник «В помощь учителю истории: методический сборник» // ред. коллектив Г. Д. Вигель, В. В. Зубарев, В. Г. Карцов. – Абакан, 1959. В данной книге история хакасского этноса также не рассматривалась.
12. Иванов, С. Н. Указ. соч. – С. 90–93.
13. Николай Федорович Катанов. Автобиография и библиография / И. Л. Кызласов. – Москва – Абакан, 1997.
14. Потапов, Л. П. Происхождение и формирование хакасского народа. – Абакан, 1967.
15. Потапов, Л. П. Указ. соч. – С. 278.
16. Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958.
17. Махно, Ю. К. Хакасский журналист И. В. Барашков-Эпчелей и его воспоминания // *Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ.-й конф., посвящ. 10-летию образования Республики Хакасия. (23–24 июля, 2011)* – Абакан, 2011. – С. 58–68.
18. Барашков-Эпчелей, И. Катанов Н. Ф. // *Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения*. – Абакан, 1958. – С. 124–167.
19. ГУРХ НАРХ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.
20. ГУРХ НАРХ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 106. Л. 4.
21. ГУРХ НАРХ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 106. Л. 9.
22. Ултургашев, С. П. *Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Междур. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова. 22–24 мая 2002 г.* – Абакан, 2003. – С. 20.

Раздел II. НАСЛЕДИЕ Н. Ф. КАТАНОВА: ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

А. С. КЫЗЛАСОВ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ТРУДАХ Н. Ф. КАТАНОВА КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Великий сын хакасского народа, выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1888), зав. кафедрой турецко-татарской словесности, профессор Казанского университета Н. Ф. Катанов (1894–1922) – один из ярких и колоритных национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры XIX–XX вв.

Этапы его творческой биографии и огромное научное наследие для нас представляются интересными, яркими и поучительными.

Сегодня развиваются разноплановые исследования катановского наследия, биографии, роли ученого в истории отечественной тюркологии и культуры народов России. Современные публикации сформировали качественно новый исследовательский этап изучения биографии и наследия Н. Ф. Катанова.

В целом внимание исследователей было сконцентрировано на публикациях разнообразных оригинальных текстов Н. Ф. Катанова и архивных документов. В изучении биографии и наследия ученого представлены также прикладные аспекты – языкознание, фольклористика, музейное дело, библиография и др. Эти материалы позволяют более объективно и комплексно оценить место тюрколога в истории российской науки и культуры рубежа веков, обозначить дальнейшие направления академического изучения наследия и судьбы ученого¹.

Н. Ф. Катанов в научных экспедициях по Сибири собирал материалы по различным местным наречиям, в том числе диалектные материалы хакасского языка. В сборнике научных работ «Н. Ф. Катанов. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях». (Абакан, 2004) содержатся лексические материалы по результатам поездки ученого по местам проживания

сагайцев, качинцев, койбал, бельтыр и других носителей местных диалектов².

В работе «Письма из Сибири и Восточного Туркестана» Н. Ф. Катанов приводит хакасско-русский словарь заимствованных слов. Как подчеркивает автор работы, всего тюркских слов в настоящем перечне, с повторениями в разных наречиях – 307; русских же слов: имен – 63 и нарицательных – 201 (264)³. Он также отмечает, что в наречии татар, живущих по русскому тракту (Минусинск, Каптырево, Означенная, Бейское, Табат, Таштып), сильно заметно влияние русского языка, сказавшееся преимущественно в заимствовании русских неизменяемых частиц (наречий, союзов и междометий). Точно такие же процессы ученым были зафиксированы не у одних сагайских татар, но и других тюркских племен, как то: бельтыров (пелтір), карагасов (туба), качинцев (хааш), джунгарских киргизов (казах). Слова, заимствованные перечисленными 5 племенами, Катанов разделил на два разряда: собственные и нарицательные имена. Эти записи датируются 23 февраля 1891 г., когда Николай Федорович, проезжая по местам проживания названных племен, записал их из уст носителей вышеперечисленных наречий. В записях В. В. Радлова, сделанных за 30 лет до поездки Н. Ф. Катанова, русские слова попадались только изредка, Катанов же записал русских слов гораздо больше. Но все еще невозможно утверждать, что минусинские татары обрусели хотя бы наполовину, ибо русский язык оказал влияние преимущественно на степных обитателей, вращающихся постоянно среди русских.

Н. Ф. Катанов изложил заимствованные из русского языка слова в алфавитном порядке. Эти слова не вытеснили собою тюркские, они употребляются, наряду с исконными, часто даже рядом,

например: *изен* – *торооба* (здравствуй), *сакна* – *пöрик* (шапка) и т. д. Перейдем к перечню заимствованных русских слов. Здесь можно выделить следующие лексико-тематические группы:

1) собственные имена: *Абрам* – Авраам, *Арkip* – Архип, *Ибан* – Иван, *Илке* – Илька, *Педот* – Федот, *Пайса* – Вася и др.;

2) бытовая лексика: *испичке* – спичка, *нитке* – нитка, *пес* – печь, *пылат* – платок, *шаль*, *сібечі* – свеча, *ылакан* – лохань и др.;

3) географические названия: *Тобыл* – река Тобол, *Том-тура* – г. Томск, *Ачыг корат* – г. Ачинск и др.;

4) названия религиозных верований: *аркалай* – архиерей, *кірес* – крест, *кірестийен* – христианский, *обырас* – образ, икона, *Петрон* – Петров день, *сібетой* – святой и др.

Хакасские слова, заимствованные из русского языка, в основном записаны так, как они произносились носителями, то есть Н. Ф. Катанов использовал фонетический принцип письма. К примеру, *аңмар* – амбар (саг.), пример: *чис аңмарлыг* (саг.) – имеющий (ая) медный амбар; *испичке* – спичка, вешалка (саг., бельт.), примеры: *испичкеде іл салган мылтых* (бельт.) – ружьё, повешенное на вешалку; *испичке іл полбадым* (саг.) – я не мог повесить на вешалку; *кімел* – хмель (качин.), пример: *пайаагы кімелің мында нооза* (кач.) – вот ведь давешний твой хмель⁴. Такой же принцип письма использовался в первое время, когда была организована ликвидация неграмотности среди хакасского населения в 20-х гг. XX в.⁵ Оформление слов на письме таким образом способствовало лучшему усвоению иноязычных слов. И заслуга Н. Ф. Катанова состоит в том, что ему удалось точно передать произношение русских слов носителями разных хакасских и других наречий. Этому он учился у своих первых наставников. Вспоминая годы учебы, он писал: «Н. М. Ядринцев вдохновлял меня к исследованию быта и истории инородцев; Г. Н. Потанин – к записям произведений народного творчества по строго определенной системе с целью выяснения общих мотивов и черт и заимствований; В. В. Радлов наставлял к точной записи произведений словесности с целью определения, так сказать, родства и свойства разных инородческих наречий и языков, а

Э. Ю. Петри убеждал в необходимости предварительного изучения европейских авторов, писавших об инородцах»⁶.

Словарь дает нам возможность увидеть социальные изменения в жизни местных жителей. По этим лексическим материалам можно проследить появление новых предметов быта в жизни аборигенов Сибири. Возьмем для примера такие слова: *йабылах* – яблоко, картофель; также: *йааблах*, *чааблах* (саг.), пример: *йабылахтаң төреен* (саг.) – родившийся от картофелины; *кереп* – корабль (саг.), пример: *кереп пүдирче* (саг.) – (он) строит корабль⁷. Хотя слово *яблах* появилось в хакасском языке с внедрением в пищевой рацион *картофеля*, и связано оно ассоциативной связью с *яблоком*. Слово *кереп* на первый взгляд исконно хакасское, а на самом деле его облик связан с артикуляционной базой носителя языка. В то время носители диалектов не могли выговорить русское слово *корабль*, так как стечение согласных не характерно для хакасских слов. Чтобы произносить русские слова, между согласными вставлялись гласные звуки, как-то: *кімел* – хмель (качин.), пример: *пайаагы кімелің мында нооза* (кач.) – вот ведь давешний твой хмель; *кінес* – князь; родовой староста (саг., бельт.), пример: *албанны кінезіне апарчаң* (бельт.) – (он) носил подать своему князю (родовому старосте).

Отдельно следует выделить заимствованные слова, которые как бы заменили существующие аналогичные диалектные слова с таким же значением, например: *колоба* – голова (саг.), пример: *отыс колоба сахыр* (саг.) – тридцать голов сахара; *курка* – курица (кач.), пример: *курканың нымырхазы* – куриное яйцо; *педіре* – ведро (кар.), пример: *арага үш педіре полур* – вина будет три ведра; *пербей* – первый (в офиц. названиях), сравн. *оптороой* (саг.); *сакна* – шапка; также: *сахна* (саг., кач.); *собака* – собака (саг., кач.), пример: *собаканы чоо согарга (керек)* (кач.) – (надо) убить собаку; *теремне* – деревня; село (кар., бельт.), примеры: *онаң теремне чазалган* (кар.) – потом основались деревни; *пір теремне урунчых* (бельт.) – встретила одна деревня; *пылаа тэрэмнэ полур* (кар.) – тут будут деревни; *тороба* – здорово, здравствуй (саг.)⁸. Приведенные примеры являются ярким свидетельством того, как русский язык влиял на устную речь

носителей хакасских наречий. Это не значит, что сами носители языка забыли исконно тюркские слова. Причина таких языковых явлений кроется в новой языковой среде, которая образовалась после переселения русскоязычного населения на территорию Хакасии. Русскоязычная среда способствовала тому, что местные жители, сами того не замечая, перестали употреблять в повседневном общении знакомые им с детства слова.

Наряду с влиянием русского языка, продолжался процесс взаимовлияния диалектов. Материалы и исследования Н. Ф. Катанова свидетельствуют: хакасские диалекты в конце XIX в. в основном были смешаны между собой и между ними не было столь больших лексико-грамматических различий. Языковая общность к тому времени достигла значительного развития. Существование языковой общности подтверждается тем, что одной из характерных грамматических особенностей хакасского языка, которой этот язык отличается от близкородственных языков, является образование грамматических форм с нейтральным гласным «и», например: *ойна*→*ойнир* «будет играть», *толга*→*толгир* «будет скручивать».

Наряду с общими смешениями диалектов, шел значительный процесс ассимиляции мелких диалектов более крупными, в результате чего в конце девятнадцатого столетия в хакасском языке образовались две основные близкие друг к другу диалектные группы: качинско-койбальская и сагайско-бельтырская.

Существование двух указанных групп особенно подчеркивалось Н. Ф. Катановым. Основные различия он находил между ведущими диалектами – сагайским и качинским. По мнению Н. Ф. Катанова, эти различия сводились к четырем признакам:

- а) к различию ударения в окончании дательного падежа;
- б) к различию аффиксов совместного падежа;
- в) к озвончению и неозвончению начальных и конечных глухих согласных под влиянием соседних звонких звуков;
- г) к различию форм соединительного деепричастия.

По остальным грамматическим признакам эти два диалекта, по мнению Н. Ф. Катанова, в основном сходны между собой⁹.

Незначительные различия между двумя ведущими диалектами свидетельствовали об ассимиляции ими койбальского и бельтырского диалектов, о процессах нивелировки между качинским и сагайским диалектами.

В записях Н. Ф. Катанова целый ряд фонетических, грамматических и лексических особенностей, свойственных каждому диалекту в отдельности, часто совпадает. Такое положение диалектов объясняется тем, что Н. Ф. Катанов качинские тексты записывал в долине реки Абакан и ее притоках, т. е. в районах смешанного проживания качинцев и сагайцев, где сильно сказывалось взаимовлияние двух диалектов. Ряд других особенностей качинского диалекта, которые наблюдаются в районах компактного проживания качинцев (Ширинский и Орджоникидзевский районы), остались вне поля зрения выдающегося исследователя тюркских языков.

Современные исследования подтвердили то, что в хакасских диалектах имеется еще целый ряд различий. Они зафиксированы также внутри одного и того же диалекта. Это свидетельствует о существовании внутри диалектов территориальных поднаречий – говоров¹⁰.

Особенности диалектов качинцев и сагайцев можно наблюдать в фольклорных материалах, собранных Н. Ф. Катановым в экспедициях по Хакасии. Записи фольклора им проводились с соблюдением диалектных особенностей речи качинцев, сагайцев, койбалов и др. В то же время он параллельно давал переводы хакасских текстов на русский язык. Н. Ф. Катановым в научный оборот введены все жанры хакасского фольклора: три богатырские поэмы, 50 образцов различных видов сказок, десятки мифов-быличек, преданий (кип-чоохов), множество лирических песен-тахпахов, а также пословицы, поговорки, загадки, заклинания¹¹.

В книге «Хакасский фольклор» (тексты взяты из книги «Образцы народной литературы тюркских племен». Ч. IX. СПб., 1907) под общей редакцией кандидата филологических наук П. А. Троякова изданы фольклорные тексты хакасов¹². Она состоит из оригинального текста на

хакасском языке, а вторая часть ее составляет перевод хакасских текстов на русский язык. В этой книге представлен фольклорный материал, собранный Н. Ф. Катановым в прибрежных улусах реки Абакан, по преимуществу в ее левобережной части. Этим объясняется преобладание в ней охотничьих сказок и преданий о происхождении родов бельтыров и сагайцев. Устное творчество других групп хакасского населения (кызыльцев, качинцев северной части Хакасии) в книге отсутствует. Несмотря на это, книга дает яркое представление о наиболее характерных образцах хакасских пословиц и поговорок, песен, сказок и преданий, за исключением богатырских сказаний. Читая эти подлинные народные произведения, можно получить представление о художественном своеобразии фольклорных произведений и прежде всего о людях, их создавших, о характере их занятий, о социально-бытовых взаимоотношениях, о мировоззрении народа, о нескончаемой борьбе народа с силами природного характера¹³.

Записи Н. Ф. Катанова свидетельствуют о том, что устная литературная форма хакасского языка уже была сформирована и в различных жанрах устного творчества хакасского народа изображено его духовное мировоззрение, например:

12) *Алгыс*: Хара пазың хазарғанча чөр!
Хасха тізің сарғалғанча чөр!

Париғанның пазы пол!
Килигеннің кічии пол!¹⁴

12) *Благословение*:

Живи до тех пор, пока черная голова твоя не поседеет!

Живи до тех пор, пока зубы твои не пожелтеют!
Над теми, кто уходит, будь старшим!

У тех, кто приходит, будь младшим!¹⁵

11) Сарын: Хазын ағасха пағарға
Хатығ туйғахтығ аң кирек!

Халых чоннаң чоохтазарға
Хатығ наахтығ ир кирек!¹⁶

11) *Песня*: Чтобы залезть на дерево березу,
Зверь должен иметь твердые когти!
Чтобы разговаривать со всем народом,
Надо иметь крепкие щеки!¹⁷

Данные тексты в основном были записаны от представителей сагайского диалекта. И теперь можно определенно сказать, что устная форма литературного языка хакасского народа была сформирована в конце XIX в. в разнообразных формах и жанрах фольклора в языковой среде качинцев и сагайцев. Именно эти две этнические группы послужили основой к тому, чтобы в 20-х гг. XX в. возникла необходимость создать письменность для такого немногочисленного народа, как хакасы. И язык фольклора следует рассматривать как непосредственный источник обогащения современного хакасского литературного языка. При этом такую функцию языка фольклора нужно связывать с его особым статусом в системе форм существования хакасского языка в целом. Прежде всего следует предполагать, что рассмотрение языка фольклора в его отношении к современному литературному языку связывается с определением его места в системе хакасского языка.

В целом лексические материалы, собранные и опубликованные Н. Ф. Катановым, служат бесценным источником пополнения лексического строя современного хакасского языка. Они являются той духовной базой, откуда можно постоянно черпать вековую мудрость хакасского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии / Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова и др. – Казань–Абакан, 2008–2009. – С. 3–9.
2. Катанов, Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков. – Абакан, 2004. – 260 с.
3. Катанов, Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана [Текст] / Н. Ф. Катанов // Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков – Абакан, 2004. – С. 65.
4. Катанов Н. Ф. Указ. соч. – С. 49–51.
5. Патачакова, Д. Ф. Установление орфографических норм хакасского языка [Текст] / Д. Ф. Па-

- тачакова // 40 лет хакасской письменности. – Абакан, 1967. – С. 29–37.
6. Катанов, Н. Ф. Предания присаянских племён о прежних делах и людях / Н. Ф. Катанов // Записки Русского Географического Общества: сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. – 1909. – Т. XXXIV. – С. 266.
 7. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 50–51.
 8. Там же. – С. 49–65.
 9. Бабушкин, Г. Ф. Очерки сравнительного описания хакасских диалектов / Г. Ф. Бабушкин // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1953. – С. 17.
 10. Кызласов, А. С. Формирование национальных норм хакасского литературного языка. – Абакан, 2009. – С. 18.
 11. Унгвицкая, М. А., Майногашева, В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан, 1972. – С. 23–24.
 12. Катанов, Н. Ф. Хакасский фольклор / Н. Ф. Катанов. – Абакан, 1963. – 164 с.
 13. Там же. – С. 4.
 14. Там же. – С. 14.
 15. Там же. – С. 91.
 16. Там же. – С. 51.
 17. Там же.

В. В. СУБРАКОВА

Н. Ф. КАТАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФОНЕТИКИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Первые сведения о хакасских диалектах и об их фонетике содержатся в дореволюционных источниках, прежде всего в работах М. А. Кастрена, В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова.

М. А. Кастрен в работе «*Versuch einer koi-balischen und karagassischen Sprachlehre*»¹ описал койбальский диалект хакасского языка; в разделе «Фонетика» им выявлен состав гласных и согласных звуков диалекта.

Следующим по времени исследователем фонетики хакасских диалектов является В. В. Радлов², впервые в истории тюркологии представивший полную классификацию звукового состава тюркских языков³.

Одним из наиболее известных представителей дооктябрьского хакасоведения является Н. Ф. Катанов.

Николай Федорович Катанов происходил из абаканских инородцев, из племени сагай. Сначала Н. Ф. Катанов учился в Аскызском одноклассном училище, затем в Красноярской классической гимназии. Уже во время учебы в средней школе он начал интересоваться своим языком и делать записи произведений народной словесности своих сородичей⁴.

Его интерес к изучению родного края, появившийся еще в детские годы, проходит через всю его научную жизнь. Уже в годы учебы в гимназии, следуя советам своего учителя А. К. Завадского-Краснопольского, а также известного тюрколога В. И. Вербицкого, Н. Ф. Катанов начинает

собирать фольклорные тексты своего народа. О серьезном подходе к делу свидетельствует то, что его гимназическая работа, в которой он описывал шаманский бубен, вышла в книге Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии»⁵.

Н. Ф. Катанов прошёл серьёзную филологическую школу под руководством крупнейших тюркологов второй половины XIX в. Непосредственным учителем его на Восточном факультете Петербургского университета был И. Н. Березин, но «истинным его руководителем» был В. В. Радлов, у которого в домашних условиях Н. Ф. Катанов с 1885 г. изучал фонетику тюркских языков, которую он называл новой точной наукой, и получает здесь те сведения, которых не мог получить больше нигде⁶. Особая роль В. В. Радлова в формировании Н. Ф. Катанова как исследователя тюркских языков несомненна. Она сказывается и в общей направленности лингвистических изысканий Н. Ф. Катанова (преимущественное изучение тюркских языков Сибири), и в интересе к сравнительной грамматике тюркских языков. Это влияние признавал и сам Н. Ф. Катанов, он видел в трудах учителя «наглядные и правильные образцы того, как должен быть по настоящему изучаем язык и сам по себе и в сравнении с другими, ему родственными»⁷.

Его опубликованный труд «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня»⁸ вошел в золотой фонд миро-

вой тюркологии. Содержание и структура этого труда показывает, что в основу работы Н. Ф. Катанов положил те принципы, в научной разработке которых он усматривал главную заслугу В. В. Радлова. В этой работе автор сопоставляет звуки и формы урянхайского языка со звуками и формами других тюркских или турецко-татарских наречий. Также в ней есть не только грамматический очерк, но и тексты с переводами и словарь. Крупный тюрколог Н. К. Дмитриев оценил «Опыт...» как «колоссальный справочник по всем тюркологическим материалам» к началу XX в.⁹ Благодаря этой работе он стал известным на весь мир, а также она прославила русскую тюркологическую науку¹⁰.

Не менее важное значение для изучения истории хакасского языка и его диалектов имеет работа «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов в IX томе образцов серии В. Радлова».

Трудолюбивый, энергичный Н. Ф. Катанов не был кабинетным учёным. Его тянули полевые исследования живого и оригинального материала, добытого собственными усилиями, а не через вторые руки¹¹. Когда ездил по Китаю, он писал в своем отчете: «Грамматические особенности исследованных мною четырех тюркских наречий Северо-Западного Китая, стихосложение в этих наречиях и фонетика исследованы мною со всеми мельчайшими подробностями»¹². Исследуя тюркские наречия, он отметил, «что наречия эти в фонетическом отношении почти сходны. Разница заключается лишь в большем или меньшем количестве китайских и монгольских слов». И в этой работе он пометил лишь некоторые особенности в фонетике и транскрипции наречий китайских татар¹³. Используя разработанную для тюркских языков академическую систему транскрипции О. Н. Бётлингга и В. В. Радлова, Н. Ф. Катанов записывал тексты фольклора, устную разговорную речь с одинаковой максимальной точностью, близко к произношению информаторов, отражая все диалектные особенности языка. Поэтому он всегда старался собранные и проверенные тексты передать в точной фонетической транскрипции, которые были приняты в те времена в трудах Академии Наук.

Эта точность в передаче «живого» языка информаторов выделяет его труд из всей массы как предшествовавших ему, так и последующих за ним публикаций текстов хакасских сказок, преданий и т. п., безусловно, может служить достоверным источником в изучении языка¹⁴.

Н. Ф. Катанову свойственен новаторский подход к изучению избранного объекта, в ряде отраслей тюркологии он выступил первопроходцем, прокладывая новые пути в науке. И важно отметить, что он вместе со своим учителем, академиком В. В. Радловым, является основоположником сравнительно-исторического исследования тюркских языков. Он положил начало изучению многих тюркских языков, в том числе и своего родного, хакасского, языка. И надо отметить, что только человек, в совершенстве владеющий языком и хорошо вооруженный теоретическими знаниями, мог выполнить такую работу на высоком научном уровне.

Немалый интерес представляет рукописная работа Н. Ф. Катанова, написанная им ещё в годы учебы в Красноярской гимназии и посвященная грамматике сагайского диалекта – одного из ведущих диалектов современного хакасского языка. В предисловии к грамматике Н. Ф. Катанов пишет: «Предлагаемая мною грамматика есть руководство к правильному пониманию и употреблению в разговоре слов, входящих в состав сагайского наречия... Единственным моим желанием и целью было то, чтобы облегчить русским изучение сагайского наречия, а миссионерам – дать небольшое руководство при переводе богослужебных книг на инородческий язык. На сколько я в этом успел, представляется судить каждому!»¹⁵ На самом деле грамматика Катанова перерастает за рамки поставленной автором задачи. Она оказалась первой научной работой по хакасскому языку и, к сожалению, осталась неизданной¹⁶. Машинописная копия рукописи в настоящее время хранится в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В первой части этой работы описаны фонетика, морфология и синтаксис; во второй части приведены тексты для чтения и упражнения, а также краткий сагайско-русский словарь.

В разделе, посвященном фонетике сагайского диалекта, характеризуется звуковой состав, описывается произношение гласных и согласных¹⁷. Для обозначения звуков Н. Ф. Катановым используется 31 знак, называемые буквами: а, ä, б, б̂, г, г̂, д, е, з, и, и̂, й, і, к, к̂, л, м, н, н̂, о, ј, п, р, с, т, у, е, х, ч, ч̂, ы. Далее буквы делит на гласные, согласные и полугласные.

Согласные буквы по четырем органам произношения (гортани, губ, зубов и нёба) делятся на: 1) гортанные: г, к, г̂, к̂, х, из которых три последние употребляются у всех тюркских племен; 2) губные: б̂, б̂, м, п; 3) зубные: д, з, с, т, ч, ч̂; 4) нёбные: л, н, р.

Гласных звуков – одиннадцать: а, ä, е, и, и̂, і, о, ј, у, е, ы; согласных – восемнадцать: б̂, б̂, г, г̂, д, з, к, к̂, л, м, н, п, р, с, т, ж, ч, ч̂; полугласных – один звук: й.

В алфавите Н. Ф. Катанова стоят рядом два согласных звука «б̂». Автор отмечает, что согласный б̂ произносится как нечто среднее между б̂ и в, но ближе к в, или между б̂ и ф̂, но ближе к ф̂, например: «*павам* (мой отец), *тавар килифст!* (пришел)». Подобное произношение звука «б̂» характерно и в наше время почти во всех диалектах современного хакасского языка, например: «*парчавыс, килчевіс, паріфсты, чөріфсті* и т. д. вместо *парчабыс, килчебіс, парыбысты, чөрібісті*». В сагайском диалекте чистых звуков б̂ д и х нет, только в качинском имеются звуки б̂ д, как и в русском языке, например: *бала* 'ребенок', *бозым* 'сам=я' – у качинцев, тогда как сагайцы говорят *пала* и *позым*. Кроме того, и сагайцы, и качинцы русский х произносят с придыханием: вместо х в начале слова они произносят к с придыханием, например: *калат* 'халат', *корошо* 'хорошо'. Вместо русского ц сагайцы произносят с: *сыган* 'цыган', *сарь* 'царь'; вместо «ж» и «ш» произносят «з» и «с», например: *залко* 'жалко', *салун* 'шалун'; вместо русского «в» и «ф» произносят «б̂», «б̂» и «п», например: *Пасилай* 'Василий', *тоб̂ арыс* 'товарищ' и т. д.

Гласные звуки Катанов подразделяет на твердые (а, о, у, ы), мягкие или смягченные (ä, ё, и, і, ј, е, и)¹⁸.

Гласные буквы подразделяются еще на долгие и короткие. Долгие гласные Катановым выделены как самостоятельные фонемы. Широкие «о»

и «ј» в материалах Катанова везде сохраняются. У современных сагайцев наблюдается переход широких «о» и «ј» в «у» и «е».

Также в своей работе ученый попробовал выявить особенности сочетаемости согласных в данном наречии. При скоплении согласных рядом встречаются только: б̂, д, п, г, з, с̂, р, л, м, н, н̂, например: *абдра* – шкатулка, *прай* – весь, *азнар* – отворяйте, *ылга* – плачь, *амза* – пробуй и т. д., твердые же согласные буквы соединяются только с твердыми: *тапсаба* – молчи, *кыпты* – ножницы, *ыстан* – штаны¹⁹.

Труд «Грамматика сагайского наречия татарского языка», который был выполнен на хорошем научном уровне, и по сей день имеет большое значение для современных исследователей-тюркологов. И, как верно отметила О. В. Субракова, «если бы эта работа была издана своевременно, она могла стать первой грамматикой хакасского языка: сыграла бы важную роль в общественной и культурной жизни хакасов, а также способствовала значительному расширению общественных функций хакасского языка»²⁰.

М. А. Кастрен, В. В. Радлов и Н. Ф. Катанов собрали сведения о звуковом составе отдельных наречий хакасского языка и объяснили некоторые их фонетические особенности. Однако полного научного освещения вопросы фонетики хакасского языка в то время не получили.

В настоящее время продолжают исследования по фонетике современного хакасского литературного языка: диалекты и говоры (подготовки) описываются с использованием современных объективных экспериментально-фонетических методов. Особенно остро задача сохранения и изучения лингвистических данных стоит перед фонетистами, поскольку выявить особенности артикуляционно-акустической базы этноса можно лишь при наличии носителей данного языка, диалекта или говора. Как верно подметил Н. Ф. Катанов, «необходимо прежде всего изучить разговорный язык простого народа, живя с этой целью непременно среди инородцев, и затем только приняться за изучение письменного языка, – чтобы и отдельными словами, и целой речи уметь придавать правильные формы»²¹. И Н. Ф. Катанов понимал это, поэтому записывал тексты фольклора, устную разговорную речь с

одинаковой максимальной точностью, близко к произношению информаторов, отражая все диалектные особенности языка. Н. Ф. Катанов со своим учителем, академиком В. В. Радловым,

является основоположником сравнительно-исторического изучения тюркских языков, и мы продолжаем заложенные этими блестящими учеными традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Castren, M. A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. – SPb., 1857.
2. Radloff, W. Phonetik der Nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1882.
3. Чанков, Д. И. Н. Ф. Катанов – исследователь хакасского языка // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Вып. X. Серия филологическая. – Абакан, 1964. – С. 94–99.
4. Малов, С. Е. Н. Ф. Катанов проф. Казанского университета (1862–1922) // Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958. – С. 34.
5. Торбостаев, К. М. Н. Ф. Катанов – исследователь прошлого хакасского народа // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Междунар. научн. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова, 22–24 мая 2002 г. – Абакан, 2003. – С. 241.
6. Иванов, С. Н. К характеристике лингвистического наследия Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», Казань, 1903 // Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958 – С. 54.
7. Там же. – С. 55.
8. Катанов, Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903.
9. Иргашева, Т. Г. Н. Ф. Катанов – учитель и ученик // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение. – Абакан, 2003. – С. 208.
10. Иванов, С. Н. К характеристике лингвистического наследия Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», Казань, 1903 // Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958. – С. 65.
11. Доможаков, Н. Г. Николай Федорович Катанов // Н. Ф. Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан, 1958. – С. 17.
12. Угдыжеков, С. А. Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. – Абакан, 2004. – С. 25.
13. Там же. – С. 89.
14. Торокова, Е. С. «Образцы народной литературы тюркских племен», собранные Н. Ф. Катановым, как источник изучения сказочного фольклора хакасов // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы Междунар. научн. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова, 22–24 мая 2002 г. – Абакан, 2003. – С. 194.
15. Катанов, Н. Ф. Грамматика сагайского наречия татарского языка, Красноярск, 1884 // Рукописный Ф. Я-4. Оп. 1. Д. 300.
16. Субракова, О. В. Отражение сагайского диалекта хакасского языка в материалах Н. Ф. Катанова и данные о его современном состоянии // Катановские чтения. – Казань, 1998. – С. 101.
17. Катанов, Н. Ф. О звуках сагайского диалекта // Хакас тілінің диалекттері. – Абакан, 1973. – С. 67–79.
18. Катанов, Н. Ф. Грамматика сагайского наречия татарского языка. – Красноярск, 1882 // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. Я-4. Оп. 1. Д. 300. Ч. II. – С. 16.
19. Там же. – С. 18.
20. Субракова, О. В. Отражение сагайского диалекта хакасского языка в материалах Н. Ф. Катанова и данные о его современном состоянии // Катановские чтения. – Казань, 1998. – С. 106.
21. Катанов, Н. Ф. Татарский язык (сагайское наречие). Грамматика (этимология и синтаксис). – Красноярск, 1882 // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. Я-4. Оп. 1. Д. 300.

ДВУСЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РАБОТЕ Н. Ф. КАТАНОВА «ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК (САГАЙСКОЕ НАРЕЧИЕ)»

Первая часть работы Н. Ф. Катанова «Татарский язык (сагайское наречие)» включает в себя «Граматику (этимология и синтаксис)», вторая часть посвящена сборнику примеров и сагайско-русскому словарю.

Данный труд содержит более 800 тетрадных страниц. Николай Федорович готовил его во время обучения в Красноярской классической гимназии, закончил в 1884 г.

Работа до сих пор не издана, она имеет неопределенное значение для диалектологии и истории хакасского языка.

Наше исследование посвящено анализу двусложных глаголов, полученных методом сплошной выборки из словарной части упомянутого труда Н. Ф. Катанова, изучались те из них, которые представляли интерес с точки зрения структуры слова и семантики.

В словарной части «Татарского языка (сагайское наречие)» Н. Ф. Катанова¹ представлены двусложные глаголы хакасского языка конца 19-го столетия, большинство из которых дошли до наших дней в **неизменном виде**, например: *таптанарга* «чамкать» – *таптанарга* «прищёлкивать языком и причмокивать губами (*пробуя что-л. на вкус*); шевелить губами» в современном хакасском языке. Некоторые слова в современном хакасском языке **не сохранились**, к примеру: *сыннирга* «наследовать», *тобасха* (упот.-ся только с отрицанием) с в. п. «не слушаться, не повиноваться; не почитать», *тыдынарга* «сместь, осмеливаться», *ўлиргә* «целить», *ўргиргә* (у инородцев по р. Еси и Аскысу) «закрывать глаза, зажмуривать». В других словах произошли **фонетические** или **семантические изменения**, например: в работе Н. Ф. Катанова представлен глагол *көләнаргә* «хотеть; желать» – в современном хакасском языке *көленерге* «1) любить кого-л.; 2) влюбляться в кого-л.; 3) *саг.* в сочет. с *улуғ*: *улуғ көленерге* «важничать»; *өчәзәрге* «капризиться» – в современном *өчезерге* «1) упрямиться; 2) вредничать; зловредничать»; *коды-*

рарга «шарить» – в современном *ходырарга* «1) выдёргивать, вырывать с корнем, выкорчевывать, выкапывать *что-л.*; 2) откалывать, отламывать от чего-л.; 3) вынимать, рыться в чем-л., делать беспорядок; 4) ломать, разрушать что-л.»; *осхырарга* «уськать на кого собак». На наш взгляд, современным хакасским языком этот глагол утерян, сегодня слово обозначает другое: *осхырарга* «спасать, освобождать, избавлять, выручать, уберечь», а значения «1) уськать, науськивать на кого-л. что-л. (*собак*); 2) *перен.* натравливать, подстрекать кого-л. к враждебным действиям» закрепились за словом *уйстирга*, хотя еще в словаре Н. Катанова выпуска 1928 г. этот глагол имелся: *осхырарга* «натравливать (*собаку*), также семантика слова *оглазарга* «откликаться» в современном языке закрепились за лексемой *ўндезерге* «1) подавать голос; отзываться, откликаться; 2) отвечать кому-л. взаимностью», а глагол *оглирга* обозначает в современном хакасском языке «кричать; галдеть (*о детях*)», но в словаре Н. Г. Катанова 1928 г. присутствует *оьлазарһа* «громко кричать друг другу».

При анализе двусложных глаголов использованы материалы словарей по современным тюркским, древнетюркскому и монгольскому языкам. Глаголы представлены в форме инфинитива. Заметим, что в работе Н. Ф. Катанова долгие гласные орфографически не обозначены.

Асханарга

асханарга (хак.) «божиться».

В современном хакасском языке есть слова, которые могут быть использованы для сравнения: *асхын* – «божиться»², *аасхын* – «давать обещание (клятву); божиться»³, *аасхын* – «поклониться, присягнуть, побожиться»⁴. Корнем слова является *аас* (хак.) I «рот, уста»⁵, в древнетюркском языке представлены более ранние формы: *агаз* «рот, уста»⁶, *агыз* «1) рот; 2) отверстие кувшина, сосуда, колодца; 3) устье реки; 4) *перен.* питание, прием пищи; 5) *перен.* уста (*в знач. орган речи*)»⁷. По мнению Б. И. Татаринцева, слово это обще-

тюркское: *авыз*, *а:з* (гаг.), *аас* (тув., шор.) «рот; отверстие; вход», форма *агыз* считается древнейшей. Э. В. Севортян выделяет в *агыз* корень **аг*, который он сопоставляет с кир., ккалп. *аң* «яма», с монг. *аң* «щель, трещина», *аңга* – «зиять». Б. И. Татаринцев считает, что здесь корень должен быть глагольным: **аг-*, **аң-* «быть широко открытым, образовывать щель»⁸.

индиргä (хак.) «ошибиться».

В современном хакасском языке слово отсутствует, имеются производные формы: *индег* «1) ошибка, оплошность; 2) заблуждение»⁹, *индег* «1) урон; 2) ошибка; 3) оплошность, заблуждение»¹⁰. В алтайском языке есть соотносимые формы: *энделер* «ошибиться» и *эндү* «ошибка»¹¹.

Фонетически неизменяющейся частью слова, условным корнем является **инд* / **энд* «нечто, связанное с ошибкой».

сирäнäргä (хак.) «напрягаться, усиливаться».

В современном хакасском языке можно отметить слово *сиренерге* «1) упираться, опираться обо *что-л.*; 2) прислоняться к *чему-л.*; 3) стараться; стремиться к *чему-л.*; 4) получить поддержку от *кого-л.*»¹², более краткая форма зафиксирована в словаре Н. Ф. Катанова: *сирä* «водружай, напрягай»¹³, на наш взгляд, однокоренным можно считать также *сирурге* (*сире-*) «1) подпирать *что-л.*, ставить подпорку; 2) прислонять *что-л.* к *чему-л.*»¹⁴, значение «стараться, напрягаться» в данном слове нивелировалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов, Н. Ф. Татарский язык (сагайское наречие). Ч. 2. Сборник примеров и словарь сагайско-русский. – Красноярск, 1884. – С. 49–181.
2. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006. – С. 84.
3. Там же. – С. 20.
4. Бутанаев, В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – С. 15.
5. Хакасско-русский словарь... – С. 1076.
6. Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 17.
7. Там же. – С. 21.
8. Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2000. – С. 41–42.
9. Хакасско-русский словарь... – С. 126.
10. Бутанаев, В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь... – С. 33.
11. Русско-алтайский словарь. – М., 1964. – С. 453.
12. Хакасско-русский словарь. – С. 480.
13. Катанов, Н. Ф. Татарский язык (сагайское наречие). – С. 120.
14. Хакасско-русский словарь... – С. 480.

Л. А. ШАМИНА

О ПРЕДИКАТИВНОМ СКЛОНЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТРУДАХ Н. Ф. КАТАНОВА

Морфологическую базу бипредикативных конструкций (БПК) составляют деепричастные формы, причастные формы с разными показателями связи (падежи, послелог). Структурные типы БПК задаются тем или иным типом показателя связи (причастно-падежные, причастно-послеложные, деепричастные, с формами косвенных наклонений, союзные).

Как же функционируют, каков механизм действия предикативных единиц в составе БПК?

Грамматический механизм, который определяет возможности использования падежей при конструировании сложных (бипредикативных)

предложений разных структурных и функциональных типов, называют «причастным предикативным склонением»¹.

Склонение причастий обусловлено ролью сказуемого зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) в БПК определенных типов. Предикативное склонение тюркских причастий с морфологической точки зрения является именно склонением причастных форм. Аффикс падежа встраивается в причастную словоформу, занимая в ней определенную линейную позицию.

Е. И. Убрятова называла склонение причастий особым механизмом, отличным от скло-

нения существительных² и особо подчеркивала индивидуальный характер сочетаемости каждого причастия с падежными аффиксами и семантическую специфику причастных форм.

Для нас важным является синтаксический аспект этого явления. С синтаксической точки зрения объектом предикативного склонения является не причастие, а предикативная единица (ПЕ) с причастным сказуемым, принимающим аффиксы падежа. Т.е. речь идет о постановке ПЕ в зависимые синтаксические позиции при помощи падежных аффиксов, которые присоединяются к определенным глагольным формам (причастиям в тюркских языках).

О склонении предложений писали давно. В исследованиях этого направления показано, что данный механизм является принципиально единым для всех языков алтайской типологической общности, и есть основания предполагать, что он представлен и в других агглютинативных языках. Так на материале японского языка это явление исследовано в работе Н. И. Фельдман, которая, развив точку зрения Н. И. Конрада об употреблении управляющих глаголов в отдельных семантических типах сложного предложения, впервые высказала идею склонения предложений в этом языке³.

Н. И. Конрад, выделяя придаточные дополнительные, указывал на то, что постановку аффикса *то*, выражающего факт подчинения, обуславливают управляемые глаголы «говорить» и «думать» – во всех оттенках этих понятий: *иу*, *мо:су* – «говорить», называть; *омоу* – «думать», «полагать»; *кангаэру* – «полагать» и др. Придаточное дополнительное такого типа может стоять как перед главным предложением, так и внутри него (между подлежащим и сказуемым)⁴.

(1) Яп.: *Асита-ва ии тэнки-ни нару даро: -то омоимасу* ‘Я думаю, что завтра будет хорошая погода’.

(2) Яп.: *Накамура-сан-ва асита конай-то иимасита* ‘Накамура сказал, что завтра не придет’.

Но только Н. И. Фельдман впервые установила факт *регулярного* использования показателей падежей для выражения подчинения одной из ПЕ и интерпретировала его как *склонение предложений*⁵.

Проблемы полипредикативного синтаксиса и предикативного склонения рассматриваются в работе Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа по адыгейскому языку⁶ и др.

О том, что для выражения подчинения одной из предикативных единиц используются отдельные маркеры падежей, особенно дательного-местного, писали также: А. П. Рифтин – в аккадском языке⁷, Г. М. Василевич – в эвенкийском⁸.

На материале урянхайского (тувинского) языка о возможности постановки ПЕ в ту или иную падежную форму писал Н. Ф. Катанов⁹.

И. Судя по такому, хотя и очень краткому, перечню исследований в области предикативного склонения к наиболее ранним следует отнести фундаментальный труд Н. Ф. Катанова.

Его «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его с другими языками тюркского корня» (1903) называют не только первой научной тувинской грамматикой, в которой впервые в тюркологии представлено подробное лингвистическое описание тувинского языка, но и первой монографией по тувинской этнографии, археологии и фольклору. Это, как справедливо указал Б. И. Татаринцев, «энциклопедия по Туве и тувинскому языку конца XIX — начала XX в.»¹⁰. Открыв научному миру тувинский язык, Н. Ф. Катанов стал основоположником тувинского языкознания.

Кроме того, в этом труде, как явствует из названия, собран, проанализирован и систематизирован огромный языковой материал не только по тувинскому, но и по многим известным в то время другим тюркским языкам и их диалектам. Факты тувинского языка сопоставлялись и сравнивались с фактами других тюркских языков, что позволило автору обосновать принадлежность этого языка к тюркской языковой семье.

Несмотря на то, что вопросам синтаксиса тувинского языка автором отведено всего 24 страницы из увесистого тома «Очерков...», проблемы, которые он затронул, актуальны и в настоящее время и не только для тюркских языков.

В чем же сходства и различия подходов в определении механизма причастного предикативного склонения в исследованиях разных периодов?

В работе Н. Ф. Катанова термин «предикативное склонение» не употребляется, что естественно. Далее мы специально приводим объемную цитату и оставляем без изменения (по возможности) орфографию автора, чтобы показать терминосистему ученого.

В «Очерках...» мы находим такие заключения автора: «...для обозначения в придаточном предложении времени такого действия или состояния, которое происходит одновременно с действием главного предложения или незадолго до них, *сказуемое* (разрядка наша. – Л.Ш.) придаточного предложения (по обращении в *склоняемую* форму) ставится в местном падеже или получает за собой слово *шагда* ‘в то время, когда’»¹¹.

(3) *Чылбыҕа көр=гән=дә, тәрәк пағында ол одурҕан-тур*¹². Когда ведьма смотрела, на вершине тополя сидел парень’.

(4) *Алды кара аккым тур=да (парда) арҕаланып чорй-лә-бәу, Алдақ кызыл Таңдым турда ајын казып чәй-лә-бән!*¹³ ‘В то время, когда у меня есть 6 старших черных братьев, я буду только ходить и отговариваться (что боюсь принимать девиц), а когда есть у меня красный Алтай и Танну, я буду только копать в них и есть сарану!’

Далее, например, автор пишет: «Сказуемое придаточного предложения, поставленное в исходном падеже, обозначает не только время, но и причину или основание, вследствие которых произошло, происходит или будет происходить действие или состояние главного предложения»¹⁴.

(5) *Уруглары саскан соктаб-ыт=кан=нан суьбда пады-парҕан*¹⁵ Дети их, вследствие того, что клевала сорока, упали в воду’.

В предложениях с придаточным дополнительным Н. Ф. Катанов отмечал прямую зависимость падежного оформления сказуемого ЗПЕ от управляющего этим падежом предиката ГПЕ, и указывал, что «подлежащее его **ставится в родительномъ».**

(6) *Каманның Чар-Чарыкта пар пол=ған=ын тыңнан-мән*¹⁶ ‘Я слышал, (что) вопри есть на (местности) Джирджарике.’

(7) *Оң пудунуң салāзының каш пол=ар=ын мән пілбās-пән*¹⁷ ‘я не знаю, сколько пальцев у ног ея.’

(8) *Кодан кәңиң садын-чор=ән=ын кәңиң мән тыңнабән-мән*¹⁸ ‘Я не слышал, (что) люди продают заячьи шкуры’.

(9) *Мән бн оҕлун төрт-алды пол=ған=ын көргән-мән*¹⁹ ‘Я видал, (что) у него птенцов бывает 4–6’.

Как можно заключить из приведенных цитат и примеров, Н. Ф. Катанов писал о склонении сказуемых ЗПЕ, о падежной форме подлежащего ЗПЕ и других моментах полипредикативного синтаксиса, которые нашли широкое обсуждение²⁰ и решение в современных исследованиях.

И. Е. И. Убрятова писала уже о предикативном *склонении причастий* в якутском языке²¹. В этом она расходится с Н. И. Фельдман. Но точка зрения Е. И. Убрятовой близка, хотя и не тождественна, точке зрения Н. И. Фельдман в том, что возможность склоняться якутские причастия получают постольку, поскольку они являются сказуемым зависимой ПЕ в составе сложного предложения. Тем самым подлинным объектом склонения являются те предикативные единицы, куда причастие входит как сказуемое, принимающее на себя падежный аффикс.

III. Специальному исследованию предикативного склонения причастий в алтайских языках посвящена монография коллектива авторов, которая так и называется «Предикативное склонение причастий в алтайских языках». В поле зрения исследователей находились языки алтайской типологической общности: тюркские языки Сибири, бурятский, эвенкийский и маньчжурский. Исследуя важнейшие способы выражения смысловых и синтаксических связей между предикативными единицами в этих языках, авторы рассматривали оформление причастного *сказуемого* зависимой ПЕ падежными аффиксами, как предикативное *склонение предикативных единиц*²².

(10) Алт.: *Алан=нын кел=ген=и=не Јумур өбөгөнниң сүүнип турганы јарт болгон* (ЭП.А: 293) ‘Было ясно, что старик Дьумур радовался тому, что Алан приехал’.

(11) Тув.: *Сүме дилээримге, силер дүзалавас болдуңар!* (Эс) ‘Когда я просила вас помочь мне, вы не помогли!’

(12) Хак.: *Школаа пар=ар=да, тізең, ол сырайын чуунарга ундубысхан одыр* (НТ.Т:

30) 'Когда пошел в школу, оказывается он забыл помыть лицо'.

В работах новосибирской синтаксической школы²³ [см.: Черемисина 1979; Горелова 1980; Шамина 1987; Скрибник 1988], возглавляемой профессором М. И. Черемисиной, достигнуты «значительные достижения в области систематического изучения морфологии и синтаксиса полипредикации»²⁴.

Предикативное склонение представляет собою центральный механизм алтайского гипотаксиса. Языки используют разные способы выражения отношений между двумя событиями. Но основная масса моделей БПК связана с предикативным склонением, с использованием падежных аффиксов для связи не словоформ, а предикативных единиц.

Объектом исследования стали специфические, не похожие на европейские сложноподчиненные конструкции алтайских языков.

Современный тувинский язык и другие тюркские языки используют разные приемы и конкретные способы для передачи отношений между событиями в формах сложного (бипредикативного) предложения. Среди них и союзы, типологически сходные с европейскими, и аналитические показатели, условно относимые к союзам (*den / min*). Есть и другие аналитические средства выражения отношений в строе сложного предложения. Но основу тувинского²⁵, шире – тюркского гипотаксиса определяют не они. Если их убрать, ядро гипотаксиса останется почти не затронутым. Но если мы исключим конструкции синтетического (с падежными маркерами) типа, то окажется невозможным выразить самые основные, жизненно необходимые связи между событиями. Это значит, что предикативное склонение – главный системообразующий

фактор тюркского гипотаксиса, живой, активный синтаксический механизм.

Объектом предикативного склонения в морфологическом смысле является причастное сказуемое, а в более широком, синтаксическом – предикативная единица. Как объект склонения ПЕ обладает большими возможностями варьирования, чем словоформа. Благодаря этому в тюркских языках оказывается возможным не только функциональное, но и формальное противопоставление двух подсистем предикативного склонения. Одна из них соотносится с актантными, другая – с сирконстантными ролями зависимой предикативной единицы.

В первой подсистеме в тувинском языке (как и в других тюркских языках) участвует определенный круг причастий и падежей (актантные). Во второй подсистеме, обстоятельственной, участвуют локальные падежи²⁶.

(13) Тув.: *Бичшимден-не өскүс кал=ган=ым =ны сеңээ чугааладым* 'Я уже тебе говорил, что остался сиротой в детстве' (С.А. эл. версия).

(14) Тув.: *Чугаалант=ар=га, аныяк оолдарзы-вас, улуг улуссуг, харын-даа кадайларзыг кыннып кээр* (С.А. эл. версия) 'Когда начнет говорить, не похож на молодых парней, подобен взрослому, даже уподобляется женщинам'.

Потребность в изучении конструкций, включающих более одной предикации в языках разных систем, ощущается и современной лингвистикой.

Фундаментальное исследование Н. Ф. Катанова, 150-летие со дня рождения которого отмечается сегодня научным сообществом, принесшее автору широкую известность в лингвистическом мире и вошедшее в золотой фонд мировой тюркологии, все так же актуально и востребовано и в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. – Новосибирск, 1976. Кн. I, II.
2. Убрятова, Е. И. Указ. соч. – С. 102–142.
3. Фельдман, Н. И. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. – М., 1952. – Т.IV. – С. 230–276.
4. Конрад, Н. И. Указ. соч.
5. Фельдман, Н. И. Указ. соч. – С. 230–276.
6. Яковлев, Н. Ф., Ашхамаф, Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. – М.- Л., 1941.
7. Конрад, Н. И. Краткий очерк грамматики современного японского разговорного языка (1934) // Интернет-ресурс: http://ru-jp.org/konrad_bumpo_01.htm. Дата обращения 02.02.12

8. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л., 1948. – С. 54–55.
9. Катанов, Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его с другими языками тюркского корня. – Казань, 1903.
10. Татаринцев, Б. И. Н. Ф. Катанов и его «Очерки Урянхайской земли» // Н. Ф. Катанов. Очерки Урянхайской земли. – Кызыл, 2011. – С. 8–12. – С. 10.
11. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 923.
12. Там же. – С. 928.
13. Там же.
14. Там же. – С. 927–928.
15. Там же. – С. 928.
16. Там же. – С. 914.
17. Там же.
18. Там же.
19. Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24–27 сентября 1956 г. – Алма-Ата, 1958.
20. Убрятова, Е.И. Указ. соч. – С. 108.
21. Бродская, Л. М., Горелова, Л. М., Черемисина, М. И. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск, 1984.
22. Черемисина, М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. – Новосибирск, 1979.
23. Шамина, Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. – Новосибирск, 1987.
24. Шамина, Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. – Новосибирск, 2001.
25. Горелова, Л. М. Модели полипредикативных конструкций в эвенкийском языке // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. – Новосибирск, 1980. – С. 83–90.
26. Подлесская, В. И. Сложное предложение в современном японском языке. Материалы к типологии полипредикативности. – М., 1993.
27. Рифтин, А. П. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке // Советское языкознание. – Т. 3. – Л., 1937.
28. Скрибник, Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. – Новосибирск, 1988.
29. Черемисина, М. И. О перспективах и первых результатах коллективного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках разных систем // Способы выражения полипредикативности. – Новосибирск, 1978. – С. 3–18.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. НТТ.– Н. Тиников. Тіріг кізі өлбечен. – Абакан, 1982.
2. Эс–Эне сөзү.– № 38 (862). Ноябрь 24–30. 2011.
3. ЭП. – А. Э. Палкин. Алан – Горно-Алтайск, 1978.
4. СС.А. эл. версия – С. Сарыг-оол. Ангыр-оолдун тоожузу (электронная версия).

И. М. ТАРАКАНОВА

О МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В ХАКАССКИХ ТЕКСТАХ (в сравнении с материалами, записанными Н. Ф. Катановым)

Для сравнительно-исторического и типологического языкознания большую роль имеют такие языковые показатели, как устройство слова, техника соединения значимых элементов слова: «Высочайшую степень языковой специфичности следует искать в организации слова. Системная типология возвращается к морфологической характеристике слова как к ведущему типологическому критерию, который был выбран основателями лингвистической типологии в начале XIX века»¹.

Целью данной статьи является выявление и описание морфонологических явлений, нарушающих границы между морфемами, вследствие чего изменяется внешний облик слова. Объектом анализа явились современные хакасские тексты, для сравнения привлекались материалы, собранные Н. Ф. Катановым².

Хакасский язык по традиционной классификации относится к агглютинативному типу языков. В хакасском синтетическом слове представлена правосторонняя агглютинация: крайнюю

левую позицию занимает корень, за ним следуют словообразовательные аффиксы, затем формообразовательные аффиксы (залоговые, аспектуальные), словоизменительные аффиксы: времени, лица глагола, принадлежности, падежа, числа имени существительного³.

Если мы обратимся к конкретным синтетическим словоформам, то можем наблюдать при используемом механизме агглютинации случаи затемнения морфных границ вследствие метатезы, выпадения сверхслабых согласных и образования гласных вторичной долготы.

С одной стороны, в хакасской словоформе представлены процессы стяжения нескольких аффиксов в единый (в силу закономерных фонетических процессов), большое количество долгих гласных вторичного образования на морфных швах, что ведет к ее укорачиванию. С другой стороны, распространены случаи использования частиц в качестве аффиксов.

В морфологическую структуру хакасской словоформы встраиваются постпозитивные частицы. Одна из таких частиц – частица =*ох* (с вариантом =*ок*), выражающая утвердительность, которая по своему статусу должна занимать позицию после словоизменительных аффиксов. При присоединении к словам частицы =*ох* в слове происходят морфонологические изменения: гласные в ауслауте выпадают – *таңдох* ‘завтра же’ (*таңда+ох*), *төрелектөк* ‘когда еще не родился’ (*төрө=елек=те+ок*); глухие согласные озвончаются: *чарабазох* ‘тоже нельзя’ (*чара=бас+ох*), *кирегөк* ‘тоже нужно’ (*кирек+ок*), в результате чего утрачивается четкость морфемных швов.

В некоторых случаях частицы =*ох* (утвердительная), *даа* (выражающая усиление, уступку, с вариантами *дее*, *таа*, *тее*), *ла* (ограничительная, варианты *ле*, *на*, *не*) встраиваются в структуру глагольной словоформы, то есть не просто занимают постпозицию (как, например, *чад=ар=ым-ох* ‘я тоже лягу’), а встраиваются в структуру словоформы (*чад=ар=ох=нын* с тем же значением): *Ит салзох* (*сал=за=ох*), *ниссер айланар* [ХЧ] – Как только сделает, сразу же к нам вернется.

По материалам, записанным Н. Ф. Катановым в конце XIX – начале XX в., можно сделать вывод, что и в то время частица =*ох* была очень

употребительна и не имела строго закрепленного места в структуре словоформы. Приведем примеры (сохраняется написание Н. Ф. Катанова): *Анызын салчых-ох, уттуруб-ох-ысчых* (ОНЛТП, 273) – Того (жеребца) тоже поставил на кон, тоже проиграл; *«Перзе, перер-ок-нин!»* (ОНЛТП, 293) – «Если даст, я тоже дам!»; *Пайаагы кизи агаа чоохтап-чаа наз'ох*: «Сен аны сыгар-полазаң-ма пу чер үстүне?» (ОНЛТП, 305) – Давешний человек говорит ему снова: «Ты ее сможешь вытащить на эту земную поверхность?»; *Парып, үр ас полып, келген нандыр'ох*; *келгенде, чоохтап-чадыр*: «Чер тундүгүнең түс-тир!» *тин* (ОНЛТП, 306) – Пойдя, побыв какое-то время, назад же пришел; придя, говорит: «Провалилась через отверстие в земле»; *Ол хараазын хоныб-ох-чадырлар* (ОНЛТП, 316) – Ту ночь тоже ночуют; *«Тастабаз-ох-нын!»* (ОНЛТП, 352) – «Я тоже не брошу!»; *«Киуриб-ох-пар-тыр ноон, чылан!»* (ОНЛТП, 354) – «Ты ведь тоже состарилась, змея!»; *Чылан көр-чее, «сынаптааа киуриб-ох-парган ноом!»* (ОНЛТП, 354) – Змея смотрит, «ведь и на самом деле я же состарилась!»; *Аны изип алып, одырыб-ох-чаа* (ОНЛТП, 363) – Попив это, сидит тоже; *Узирым кел-чаа, тамах чиуриб келиб-ок-чаа* (ОНЛТП, 223) – Спать охота, кушать тоже охота; *Мен оларда полар-ох-нын* (ОНЛТП, 229) – Я тоже буду у них.

Постпозитивная частица *ла* (с вариантами *ле*, *на*, *не*), передающая семантику ограниченности в составе глагольной словоформы, стоящей в настоящем времени, имеет значение постоянно повторяющегося действия, занимает позицию после показателя соединительного деепричастия на =*ып*, отрицательного на =*бин* перед аффиксом настоящего времени =*ча*. Приведем примеры: *Чүрег=им талбыра=п=ла=ча* [ХЧ 133/03] – Сердце мое все время колотится; *Мин аны көр=ле=че=м* [Туран 1981: 65] – Я его вижу постоянно; *Син ис=ле=че=зиң* [Хча 82: 134] – Ты все время пьешь.

В текстах, записанных Н. Ф. Катановым, также представлены случаи встраивания частицы *ла* в структуру глагольной словоформы: *Ебинде келип, хонып, ертен азыраныб-алып, парып-ла-ыс-чаа* (ОНЛТП, 303) – Придя домой, переночевав, утром поев, все время уходит; *Пирси парааң тин-чаа, пирси назыр-ла-чаа* (ОНЛТП, 312) – Один пошли говорит, второй только и молится;

Ненче-ненче кўн кўлеттеп-ле-чадыр (ОНЛТП, 366) – Много дней только и пьет.

Также возможно встраивание усилительной частицы *даа*: *Амды изеннес=пин=дее=че=бис* [ХЧ] – Теперь даже не здороваемся друг с другом; *Көрерінең езен менді періс-чадырлар, өл-тее-полбиин-чадыр, тіріл-тее-полбиин чадыр* (ОНЛТП, 311) – Как увидели, здороваются, умереть даже не может, ожить даже не может; *Аа кертінмин, тудуп-таа ал-парған тіп, сөзін албиин, сүрүс-пар-чаалар* (ОНЛТП, 371) – Не веря этому, думая, что даже силой увез, не спросив согласия, гонятся.

Как мы видим, частицы обычно занимают позицию в глагольной словоформе перед теми аффиксами, которые по своему происхождению являются аналитическими. Например, аффикс настоящего времени =*ча* представляет собой стянувшуюся форму вспомогательного глагола аналитической конструкции *чат*= 'лежать', в современном хакасском языке образует синтетическую форму глагола, подвергается гармонии гласных (вариант =*че*). Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. этот аффикс еще не подвергался гармонии. Примеры: *Сен нога, Худайга пазырбиин, арагы ічп-чаазаң, Чібічек* (ОНЛТП, 223) – Ты почему, не молясь богу, пьешь водку, Чибичек? *Мен Хазан коорат-саар парарга ет-чам* (ОНЛТ, 228) – Я собираюсь поехать в город Казань; *Харахтар көр-чаа, холлар ет-чаа* (ОНЛТП, 237) – Глаза видят, руки делают.

Также частицы встраиваются и перед показателями =*чадыр* (<*чат*=дыр), =*чатхан* (<*чат*=хан). В случае же с формами будущего // прошедшего времени наблюдается иное расположение частиц: они встраиваются после аффиксов =*ган* и =*чаң* // =*ар* перед показателями лица, которые исторически восходят к местоимениям. Частицы частотны в составе аналитических конструкций, располагаясь перед вспомогательным глаголом.

Из других явлений отметим случаи редукции гласных, выпадение согласных «г», «ғ» в интервокальной позиции, выпадение сонорного «р». Они в современном хакасском языке представлены достаточно регулярно.

Редукция гласных передавалась Н. Ф. Катановым через знак «'». В текстах, записанных

им, отмечается редукция «у», «а», «і», «е». Примеры: «у» – *П' (пу) апчах араг' (арага) ічерге огаа-тың күс* (ОНЛТП, 225) – Этот (пу) старик очень любит пить водку; *Парып, четтілер пудург' оолахха* (ОНЛТП, 277) – Пойдя, догнали того (пудургу) мальчика; «а» – *Мында пүүрнең пасх' аң чоғыл* (ОНЛТП, 225) – Здесь нет другого (пасха) зверя, кроме волка; *Пір тілі-чоҳ кізі чолд' одыр* (ОНЛТП, 226) – Один немой человек сидит на дороге (чолда); *Сенің пор' адың нандыра паршиган* (ОНЛТП, 233) – Твой серый (пора) конь шел назад; «і» – *Кіз' ахсына кір-чатхан нима кізіні харалтпін-чаа* (ОНЛТП, 240) – То, что попадает в рот человека, не марает его; «е» – *Істіңерге керексінмеңер, неме чіңеңзеер тіп, нем' ісчеңзеер тіп, едіңерге-дее неме кесчеңзеер тіп* (ОНЛТП, 240) – Не беспокойтесь о животе своем, что будете есть, что (неме) будете пить, что будете носить; *Ч' амды пардылар іккі харындас* (ОНЛТП, 278) – Ну (че) теперь пошли два брата.

Выпадение согласных «г», «ғ» в интервокальной позиции: *Агастың хастырыын сойганда, агас нога өл-парыб-ыза-дыр?* (ОНЛТП, 224) – Почему дерево гибнет, если с него сдерут кору (хастырыгын); *Тор'аат мўнзем алтымда!* (ОНЛТП, 263) – Если я оседлаю гнедого коня (торыг ат)!; *Парчых пайаагы чер тўндиине* (ОНЛТП, 304) – Пошел к тому отверстию (тўндўгіне) в земле.

Выпадение сонорного «р», чаще в составе инфинитива: *Арса, сен паразың* (ОНЛТП, 228) – Может, ты пойдешь (парарзың)?; *Парага сыхчыхтар* (ОНЛТ, 273) – Вышли идти (парарга); *Тайгазын көчір келеге парыб-ыза-перген* (ОНЛТП, 274) – Он (хозяин тайги) ушел, чтобы перенести (көчір келерге) свою тайгу¹. *Аңнап чөреен кізі: «Ам нанага!» – тіпчаа* (ОНЛТП, 274) – Человек, ходивший на охоту, говорит: «Теперь домой идти (нанарга)».

Таким образом, в хакасском языке наблюдается явление встраивания частиц в структуру словоформы. При этом процесс характеризуется двусторонне: с одной стороны, наличие еще одного элемента в структуре слова ведет к увеличению количества морфем, с другой стороны, на границах между морфемами в результате определенных фонетических изме-

¹ Так как он ее проиграл в карты.

нений выпадают гласные и затруднительно провести выделение морфного шва. Большой вес имеет образование фузии на стыках морфов в хакасской словоформе. Материалы, собранные Н. Ф. Катановым, показывают, что это явление было распространено еще в то время. Частицы большей частью встраиваются в структуру тех форм, которые по своему происхождению являются аналитическими конструкциями.

Для подведения окончательных выводов по семантике и определению статуса данных элементов требуется более детальное изучение подобного рода конструкций с привлечением материала по родственным, а также типологически близким языкам. Рассмотрение статуса частиц в составе глагольной словоформы требует специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Плоткин, В. Я. Строй английского языка. – М., 1989. – С. 12.
2. Образцы народной литературы тюркских племен. – Ч. IX. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. Тексты. Изданы В. В. Радловым, собранные Катановым Н. Ф. – СПб., 1907.
3. Грамматика хакасского языка. – М., 1975. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2000.
4. Хакас чирі. Газета на хакасском языке.

СОКРАЩЕНИЯ

1. ОНЛТП – Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. Тексты. Изданы В. В. Радловым, собранные Катановым Н. Ф. – СПб., 1907.

Р. Д. СУНЧУГАШЕВ

ОТАНТОПОНИМИЧЕСКИЕ ОЙКОНИМЫ ХАКАСИИ В ТРУДАХ Н. Ф. КАТАНОВА

В последние годы в языкознании активно разрабатываются проблемы изучения собственных имен, в том числе антропонимики и ойконимики. Антропонимика – это раздел ономастики, изучающий антропонимы – собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрывающиеся имена)¹; ойконимика – это раздел топонимики, изучающий ойконимы², т.е. названия любых населенных пунктов. Эти разделы до настоящего времени остаются одной из малоизученных отраслей тюркской ономастики.

В хакасской топонимии значительная часть названий населенных пунктов восходит

к антропонимам, т.е. личным именам и фамилиям.

Ойконимы, образованные от антропонимов, дают важную информацию лингвистического, историко-этнографического, этнокультурного характера. Они указывают на бывшее расселение народов, племен, отражают традиционную народную культуру и процессы изменения в общественно-политической и экономической жизни народа.

Первые письменные сведения об ойконимах Хакасии относятся к XVIII–XIX вв. В работах и отчетах исследователей Сибири (Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, М. А. Кастрена, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова) и в материалах различных архивов (например: Список населенных пунктов по Абаканской инородной управе по состоянию

на 1 января 1907 г., ф. 169 Енисейская губернская казенная палата) содержится немало ойконимов отантропонимического происхождения.

Начало фиксации и описания хакасских собственных имен, а именно ойконимов и антропонимов, связано с именем выдающегося тюрколога Н. Ф. Катанова. В «Отчете о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению Историко-филологического факультета Имперского Казанского университета летом 1899 года»³ Н. Ф. Катановым были представлены подробные «Списки населенных инородцами мест в районе Аскизской Инородной Управы за 1898 г.»⁴ (212 населенных пунктов), «Список населенных инородцами мест в районе Абаканской Инородной Управы за 1898 год»⁵ (92 н. п.) и в работе «Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии, по статистическим данным, собранным в 1889 г.»⁶ (всего 43 н. п. + 18 стойбищ). Н. Ф. Катанов отмечал, что «по предложению нынешнего письмоводителя Аскизской Степной Думы К. Г. Терского, я воспользовался 4 октября 1889 г. интересными статистическими данными Думы за 1888 год. Из этих данных видно, между прочим: 1) род преобладающих занятий каждого из улусов; 2) название речки, при которой находится тот или другой улус; 3) число дворов в каждом улусе; 4) число жителей в улусе (мужчин и женщин); 5) расстояние от села Аскиза и гор. Минусинска; 6) количество скота, имеющегося в улусе; 7) количество десятин, засеваемых каждым улусом»⁷. Например:

Улус Кызыл-Кая, речка Большая-Есь. Дворов 22. Мужчин 62 и женщин 48. От Аскиза 60 и Минусинска 178 верст. Лошадей 60, коров 85 и овец 100 Ярового хлеба 25 десятин. Хлебопашество и звероловство.

Улус Прокопьев, речка Аскиз. Дворов 16. Мужчин 60 и женщин 58. От Аскиза 8 и Минусинска 126 верст. Лошадей 231, коров 250 и овец 1121. Ярового хлеба посеяна 1 десятина. Скотоводство.

Улус Иресов, речка Аскиз. Дворов 17. Мужчин 42 и женщин 42. От Аскиза 30 и Минусинска 148 верст. Лошадей 352, коров 334 и овец 1542. Ярового хлеба посеяно 11 десятин. Скотоводство.

Всего в указанных работах представлено 365 ойконимов.

Здесь же, в сносках перечня населённых пунктов, им дается важное замечание: «По «Списку населенных мест Енисейской губ. СПб. 1864», составленному по сведениям 1859 года *Р. Мааком*, видно, что тогда: 1) *В с. Аскиз* дворов было 40, т. е. число их не увеличилось до сих пор; мужчин 115 и женщин 106, т. е. число мужчин уменьшилось на 6, а женщин увеличилось на 33. 2) *В селе Усть-Еси*, тогда деревне, было дворов 38, т. е. теперь на 3 меньше, мужчин 89 и женщин 86, т. е. число мужчин увеличилось теперь на 83, а женщин увеличилось на 38. 3) *В дер. Утинской* было дворов 31, т. е. теперь на 9 больше; мужчин 101 и женщин 107, т. е. число мужчин увеличилось на 8, а женщин уменьшилось на 10. Прироста населения в каждом улусе за последние 30 лет (1859–1889) указать нельзя, так как со смертью старшего в улусе менялось и само название улуса»⁸. Последнее говорит о том, что названия хакасских населенных пунктов того периода были непостоянными и со сменой старшего могли быть переименованы. Так появлялись деревни с новым названием. В такой ситуации любые записи, а тем более перечни собственных имен, зафиксированные в XVIII – XIX вв., имеют огромную ценность для исторической ономастики, истории хакасского языка, этнолингвистики и других смежных дисциплин.

По семантическому содержанию хакасские ойконимы XIX в., представленные в указанных работах Н. Ф. Катанова, подразделяются на следующие группы: ойконимы, образованные от антропонимов (*Улус Пилака* (Пилактар аалы), у речки Узунжуй; *Алексеев улус* (Илексейлер аалы), у р. Большой Сыры, *Адычаков улус* (Адычахтар аалы), у речки Базы); оронимов (*Улус Кызыл-Кая*, речка Большая Есь, *Улус Капчал* (Хапчалдагы аал), *Улус Улук-казы* (Улук-казыдагы аалы); гидронимов (*Улус Байский*, речка Аскиз; *Улус Больше-Арбатский*, речка Большой Арбат; *село Аскиз*, на р. Аскиз и др.). Анализ перечня населенных пунктов показал, что абсолютное большинство ойконимов (более 60 %) отантропонимического происхождения, например: *Улус Очака* (Очахтар аалы), *Адычаков улус* (Адычахтар аалы), *Казанов улус* (Казаннар аалы), *Мичинов улус* (Мичиннер аалы), *Пубанов улус* (Пубаннар аалы). Многие назва-

ния населенных пунктов связаны не с личными именами, а с фамилиями хакасов, особенно это наблюдается в «Списках населенных инородцами мест в районе Абаканской Инородной Управы за 1898 год», например: *Аткнинский улус, Аешинский улус, Абумовский улус, Моховский улус и т.д.*

Большой процент названий населенных пунктов хакасов, восходящих к собственным именам и фамилиям, очевидно, связан с общественным устройством, т.е. родоплеменным, патриархальным укладом жизни, когда *улусы и аалы* назывались именем или прозвищем основателя, главы рода или старшего, как правило, более состоятельного, зажиточного и уважаемого.

В «Отчете о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии» Н. Ф. Катановым дан перечень из 580 хакасских собственных имен. Он пишет: «Татарские собственные имена лиц бывают обыкновенно 4 родов: во-первых, татарские собственные – выдуманные (ничего не обозначающие); во-вторых, татарские нарицательные (в том числе и др. части речи); в-третьих, русские собственные и, в-четвертых, русские нарицательные (в том числе и др. части речи). Удовлетворяя отчасти желание академика В. В. Радлова иметь подробный список личных татарских имен, привожу здесь 580 имен, выбранных мною из посемейных списков и ревизских сказок Аскизской Инородной Управы»⁹. Например: *Сагайский род II половины*. 1) Из татарских выдуманных слов: а) мужские имена: *Аргас, Текней, Хычах, Кызыл-тах, Парлас, Самса, Кандооң, Игнааң, Хуспай и Хундус*; б) женские имена: *Асындай, Табас и Хусха*. 2) Из татарских нарицательных: а) мужские имена: *Хазан* – котел, *Тек* – шерсть, *Хуча* – баран, *Көжсенек* – окно, *Хызыл* – красный, *Содаң* – куцый, *Хызычах* – девочка и *Хара хус* – черная птица; б) женские имена: *Арчымах* – переметные сумы, *Позырах* – рыжий, *Табак* – тарелка, *Чібічек* – ниточка и *Кізі* – человек. 3) Из русских собственных: а) мужские имена: *Мукулай* – Николай, *Илеска* – Илюшка, *Каанка* – Ганька, *Пыроонча* – Проньча, *Полиин* – Павлин, *Полиитка* – Ипполитка, *Абрам* – Авраам, *Иилка* – Илька, *Танишла* – Даниил, *Каача* – Кача (речка подле г. Красноярска), *Көстенкин* – Константин, *Кіриска* – Гришка и *Кірила* – Кирилл; б) женские

имена: *Өлөн* – Елена и *Саана* – Саня. 4) Из русских нарицательных: а) мужские имена: *Морос* – мороз, *Бйакын* – дьякон, *Персок* – вершок, *Турах* – дурак, *Масла* – масло, *Пастук* – пастух, *Камзол* – камзол, *Петук* – петух, *Көлен* – колено и *Кірестійен* – крестьянин; б) женские имена: *Пунт* – фунт, *Сакон* – закон, *Паака* – пачка, *Малка* – палка и *Пэрэс* – перец.

Из данного материала видно, что автор хакасские собственные имена классифицирует по 4 родам (группам). Имена, образованные от нарицательных слов, Н. Ф. Катанов дает с переводами. Русские или канонические собственные имена, заимствованные в период распространения православия, в XVIII – XIX вв., записаны в хакасском звучании методом транслитерации. Это позволяет избежать серьезных искажений в передаче иноязычных слов.

Относительно передачи иноязычных слов Н. Ф. Катанов пишет: «Записыванием татарских имен занимались и раньше меня. Так, первый по времени енисейский губернатор Степанов во II части своего сочинения «Енисейская губерния» (стр. 86), изданного в Санкт-Петербурге в 1835 г., приводит 17 мужских и 23 женских имени, но все эти имена записаны так плохо, что по ним судить о фонетике заимствованных слов нельзя. Затем И. И. Каратанов в статье о сагайских татарах приводит в одном русском переводе 7 татарских имен. Более новый список татарских имен, но в неудовлетворительной записи, помещен П. Островских на страницах 322 и 323 выпусков III и IV «Живой Старины» за 1895 год. Автор дает в своей статье, озаглавленной «Этнографические заметки о тюрках Минусинского края», 28 мужских и 26 женских имен. Г. П. Островских, как незнакомый с тюркской фонетикой, не мог переписать эти 54 имени правильно, и потому его список личных имен, как и списки Степанова и Каратанова, не могут дать нам правильного понятия о фонетике заимствованных слов»¹⁰.

По описанию собственных имен видно, что в разряд хакасских антропонимов того периода могло перейти любое хакасское или заимствованное нарицательное слово. При абсолютном внешнем сходстве мужских и женских имен, образованных от нарицательных слов, все же наблюдается незначительное отличие, например:

мужские имена могут восходить к словам, связанным с мужчиной, его деятельностью, предметами быта и т. п., типа *Апчак* – старик, *Мылтых* – ружье, *Тас-темір* – каменное железо, *Самдар* – игрений (масть лошади) и др., а женские имена могут восходить к словам, связанным с женщиной, ее деятельностью, предметами быта и т. п.: *Бзырга* – серьги, *Хара хызычак* – черная девочка, *Парча* – парча, *Чүстүк* – перстень, *Чібічек* – ниточка и др.

Таким образом, мы можем констатировать, что собственные имена, представленные в анализируемых трудах Н. Ф. Катанова, сегодня составляют наиболее ранний, письменно зафик-

сированный и введенный в научный оборот этнокультурный пласт хакасских антропонимов и ойконимов. Списки собственных имен воспроизводят реальную картину состояния хакасских онимов на тот период и отражают основные традиции и способы именования.

Детальное изучение отантропонимических ойконимов и хакасской антропонимии в целом, особенно групп имен хакасов, отнесенных Н. Ф. Катановым к группе выдуманных слов (ничего не обозначающих), с привлечением достижений современной тюркологии, может раскрыть многие стороны истории собственных имен, языка и духовной культуры хакасов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988. – 192 с.
3. Катанов, Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков. – Абакан, 2004. – 260 с.
4. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 202.
5. Там же. – С. 223.
6. Там же. – С. 95.
7. Там же. – С. 96.
8. Там же. – С. 97.
9. Там же. – С. 162.
10. Там же. – С. 167.

3. Е. КАСКАРАКОВА

РАСТИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В «КРАТКОМ САГАЙСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» Н. Ф. КАТАНОВА

Выдающийся тюрколог Николай Федорович Катанов был разносторонним ученым. Собранный им богатейший материал по этнографии, лингвистике и фольклору является ценным источником для изучения различных сторон жизни тюркских народов, в том числе и хакасов.

Научная деятельность Н. Ф. Катанова как языковеда-тюрколога началась с изучения хакасского языка, на котором он говорил, и, опираясь на знание которого, начал исследовать другие близкие родственные языки. Еще будучи студентом гимназии в Красноярске, он ежегодно приезжал в родные места, собирал фольклорные, лингвистические тексты и описывал обычаи своего племени – сагайцев.

Исследователь татарского языка Д. Г. Тумашева отмечает: «Николай Федорович был не

только образованным и эрудированным человеком, но и имел свой материал, записанный им от первоисточников путем живого общения с народом. Последнему обстоятельству Н. Ф. Катанов придавал большое значение, считая, что язык нужно изучать путем непосредственного контакта с народом и комплексно не отрывая историю языка от этнографии, фольклора, истории материальной культуры»¹.

Собранный Н. Ф. Катановым лингвистический материал послужил для написания «Грамматики сагайского наречия татарского языка» (часть I) и «Сборника примеров и Краткого сагайско-русского словаря» (часть II). Позже они были включены в IX том «Образцов народной литературы тюркских племен», изданный В. В. Радловым². Работа выполнена на высоком

теоретическом уровне и по своему содержанию и исполнению представляет несомненный интерес как для хакасоведов, так и исследователей других тюркских языков. Об этом свидетельствуют материалы Катановских чтений, проходивших в Казанском государственном университете в 1997 г., где она получила блестящую оценку ряда ученых. О значимости данной работы О. В. Субракова пишет следующее: «Грамматика сагайского наречия», если бы была издана своевременно, могла бы стать первой грамматикой хакасского языка, сыграла бы важную роль в общественной и культурной жизни хакасов, а также способствовала бы значительному расширению общественных функций хакасского языка»³.

Эти работы, к сожалению, до сих пор не изданы, они хранятся в архиве рукописного фонда ХакНИИЯЛИ и имеют неоценимое значение для диалектологов и исследователей истории хакасского языка.

Значительное место в научной деятельности Н. Ф. Катанова занимала лексикографическая работа, в том числе и на материале хакасского языка. Настоящая статья посвящена анализу названий растений, зафиксированных в «Кратком сагайско-русском словаре» Н. Ф. Катанова⁴. Словарь содержит свыше 4 тыс. общеупотребительных слов хакасского языка, объем его составляет 154 страницы. Основу словаря составляет сагайская лексика. Лексическое многообразие, отраженное в словаре Н. Ф. Катанова, дает полное представление о той части словарного богатства сагайского наречия конца XIX в., которая была в активном употреблении. Более того, сагайский диалект вместе с качинским послужил основой литературного хакасского языка. Г. С. Амиров в своей статье отмечает: «Уже здесь автором проводятся широкие сравнения лексики качинского, алтайского, койбальского, чулымско-татарского, казанско-татарского, казахского, якутского, древнетюрского и монгольского языков. Хотя эти сравнения не всегда еще регулярны и последовательны, но и они вместе с русскими эквивалентами и некоторыми переводами на немецкий, латинский, греческий и английский языки показывают Н. Ф. Катанова как весьма эрудированного лексикографа. Большую ценность и поныне представляют зафиксированные в сло-

варе названия растений и животных с их международными латинскими наименованиями»⁵.

В начале словаря приводится объяснение использованных сокращений. В конце дается перечень собственных имен, встречающихся в богатырских поэмах минусинских татар (хакасов).

Например: *Алтын Тана* – Золотая пуговица, *Ай мирген* – Луна, стрелок, *Алтын Чачах* – Золотая кисть и т. д.

Анализ словарного состава позволяет выделить следующие лексико-тематические группы:

1) бытовая лексика: *иб* – юрта, дом, *иркин* – порог у дверей;

2) предметы домашнего обихода: *хаб* – трут, *идис* – посуда;

3) термины родства: *ага* – дедушка, *хасты* – теть;

4) географические названия: *Тазоба* – Ташеба, *Хызылчар* – Красноярск;

5) масти лошадей: *хула ат* – саврасый конь, *ала ат* – пегая лошадь и др.

Большой интерес представляют зафиксированные в словаре названия растений (около 40). Их можно подразделить на несколько групп:

1) названия деревьев: *тыт* – лиственница, *тирек* – тополь, *ос* – осина, *хазың* – берёза, *хара сыбы* – пихта, *хузух агазы* – кедр;

2) названия кустарников: *нымырт* – черёмуха, *саңыс* – калина, *тоо* – боярышник, *каргана* – ракета, ракитовый куст, *иттиген* (*у алт. тігенек*) – шиповник, *ит пурун* – шиповник (головка);

3) названия ягод: *аба чистегі* – малина (*букв. медвежья ягода*), *чир чистегі* – клубника (*букв. земляная ягода*), *көзіргат* // *хусхацах чистегі* – костяника (*букв. птичья ягода*), *ноңных* // *нунных* – черника, *хызылгат* (*хат*) – красная смородина, *тиин хады* – брусника;

4) названия трав: *маңырсын* – лук дикий (степной), *порчо* – цветок, *сымысха* – пикульник, *сахчаң от* – крапива провинц. жалючка, *көбйрген* – лук полевой, *күгүрт оды* – чемерица, *өлең* – ковыль, *ирбен* 1) полынь, 2) богородская трава, *хой ирбені* – незабудка, *киндір* – конопля, *хандых* – кандык;

5) наименования огородных культур: *ябылах* // *чабла*х – картофель, *салгын* (алт. чалкан) – репа, *муksун* – лук огородный;

б) названия злаковых культур: *пугдай* – пшеница, *чайгы пугдайы* – яровая пшеница, *хысхыдагы пугдай* – пшеница озимая и т. д.

Также следует отметить, что некоторые названия растений сопровождаются толкованием. Например: *палтырган* // *малтырган* – пучки (растение с большими листьями, которыми свободно можно укрыть ребенка); *саң от* – колокольчик (тагда өсчен үс пүрлиг от), *падан* – бадан (саг. употребляют вместо чая).

В других случаях слова объединены в гнезда и в качестве иллюстрации приводятся словосочетания или даже предложения [в сравнении с другими языками]. Например: *от* – растение, трава, *от тузы* – сенокос; *отаг* (алт. оду, одау) – стан, шалаш, балаган на покосе; *оттирга* – есть траву (о животных); *отха кірерге* – начать косить траву, *отхарарга* – пустить (лошадь) на подножный корм.

Но встречаются и такие обозначения растений, которые в настоящее время стали архаизмами или почти вытеснены из активного употребления. Это такие слова, как: *таспас*, см. *ипсек* – чертополох (часть его над землей), *тарбас* – кандык, *салаа* – верба (дерево).

Необходимо отметить, что в словаре есть некоторые названия растений, заимствованные из русского языка и фонетически освоенные, например: *кмель* – хмель, *прукпе* – брюква, *корох* – горох, *арыс* – рожь.

Неизменность, устойчивость, сохранение этих названий растений до наших дней говорят

о том, что в словаре собраны в основном общепотребительные слова.

Таким образом, «Сагайско-русский словарь» дает читателю очень интересный и ценный материал. В нем мы находим много слов, бытовавших в то время, но вышедших или почти вышедших сейчас из употребления. Данная работа имеет историческое значение для исследования лексики хакасского языка начала XX в., особенно живой разговорной речи хакасов того времени. Н. Ф. Катанов, хорошо знавший свой язык, при составлении словаря стремился наиболее точно передать все значения тех или иных слов.

Рассмотренные фитонимы бытуют не только в хакасском, но и в других тюркских языках.

Изучение хакасского языка, начатое дореволюционными учеными и, в первую очередь, Н. Ф. Катановым, продолжается и сейчас. Материалы «Краткого сагайско-русского словаря» послужили основой при составлении хакасско-русских словарей (1953 и 2006). В настоящее время сектор языка ХакНИИЯЛИ работает над составлением толкового словаря хакасского языка.

В заключение приведем слова профессора С. П. Ултургашева: «Жизнь и деятельность первого хакасского ученого нового времени с мировым именем будут служить примером для новых поколений ученых Республики Хакасия. Пока существует и развивается востоковедческая наука, имя Н. Ф. Катанова не растает в тумане времени, а его труды переживут века»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тумашева, Д. Г. Н. Ф. Катанов – профессор Казанского университета // Ученые записки ХакНИИЯЛИ.– Вып. X. Серия филологическая. – Абакан, 1964. – С. 73.
2. Образцы народной литературы тюркских племен, собранные Н. Ф. Катановым. – Ч. IX.– СПб., 1907.
3. Субракова О. В. Отражение сагайского диалекта хакасского языка в материалах Н. Ф. Катанова и данные о его современном состоянии// Катановские чтения. – Казань, 1998. – С. 106.
4. Катанов, Н. Ф. Татарский язык (сагайское наречие). Сборник примеров и словарь сагайско-русский. – Красноярск, 1884; Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, № 589.
5. Амиров, Г. Лексикографическая деятельность Н. Ф. Катанова // Ученые записки ХакНИИЯЛИ.– Вып. X. Серия филологическая. – Абакан, 1964. – С. 119.
6. Ултургашев, С. П. Звезда мировой величины. – Абакан, 1993. – С. 14.

Н. Ф. КАТАНОВ И ТУВИНСКАЯ ОНОМАСТИКА

Всемирно известный ученый-тюрколог Николай Федорович Катанов посетил Туву в 1989 г. Поездка в «Урянхайскую землю» длилась с 15 марта по 28 августа 1889 г. и проходила по маршруту: *Верхнеусинское – Эйлиг-Хем – Куйлуг-Хем – Чаа-Холь – Верхнеусинское – Булук – Элегест – Шагонар – Чаа-Холь – Чадаана – Хемчик – Ак-Суг – Чыргакаы – Чер-Чарык*.

За время пребывания в Урянхайской земле Н. Ф. Катанов собрал огромный корпус сведений по языку и этнографии урянхайцев, этот материал лег в основу труда «Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 г. по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества».

В 2011 г. доктор культурологии, кандидат искусствоведения Айлана Кужугетовна Калиноол подготовила рукопись данного труда к печати со вступительным словом и комментариями (Кызыл, 2011). Указатель названий сделан К.-М. А. Симчит.

Большой интерес для исследователя, занимающегося ономастикой, представляет материал, собранный Н. Ф. Катановым.

В данной статье мы обращаемся к некоторым собственным именам в материалах Н. Ф. Катанова, привлекаем словарные статьи «Топонимического словаря Тувы» (Кызыл, 2007).

Н. Ф. Катанов-исследователь не только фиксировал названия, а записывал этимологию онимов – собственных имен. Например: *Баян-Гол* (богатая река), имя *Улуг-Паитыг* (большеголовый), *Шыра-Булак* (желтый источник). В материалах ученого читаем: «Затем поднялись на другой перевал, с южного склона которого берет начало шумная река *Кули-Кем* (совр. Куйлуг-Хем). Название этой реки по-сойотски значит «река с пещерами». Это название дано ей потому, что в горах, окаймляющих правый берег этой реки, есть пещеры, в одной из которых спасался, по словам сойотов, какой-то буддийский отшельник»¹. «Местность, на которой находится

заведение Л. И. и М. И. Бяковых, называется по-урянхайски «кая пажы» (совр. Хая-Бажы), то есть начало скалы, потому что как раз близ заведения М. И. Бякова ряд гор, идущих как отрог Танну-ола, с юга упирается Кемчик (совр. Хемчик) громадную скалою»².

В труде Н. Ф. Катанова представлен широкий диапазон онимов: антропонимы, топонимы, гидронимы, оронимы, прозвища, этнонимы.

Антропонимы – собственные имена людей: *Кок-Хуна, Сырга, Танзын, Таспакай, Топчун-ол, Порака, Намзат, Таргун-тай* (шелковый жеребенок), *Чаи-ол* (Чаш-оол младенец-юноша), *Калгачык* (дверцы), *Кулунчак* (жеребенок), *Алдын сал* (золотой плот). «Проводника зовут *Ымырачык* (тув. *Ымыраажык*) (маленький комар): «Меня называли так потому, что во время моего рождения было много комаров». В дни пребывания в Туве Н. Ф. Катанова о нем были сложены песни: «Дружественный *Мыхлай*, сын татарина, ходит ли, лишь покуривая табак? Дружественный *Мыхлай*, сын бельгира, ходит ли, лишь меняясь подарками?»

Оронимы – названия горных объектов: горы *Джарга, Танну ола, Бура, Корбес-Кюн* (совр. *Хун-Корбес*) (недоступный солнцу).

В словарной статье «Топонимического словаря» читаем: *Хун-Корбес* – утес в Хемчике, Чаа-Холе; *хун* «солнце», *көрбес* «не видеть» (*көр* + *бес* – афф. прич. наст.-буд. врем. в отриц. форме), букв. *солнце не видящий*. По объяснениям Н. Леонова: «Нижний Кемчик мчится в тесном коридоре, где нередко встречаются мрачные утесы, «не видящие солнца» (хунь-курбес). На затененных мрачных скалах можно увидеть каменного козла»³.

Н. Ф. Катановым записана одна из легенд о *Джарга* (Чаргы): в этой горе есть пещера, вход в которую трудно найти и в которой имеется клад серебра. Клад, по словам сойотов, принадлежит обитателю подземного мира Аза, который наказует смертью за смелую попытку унести вещь, ему одному принадлежащую⁴.

О Чаргы в «Топонимическом словаре Тувы»: *Чаргы* (варианты – *Джарга*, *Чарга*) – гора на левобер. Улуг-Хема; тув. *чаргы* «судебное дело, иск, тяжба», тоф. *чаргы* «разбор, обсуждение (дела); совет, рекомендация».

Существуют легенды, объясняющие происхождение оронима. По одной легенде, название скалистого притора правого притока Улуг-Хема *Чаргы* связано с кладом, который спрятан в скалах. По другой, в долине *Чаргы* долгое время шла тяжба между родами. Третья легенда говорит о том, что в межгорной долине располагалась стоянка войск и военачальники разрешали споры в низине, вблизи этой высокой горы. Предлагается интересным провести параллель между алт. диал. *чаргы* «свирепый, неукротимый, ярый, неистовый» и алт. диал. *чаргы* «точильный камень». Мотивировка названия требует уточнения.

«Места обитания *Аза*, *Эрлик*, *Албыс* и обитателей рек называется *Хайрахан* (Хаирхан), т. е. милостивый господин».

В Туве много гор *Хайыракан*. О горе Хайыракан, описанной Н. Ф. Катановым, в нашем словаре даны следующие сведения. «Недалеко от устья Иджима (Эъжима) возвышается над самой рекой, образуя горный мыс, гора Хайеркан таш (Медвежья), сложенная из хорошего белого мрамора, гора переходит затем в целый хребет», – писал Вс. Родевич⁵. Хайыракан – «уст. рел. почтительное название божества; Всевышний; медведь». В Словаре В. В. Радлова южносиб. *Кайракан* – «почтительное прозвание божества, духов, ангел-хранитель»⁶. Г. Грумм-Гржимайло отмечает: «*Хаирканом* монголы называют отдельно стоящие горы с крутыми склонами и остроконечными вершинами; хаиркан – нарицательное имя и является частью собственных имен гор – Цасту-хаиркан, Менгу-хаиркан; редко это имя является собственным, как, например, Хаиркан-ола»⁷. В книге Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев» читаем: «Хайырхан – родовая почитаемая святыня. На этой священной горе Хайырхан ламы сравнительно недавно устраивали для группы кыргызов общественные моления – оваа»⁸. Тувинский ученый Монгуш Кенин-Лопсан пишет: «Хайыракан – дух земли,

хозяин земли; небесное тело, Небесное божество».

В шаманских молитвах, собранных Н. Ф. Катановым, встречаем оронимы: «О владыки мои, *Верхний Тулаан-кара* и *Нижний Тулаан-кара!* Будете ли долго смотреть в обе стороны, о владыки!», «О владыки мои *Нижний Иихин*, *Верхний Иихин*, *Тунгур-тайга* и озеро *Тоналчын*, находящееся в верховьях *Иихина!*» В «Топонимическом словаре Тувы» даем этимологию *Дулаан-Кара*: монг. *дулаан* «теплый», *кара* «черный, с густым хвойным лесом; великий», букв. *теплая – черная*, название дано по удобным (теплым, защищенным от ветров) местам для зимних стоянок.

Гидронимы – названия водных объектов. У Н. Ф. Катанова отмечено: «*Шира-пулак* (желтый источник) есть небольшая речка близ Барлука, которая имеет устье, исчезающее в земле»; «В *Ак-суг* остановились ночевать на правом берегу *Манжурека* (*Пайн-Чюрек* – богатое сердце». В «Топонимическом словаре Тувы» даем следующее толкование гидронима:

Манчурек (варианты – *Маны-Чурек*, *Манчурек*) р., л. п. р. *Ак-Суг*; *Сут-Хол*; г. вбл. н. п. *Саглы*; *Овюр*; г. *Чаа-Хол*. Следующие варианты происхождения названия: 1) *маны* «манул; др.-тюрк. *ману* «степная кошка, манул» (ДТС, с. 336); монг. *мануул* «дикая степная кошка»; 2) *маны* «мрамор» – дают основание двойко толковать этот гидроним.

Вторая часть названия – *чурек* «сердце; геогр. маленькая сопка, покрытая лесом» (ср. монг. *зурх* «гора с овальной вершиной»). По объяснениям О. Т. Молчановой, алтайское название *Манжерок* (река, гора, долина, н.п.) происходит: 1) *јурек* «сердце», тув. *чурек* «сердце; геогр. маленькая сопка, покрытая лесом», монг. *манах* «стеречь, караулить», т. е. «сторожевая сопка»; 2) возможно, здесь форма *Манжарук* – *Манжаураг*, где *ураг* – родня, родственник, свойственник (по жене), все вместе – это название монгольско-калмыцкого улуса⁹. По мнению местных жителей, река *Манчурек* получила название от горы, напоминающей сердце манула. Эту этимологию подтверждает Ф. Журавлев: «Река течет в горах, две вершины которых напоминают форму сердца». М. Кенин-Лопсан в книге «Алгыши тувинских шаманов»¹⁰ пишет, что название реки связано со

словом *мань* «твердый камень; мрамор», а вторая часть – *чурек* «сердце», далее объясняется, что «*Манчурек* – горная река, пробивающая себе дорогу через высокие горы, хребты, ущелья. Во все времена года река бежит, шумит, грохочет, бушует, словно живое существо».

О *Шагонаре* (тув. Шагаан-Арыг) читаем: «Баян-ол далее сообщил, что река *Шагонар*, впадающая с левой стороны в *Улу-Кем* (или правильное Улуг-Кем), называется по-уряньхайски *Чаган-арыг*, потому что на ней в древности жил какой-то человек по имени Чаган, который и перенес свое имя на реку, находящуюся в его владениях. Другой урянхаец, по имени Калбыкай, сказал, что река называется *Чаган-арыг* потому, что она во время маловодья весьма прозрачна. По-монгольски *Чаган* значит белый; следовательно, имя реки можно перевести «белая роща» или «роща Чагана». О топониме Шагаан-Арыг в «Топонимическом словаре Тувы» даны следующие сведения: *Шагаан-Арыг* (в русской адаптации – Шагонар, в исторических документах – Цаган-Арыг) – река, нас. пункт в Улуг-Хемском кожууне; название населенному пункту дано по реке, наименование которой происходит от монг. *цаган*, *цагаан* «белый» и тув. *арыг* «пойменный лес», т.е. белый лес (по цвету растительности). Среди населения бытует этимология, по которой в составе топонима имеется слово *шагаан* – первый компонент *шагаан-теве* (считается, что в лесу имеются огромные пауки *шагган-теве*).

Прозвище – вид антропонима, данный человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его в

жизни обстоятельствами или по какой-либо аналогии. В материалах Н. Ф. Катанова: «Приехал к М. И. Бякову темичи сумына кулар, живущий по реке Чадан. Ему лет 30. Так как он роста низенького, то урянхайцы прозвали его «биче-темичи», т.е. маленький темичи». «Из прозвищ, данных урянхайцами русским, здесь известны: *Белая рубаша*, *Медная палатка*, *Жирный*».

Н. Ф. Катановым собран материал **по названиям городов**. «Урянхаец Чалбак, проводник наш, сказал мне, что Иркутск по-уряньхайски называется *Ангыр-кода* (город турпанов), Бийск – *Частура* (крепость дождей), Кяхта – *Кактыг* (богатый тальниками) и Минусинск – *Корай* (город)». Нам представляется, название Иркутск связано с этнонимом *иргит*. В настоящее время иргиты проживают в основном в Западной Туве, Бай-Тайгинском кожууне.

Интересны сведения **об апеллятивах (нарицательных словах)**. *Эзим*, по словам Данилы Сапогова, качинского татарина, уже 7 лет живущего в Урянхайской земле, значит также «вообще ровную *стенцу* в тайге»¹¹. «Тут началась уже сплошная *тайга*, заваленная соснами, очищенные от елей служат обыкновенно для ночлегов, так как они сухи, будучи постоянно открыты для солнечных лучей и богаты травой. Такие скрытые места в тайге называются обыкновенно *еланью*»¹². В названном словаре: *эзим* «лес, тайга, таежный; горные леса», тоф. *эсьим* «займище».

Краткий обзор ономастического материала, собранного Н. Ф. Катановым, показывает, что с именем этого великого ученого-тюрколога связаны первые шаги в тувинскую топонимику (шире – ономастику).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества. – Кызыл, 2011. – С. 147.
2. Там же. – С. 167.
3. Леонов, Н. Танну-Тува. Страна голубой реки. – М., 1927. – 39.
4. Очерки... – С. 78.
5. Родевич, В. М. Очерки Урянхайского края. Изд. Упр. внутр. водных путей и шосс. дорог. – СПб, 1910. – С. 11.
6. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий. 1899. – Т. 2. – СПб., 1907. – С. 22.
7. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. 1. – СПб., 1914.
8. Потапов, Л. П. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969.
9. Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979. – 334 с.
10. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова, Э. Л., Октябрьская, И. В. и др. – Новосибирск, 1988. – С. 58.
11. Очерки... – С. 231.
12. Очерки... – С. 319.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕЖЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ**

Вечная проблема взаимосвязи и взаимодействия национальных культур остро и значимо заявила о себе во второй половине XX в., синтезируясь с процессом глобализации, привлекая внимание своей идейно-эстетической актуальностью и исторической закономерностью. В этом пограничье в обозначенный период сформировалась новая исследовательская *проблема: проблема транснациональной литературы, проблема культурного многообразия, когда отдельная национальная литература развивается в общем многообразном литературном контексте.*

Реализм советской эпохи и его эстетическая программа как закономерное историко-культурное явление активно способствовали развитию и углублению коллективного художественного опыта в многонациональной литературе страны.

Известный современный литературовед Н. С. Надъярных справедливо замечает: «Развивающиеся на территории бывшего Советского Союза национальные литературы – многостадийный литературный процесс, нуждающийся и в настоящем, и в прошлом своем ... в основательном перечтении»¹.

По-новому необходимо осмыслить те магистральные направления, которые определяют жизнеспособность этой литературы: литература и этнография, литература и язык, литература и история, литература и фольклор, литература национальная и литература пограничья (русскоязычная) по отношению к литературе мейстрима (основного потока).

Границы в культурном пространстве подвижны: они не только разделяют, но и *связывают* разнородные художественные потоки, несущие самые разные начала – философские, этические, эстетические, исторические, переосмысленные в сознании того или иного художника.

Начиная от последней четверти XX в., в мировом литературном процессе стала особенно активно муссироваться проблема выч-

ления и осмысливания национально-этнических составляющих литератур (Е. М. Бутенина, М. К. Попова, О. Г. Сидорова, М. П. Сухотина, М. В. Тлостанова и др.). Это прежде всего афроамериканская литература, англоязычная, азиатскоамериканская литературы. Вопросы теоретического свойства, проблематика разрыва между языком и национальностью разрабатывается в трудах С. Руиди, Дж. Скиннера, Х. Бхабхи, Г. Спивака, Э. Саида, С. П. Толкачева, О. Г. Сидоровой, Г. Чхартирашвили, например, исследует проблему синтеза традиций и культурных форм запада и востока, формирующего т. н. «новую», «восточно-западную литературу» как гибридную и «андрогенную».

В системе координат мировых транснациональных литератур особое место занимают т. н. литературы народов бывшего СССР и, в частности, сибирские транснациональные литературы – алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская. «Особое место» в данном случае прежде всего остро обозначилось проблемой *контекста* национальной литературы, контекста как внутреннего (связь национального «текста» литературы со своим контекстом – литературным, историческим, общественным, философским), так и высшего (выявление путей и форм соприкосновения литератур, их переключек, контактных и типологических схождений и расхождений, их взаимообмена и взаимообогащения). Модель транскультурной литературы объективно близка и внутренне присуща теперь уже российскому поликультурному пространству, когда определенная историко-культурная ситуация *связывает* «разнородные художественные потоки». Именно поэтому понятие «соединяющее», а не «разделяющее» становится спорным в диалоговой концепции М. М. Бахтина, когда межнациональное общение, плодотворное взаимодействие ведет прежде всего к объединению идейно-эстетических свершений различных национальных культур. Фактом активного взаимодействия двух

культур в сибирских национальных литературах стало творчество русскоязычных авторов. Их художественно-эстетические поиски позволяют заявить о таком качественно новом явлении, как образование нового типа национальной литературы – литературы транскультурного свойства, которая, согласно исследованиям С. Ж. Балданова и О. Ю. Барановой, по условиям своего зарождения, эволюции, идейно-эстетическим параметрам может быть сравнима с латиноамериканским литературным пограничьем, стать «в один типологический ряд «иноязычных» – англоязычных, франкоязычных, испаноязычных, португалоязычных, русскоязычных и др. литератур» (Ж. В. Бурцева). Проблемам исследования творчества писателей литературного пограничья (русскоязычного), исследования литературных связей, раскрытию их творческого результата посвящены работы целого ряда сибирских литературоведов: А. А. Бурцева, Ж. В. Бурцевой, Н. Н. Тобуркова, З. Ж. Балданова, Н. В. Сивцевой, М. Г. Михайловой, З. К. Башариной, Д. Е. Васильевой, Е. В. Дишкант, А. Н. Мыреевой, А. А. Билукиной, М. Н. Дьячковой, П. В. Максимовой, Е. А. Куклиной, Л. Н. Романовой, И. С. Емельянова, А. М. Скрябиной – и других отечественных литературоведов: Р. П. Васильевой, М. М. Михайлова, О. Н. Мальцевой, В. А. Зайцева, Г. Н. Малышевой, М. Ф. Пьяных, Г. В. Карпунова, Ш. А. Мазанаевой, П. В. Михед, Н. Р. Мазепы.

В решении различных проблем типологического подхода их сравнительного изучения остаются основополагающими исследования М. М. Бахтина, А. С. Бушмина, П. Н. Беркова, Н. Бердяева, Н. Н. Веселовского, А. Дима, И. Г. Неупкоевой, Н. С. Надъярных, Г. И. Ломидзе, З. С. Кедриной, Д. Дюришина, межтекстовых связей – работы Ю. М. Лотмана, И. П. Смирнова, В. Н. Топорова, М. Б. Ямпольского, М. Л. Гаспарова, концепции интертекстуальности – труды Ю. Кристевой, Ж. Женетт, Р. Барта, Ж. Деррида.

Исследование всех перечисленных проблем, особенно «диалога культур» и межтекстовых связей (текст как открытая система для взаимодействия с другими текстами), помогает решить непростые проблемы (маргинальность, пограничье, «свое» и «чужое», интертекстуальность)

транскультурной (русскоязычной) литературы, ставшие особенно актуальными для литературной ситуации пореволюционной да и современной России.

1917 г. породил глобальный контекст исторической ситуации, в которой одновременно стали развиваться многочисленные литературы. В данной ситуации важно понять, каковы здесь точки соприкосновения и отталкивания, способность к диалогичности (согласно мысли М. М. Бахтина) и что такой способностью обладает. М. М. Бахтин писал об этом явлении внешнего контекста так: «Я единственный должен стать в определенное эмоционально-волевое отношение к историческому человечеству и должен утвердить его как действительно ценное для меня, этим самым станет для меня ценным и все для него ценное»².

Глобальному контексту подчинены и внутриконтекстуальные факторы: лингвистические, этнокультурные, психологические и другие. В опыте каждой нации есть свое, неповторимое, добытое собственной мыслью, собственными усилиями, собственной национальной энергией. Однако в «багаже» нации имеется и то, что чаще всего в силу исторических обстоятельств воспринято у другой нации, переосмыслено, преобразовано в свое.

Нет и не может быть в мире абсолютно «стерильных» наций, всецело погруженных только в свое собственное. «Чем шире открыты интеллектуальные, эмоциональные, эстетические пространства нации для человечества, – пишет Г. Ломидзе, – тем она интереснее, сильнее ...

Открытость дает возможность нации лучше видеть «чужое», извлекать из соприкосновения нужное для себя и отдавать им то, чем она сама щедрa и притягательна»³.

«Чужое», таким образом, чем-то близкое, не будет подавлять «родное», а органично войдет в него, обогащая этим самым и родное⁴.

Существенным проявлением глобального контекста в многочисленных национальных литературах народов, населяющих территорию бывшего СССР, в том числе и хакасской литературе, является *интернационализм*. По мнению Г. Ломидзе, «...интернационализм не тема, а понятие мировоззренческое»⁵.

Если в художественном произведении состав действующих лиц многонационален, то вовсе не это определяет интернационализм, а то, что их объединяет, что они строят и утверждают, что важно для человечества (В. Кобяков, А. Топанов, М. Коков, М. Аршанов, Н. Доможаков, М. Кильчичаков, И. Костяков, М. Баинов, В. Шульбаева). Интернациональное начало не механически объединяет литературы, не «растворяет» их друг в друге, не подавляет национальное. Оно подвигает национальное вырасти до общечеловеческого: национальное чувство и чувство интернациональное не противостоят одно другому по своей психологической ориентации, т.к. они едины и неразделимы уже по своему содержанию.

Однако прежде всего эта сторона глобального контекста подверглась в свое время атакам критиков вульгарно-социологического толка (К. Каутский, Г. Купов, О. Бауэр, К. Реннер). Они настаивали, что именно интернациональное начало будет способствовать неминуемому растворению наций в едином человечестве.

Подобная позиция обоснованно опровергается в трудах Н. Бердяева: «Установление всечеловеческого братства народов, – считал он, – если в отдаленном будущем свершится такое, будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей. Чувствовать себя гражданином вселенной совсем не означает потерю национального чувства и национального гражданства... Кто не любит своего народа, тому не мил и конкретный образ человечества»⁶.

Не менее важным проявлением *глобального контекста* национальных литератур, венцом их развития стал *новый тип героя*, облаченного высокой ответственностью за судьбу собственной нации и судьбу человечества, естественно, с разной психологической, социальной и художественной доминантой в разных литературах. Общим для всех литератур было то, что *новый герой* защищал идеалы свершившейся революции, решительно противостоял разного рода социальным и нравственным алогизмам.

На грани XX и XXI вв. в национальных литературах стало прослеживаться то, что можно назвать «триумфом личности» (Н. Надъярных), когда литература «показывает взлет коллективистских (массовых) усилий навстречу наци-

онально-освободительному идеалу и народу с этим, а часто и в противостоянии – возвышение индивидуализма»⁷. Национальные литературы, таким образом, формируют культурно-исторический тип, своего рода модель, которая синтезирует стадии культурной эволюции, их наиболее характерные и типические черты.

В советский период, по мнению большинства современных литературоведов, длительное время сохранялась чересполосица уровней развития литератур. Одни литературы продуцировали новые концепции, другие только облекались в письменную форму, «оставаясь по характеру, духу, по всему своему «тексту» – содержательному и формальному – фольклорными»⁸.

Хакасская литература принадлежит по своему типу к тем, основой которых стало художественное сознание, берущее свое начало в фольклорных традициях, и начавшее формироваться в 1920–1930 гг., не прошедшее полного цикла стадийно-исторического развития. Первые писатели, таким образом, могли опереться прежде всего на духовное наследие, которое сложилось в эпоху первобытно-общинной формации, и сама духовная культура отличалась традиционализмом сознания.

Мифологические традиции (космогонические, этнологические мифы), темы, образы, разного рода противостояния эпического народного творчества (алыптых-нымахи, нымахи), песенного фольклора (ыры, сарыны, тахпахи) подвергались рецепции первыми хакасскими писателями и одновременно просветителями (А. Топанов, В. Кобяков, К. Самрин, П. Штыгашев, М. Коков, М. Аршанов), трансформируясь в их творчество. Эмоциональное содержание, гуманистическая направленность национального фольклора становятся той питательной средой, в которой формировалось художественное сознание национальных писателей всех поколений. Классик отечественной и мировой литературы Ч. Айтматов об этом писал следующее: «Вся культура моего народа вскормлена эпическими сказаниями. В своем творчестве я остаюсь верен этой традиционной манере изображения поэтических образов, посредством которых, считаю, можно отлично показать всю сложность современной действительности»⁹ («Белый пароход»,

«И дольше века длится день», «Плаха», «Мадонна в снегах» – А.К.).

Шагнув в новый век непосредственно от фольклорных первоисточников, молодые литературы, в том числе и хакасская, приумножали свои национальные художественные ценности на путях взаимосвязей и творческих контактов, что не могло не привести к ускорению литературного процесса, «свертывания», исчезновения некоторых стадий, к одновременному возникновению и сосуществованию различных художественных образований. Неравномерность литературного развития, продиктованная историко-культурными влияниями времени и среды, выдвинула русскую литературу на главенствующую роль и сделала ее ведущей по отношению к литературам народов национальных окраин, в том числе и хакаской литературы.

Проблема взаимодействия и творческих связей литератур, ее трактовка литературоведами сложна и неоднозначна.

Каковы типологические закономерности развития хакаской литературы в русле литературного процесса России периода 20–90-х гг. XX в.?

З. Кедрина, ссылаясь на мнение И. Г. Неупокоевой, говорит о двух типах литературных связей, «...которые можно назвать связями *контактными* и связями по *исторически обусловленному сходству* литературных процессов. Эти два типа литературных связей выражают разные стороны единого мирового и историко-литературного процесса»¹⁰.

Творческие связи хакаской и русской литературы скорее всего можно определить, как «по исторически обусловленному сходству».

На территории Хакасии с момента освоения земель Хакаско-Минусинской котловины русскими (XVIII в.) столкнулись две различные культуры, два образа жизни. При взаимодействии любые культуры испытывают взаимовлияние и взаимообогащаются. Переселенцы и аборигены заимствовали друг у друга культуру, перенимали образ жизни, бытовые традиции, а также религию на ее обыденном уровне. «Прямые контакты переселенцев с народами Севера вкупе с официальной пропагандой христианского вероучения, – пишет местный ученый-историк, – стали одним из главных факторов взаимопроникновения и

взаимовлияния культур»¹¹. Шло активное взаимодействие русского фольклора с фольклором народов региона. Хакасы, шорцы использовали в общении русские пословицы, поговорки, сказки, пели русские песни и частушки. Среди русского населения бытовали хакаские легенды, предания, главным образом, связанные с топонимикой. В книге Н.Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866, ч. I, 1907) записано около двух десятков хакаских сказок, в повествовательных линиях которых явно просматривается *синтез* сюжетных перипетий русских и хакаских сказок. Подобное явление нельзя рассматривать как механический процесс – это факт историко-культурной ситуации, порождающий взаимодействие и взаимовлияние культур.

Взаимообогащение шло и на уровне языков: народы Саяно-Алтайского нагорья заимствовали много слов из русского языка (*тесто, булка, блин, амбар, пол, чулки, ключ, кабак*), терминов и терминованных сочетаний в хакаском языке в 20–30-е гг., – пишет хакаский филолог-лингвист, – осуществлялось через стадию мощного влияния русского языка и его терминологической системы (Совет, революция, съезд, партия, кино, радио, роман, такси, свитер, клуб)»¹². В свою очередь, русские говоры, бытующие в Хакасии и на Алтае обогащались за счет тюркизмов (*буран, табун, тасхыл, торбак*). Согласно свидетельствам известного исследователя Сибири Н. М. Ядринцева, инородческие мировосприятие и поверья усваивались русскими: «Шаманы, – писал он, – и их ворожба производили впечатление на русских казаков и промышленников, и они усвоили веру в могущество шаманов и их чудесную силу, обращались к ним в трудных случаях»¹³.

В результате исторически сложившегося совместного проживания аборигенов и переселенцев создавались предпосылки не только широких культурных, но и кровнородственных связей между ними. Таким образом, возник этнический симбиоз на основе чувств национальной терпимости и взаимного уважения.

В русской художественной литературе описание Хакасии появляется во второй четверти XIX в., а связано это с декабристами, сослан-

ными в Сибирь. Будучи первыми просветителями в этом отдаленном крае России, они очень много сделали для становления сибирской литературы, в частности, издания «Енисейского альманаха», первый номер которого вышел в 1828 г. Он стал и первым сборником литературных произведений поэтов Сибири, многие из которых, следуя прогрессивной традиции, посвящали свои стихи жизни и быту нерусских народностей, в том числе и хакасов. Так, А. Кузьмин воссоздает романтическую картину природы Хакасии:

Я видел мощный Енисей,
Где он стрелой летит из края
Родной Монголии своей,
Хребет Саянский рассекая.
Я видел светлый Абакан,
С его могучими волнами,
Какая из сибирских рек
Обильна столько красотами...

Затем автор подробно рассказывает об отдельных приметах жизни хакасов:

Я видел юрты дикарей,
Разбросанные по долинам,
Как сопки посреди степей,
Они курятся вечным дымом.
Вблизи от них журчит вода,
Дворы татар¹⁴ – большое поле.
На поле – тучные стада
Пасутся сами в сладкой доле...

И. Петров, издатель альманаха, воспроизводит народную песню хакасов, лейтмотив которой – социальное неравенство, выраженное в жалобе бедняка, уступающего свою возлюбленную ради ее счастья богачу:

Справедлив отец твой строгий –
Дорога твоя весна.
В юрте дымной и убогой
Ты томиться не должна.
У Сагира много злата
И огромные стада.
С ним счастлива и богата
Будешь ты на все года...

Известный хакасский и российский ученый – языковед, фольклорист и ориентолог – Н. Ф. Катанов отметил национальный колорит и поэтичность, переданные И. Петровым в этой песне.

Для ознакомления российского читателя с жизнью хакасского народа много сделали ссыльные революционеры, проживавшие в Минусинском уезде: Ф. Кон, П. Аргунов, А. Беляев, А. Андрианов, А. Ярилов, Е. Яковлев, Д. Клеменц.

Декабрист А. Беляев оставил немало реалистичных и ярких очерков о жизни хакасов, подчеркивая простоту этого народа, его гостеприимство, необычность и красоту хакасского фольклора. О «сильной поэтической форме» хакасского фольклора говорил известный писатель-фольклорист А. Вербицкий.

Песенный фольклор тюрков Саяно-Алтая и народов Саха (Якутия) является кладезем образности, глубокого лиризма, яркой выразительной поэтики. Исследование песенного фольклора сибирских тюрков совпало с расцветом фольклористики на этой территории Сибири в середине XIX в., когда выдающиеся ученые, интеллигенты-подвижники положили начало созданию «золотого запаса» фольклорных записей, соотнося их с древнейшими фольклорными и литературными традициями орхоно-енисейской письменности. В. В. Радлов создал в тюркологии особое направление и воспитал плеяду крупных специалистов-тюркологов, которые продолжили раскрывать тайны рунических памятников Южной Сибири и Центральной Азии – это П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, ученики С. Е. Малова – А. М. Щербак, Э. Р. Тенишев, Д. М. Насилов.

О взаимоотношениях народной песни с древней поэзией тюрков (в частности, использование богатства художественных приемов, свойственной рунической поэзии) имеются исследования Н. Ф. Катанова, И. В. Стеблевой, М. А. Унгвицкой, А. Л. Кошелевой у хакасов, В. И. Вербицкого, С. М. Каташева, Н. М. Киндиковой – у алтайцев, У. А. Донгак, З. М. Самдан – у тувинцев, И. Худякова, Н. Горохова («Верхоянский сборник», Иркутск, 1980), Э. Пекарского – у якутов.

Песенный фольклор сыграл определяющую роль в становлении и развитии лирики в ново-

письменных литературах народов Саяно-Алтая и Якутии. Народная лирическая песня – это то, что привнесло в профессиональную лирику жизнь: беду и радость, философичность и мудрость, конкретизированные предметно-образные чувства к родной природе.

Во второй половине XIX в. Н. М. Ядринцев написал ряд этнографических работ, публицистических статей, в которых сформулировал своеобразную программу просвещения нерусских народностей Сибири и ратовал за создание местной интеллигенции. Н. М. Ядринцев много сделал для развития литературы в Сибири. В 1882 г. он организует издание газеты «Восточное обозрение», при которой регулярно издавались литературные сборники. В этих сборниках печатались очерки, заметки, рассказы о Хакасии.

А. М. Горький, интересуясь бытом, фольклором «племен, которые жили безвестно», написал много писем писателям-сибирякам. Интересовался Горький и фольклором хакасов, запросив у В. Анучина «Книгу сказаний минусинских татар».

Исторической и культурной обусловленностью продиктованы особенности становления и развития любой литературы, в частности, и литератур народов Сибири. До недавнего времени в отечественном литературоведении официальным было признано мнение, что хакасская литература, одна из новописьменных Российских литератур, не прошедшая полного стадийного развития, начала свой путь становления в 20-х годах XX в. Однако исследования таких известных ученых, как Л. Р. Кызласов, И. В. Стеблева, М. А. Унгвицкая, работы современных литературоведов (А. Л. Кошелева, А. А. Чертыкова) вполне обоснованно позволяют вести речь о древнейших фольклорно-литературных традициях хакасов, начиная от памятников орхоно-енисейской письменности, литературных традиций XIX века (И. М. Штыгашев)¹⁵.

Иван Максимович Штыгашев (1861–1915) – ученый-самородок: лингвист, владевший шорским, сагайским и алтайскими наречиями тюркских языков, просветитель, миссионер, писатель, стоявший у истоков письменной литературы Шории, Алтая, Хакасии и становления русско-хакасско-алтайских литературных связей конца

XIX – начала XX в. Переведена на русский язык и опубликована в Казани повесть И. М. Штыгашева «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева» (1885), а затем всероссийскую известность получил его очерк «Поездка матурского священника в Урянхайский край в 1913 году».

Историко-культурный хронотоп стал определяющим для становления и развития хакасской литературы и формирования в ней элементов транскультурной литературы, начиная от 20–30-х гг. XX в. Проблема творческого взаимодействия и типологической закономерности – одна из главных в процессе исследования национальных литератур России, их живого взаимодействия как с традициями национального фольклора, так и с традициями развитых литератур, в частности, русской. Формирующая роль развитых литератур, а на территории бывшего СССР это – русской литературы, – особенно явственно там, где кончается возможность национального фольклора. Однозначно мнение российских литературоведов всех поколений о том, что новописьменные литературы имеют два могучих истока – национальный фольклор и русскую литературу.

Однако к проблеме взаимодействия некоторые исследователи до настоящего времени относятся с определенным опасением, усматривая здесь как бы покушение на национальную самобытность искусства, его идейно-художественную самостоятельность. Это связано с тем, что понятие «взаимодействие литератур» подменялось понятием «литературное ученичество», когда один художник выглядел по отношению к другому, говоря словами Пушкина, «как робкое дитя чужих уроков». Отечественное литературоведение уже в конце 1950-х гг. выступило с критикой этого одностороннего подхода к явлениям литературного процесса. Еще в 1957 г. Г. Ломидзе в книге «Единство и многообразие» остро поставил вопрос о принципах научной разработки проблемы взаимодействия и о ложном толковании ее, типа: «Различного влияния ... выступают в роли основного возбудителя творческой энергии...»¹⁶ или «...Достоинством признается отсутствие собственного умозрения, повторение – некоей доблестью»¹⁷. Концепция литературного процесса как процесса учебного находила

приверженцев и в 1960 гг. Литературу 1920 гг., особенно молодые литературы, представляли как находящиеся на обучении у Горького и Маяковского. Как ни примитивна эта концепция, она долгое время сохраняла своих приверженцев. Альтернативную позицию по отношению к подобным ученым занял А. Бушмин, который вскрыл несостоятельность подобной методики выявления «похожих мест» для сближения последователей с предшественниками. Говоря о том, что цель изучения литературных влияний состоит в раскрытии их творческого результата, он обосновывает, что подлинная, высшая преемственность – в *преобразовании унаследованного*. «Метод установления генетической связи исследователя с предшественником на основе внешнего сходства в слоге, в образах, в композиции, в жанре произведений, – пишет А. Бушман, – сводит сложную проблему творческого взаимодействия писателей к подражанию и не дает возможности провести грань между эпигономством и подлинно творческим наследованием художественных традиций... Высший эффект преемственности развития литературы проявляется не в полноте и частоте сходства последователя с предшественником, а в их различии...»¹⁸ В чем причина такой двойственной трактовки этого явления? Творческие взаимосвязи – межнациональные, литературные – есть процесс ассимиляции инонациональной традиции, инонациональной специфики своей национальной специфики. Уже по своей функциональности этот процесс несет в себе два начала – творческое (позитивное) и эпигонское (негативное), что и формирует его внутреннюю противоречивость.

Хакасский фольклор, а также традиции классической и пореволюционной русской литературы стали той основой, питательной средой, на которой возникла и стала развиваться хакасская литература 1920–1930 гг., одновременно приобретая черты транснациональной литературы, осваивая тоже одновременно стадию зарождения и эволюционного развития. Революция, активное, стремительное вторжение всего нового в устоявшийся быт хакасских улусов, динамические картины национальной жизни требовали адекватной реакции человека на все происходящее и адекватного полноценного художественного

отображения реалий с необходимостью личностной интонации писателя, способной выполнить действенные эстетические функции (динамичная смена ситуаций, разнообразие сюжетных мотивов, психологических состояний, поэтических приемов), раскрывающие сущность исторических перемен и порой очень острых социальных и нравственных конфликтов. В конкретном случае как никогда стала актуальной проблема взаимодействия и взаимовлияний. «Каждая советская национальная литература, – писал по этому поводу П. Н. Берков, – имеет также и свои идеи, свои цели, свой метод, но в то же время, как язык, традиции, история, национальный характер индивидуально неповторимы, идеи, цели, метод, возникающие в условиях совместной жизни в одном и том же, притом – социалистическом государстве, по своей природе не могут быть различными, антагонистическими»¹⁹.

Между тем русско-хакасские литературные связи остаются недостаточно изученными (труды о хакасской прозе, поэзии, драматургии В. А. Карамашевой, А. Л. Кошелевой, Н. С. Майнагашевой)²⁰; тем более это касается проблемы двуязычного художественного творчества хакасских писателей. Если в хакасской филологии исследован в некоторой степени лингвистический аспект двуязычия (В. Г. Карпов, Т. Г. Боргоякова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев), то литературоведческий билингвизм как явление остается неразработанным. Эту ущербность можно, вероятно, объяснить традиционной и довольно-таки стойкой причиной: многоязычие в представлении многих рассматривалось и рассматривается как «ученичество», «подражание», «дисгармония», «неуважение к родному», национальному. Но неоспорим факт, что идейно-эстетическая значимость литературного процесса в целом *немыслима* без вклада в этот поток литературного мейнстрима завоеваний, наработок какой-нибудь национальной литературы, идиостиля отдельного писателя, в том числе и двуязычного.

Билингвизм (би–лат.) – двух+*lin*–язык) – двуязычие, употребление двух языков в пределах определенной социальной общности, прежде всего государства²¹.

Литературоведческий аспект проблемы билингвизма в определенной степени разработан

в трудах обобщающего характера выше названных известных литературоведов (М. М. Бахтин, А. С. Бушмин, П. Н. Берков, Г. Д. Гачев, В. М. Житмунский, И. Г. Неупокоева, А. Д. Дима, Ч. Г. Гусейнов, Н. Г. Михайловский и др.), в работах литературоведов Якутии, Бурятии, Мордовии, Чувашии (см. выше), посвященных проблемам взаимодействия литератур и литературного двуязычия.

Двуязычие, по мнению М. М. Михайлова, – это «способность отдельного индивидуума... общаться на двух языках»²² или – это «практика попеременного пользования языками»²³ – как утверждает У. Ванрайх. Подобная «практика» литературного двуязычия характерна и для Хакасии, и для большинства национальных республик Российской Федерации.

Явление литературного билингвизма, характерное для мировой литературы, имеет состоявшиеся давние традиции: Омар Хайям, Фирдуси, Навои, Ж. Верн, О. Уальд, К. Бальмонт, В. Набоков, И. Бродский, в русской литературе – В. Жуковский, К. Батюшков, А. Пушкин, Ю. Лермонтов, Е. Баратынский, Ф. Тютчев, Л. Толстой, национальных литературах, в т.ч. новописьменных – О. Сулейманов, М. Карим, Ф. Искандер, Ч. Айтматов, Ю. Рытхэу, В. Санги, Ч. Гусейнов и др. Взаимовлияние, сближение национальных литератур с русской литературой, начавшееся в 1920–1930 гг. в бывшем СССР, продолжилось и получило определенную ярко выраженную направленность в 60–70-е гг. XX в.

Вопрос о принадлежности двуязычного автора к конкретной литературной системе (национальной или русской) является дискуссионным: большая часть исследователей определяющим фактором национальной принадлежности признает языковое выражение. Интересны наблюдения, выводы в работах Гердера (один из первых компаративистов), Уорфа, Гумбольдта, Сепира, Звегинцева; в то время как ряд ученых аргументированно обосновывают факт, что язык, являясь одним из основных признаков этноса, вовсе не единственный и абсолютный «по степени воплощения модус национальной культуры». «Этнопродуцирующую роль, – пишет Р. П. Васильева, – здесь (национально-художественные традиции – А. К.) выполняет

не слово само по себе как языковая единица, а *национально-специфическое мышление*, мироощущение писателя»²⁴. Эта позиция литературоведа явно основывается на известных трудах Г. Д. Гачева, который убедительно аргументирует, что национальная культура это есть отражение *национальной картины мира*, вбирающей в себя «мифологическую модель мира» (система представлений, создаваемых *первобытным* сознанием «фольклорную модель» (система образов устно-поэтического творчества), а сама «*национальная целостность*» – это *единство* местной природы (Космос), характера народа (Психея) и склада мышления (Логос). Г. Д. Гачев заключает: «Двуязычие – это диалог мировоззрений, систем мира»²⁵, когда на уровне языков соотносятся, сталкиваются различные образы жизни, поведения, мирообразы – эти самые «национальные картины мира».

Постоянным спутником хакасской литературы, как и любой национальной отечественной литературы, было «двуязычие – этот интенсивный «диалог мировоззрений». Классификация *литературных влияний* чередуется в работах И. Неупокоевой, Д. Дюришина, А. Дима. Это прежде всего *контактные связи*, как *внешние*, так и *внутренние*.

Внешние связи: личное знакомство М. Кильчичакова с Б. Романовым, В. Розовым, В. Михалковым, В. Солоухиным, Р. Гамзатовым, М. Каримом, Ч. Айтматовым; Н. Доможакова – с известными поэтами Грузии, Казахстана, России; В. Майнашева – с Ю. Кузнецовым.

Внутренние, творческие: переводы на хакасский язык произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Т. Г. Шевченко, Я. Купала, Я. Райниса, А. Гайдара, В. Маяковского, С. Есенина – В. Кобяковым, Н. Доможаковым, М. Чебодаевым, В. Майнашевым. А. Топанов перевел на хакасский язык «Интернационал» Е. Потье в переводе А. Коца и пьесу Л. М. Леонова «Нашествие».

Внутренние связи, в свою очередь, подразделяются на два вида рецепций (истолкований), на языке математическом – на интегральную и дифференциальную формы. Интегральная форма, так сказать, объединяющая национальную литературу с литературой мейнстрима (основного

потока), т. е. в данном случае с русской литературой, или с мифологическими и фольклорными традициями: *аллюзии* (И. Коков. «Прошлое и настоящее», В. Кобяков. «Выстрел», А. Топанов. «С ученьем без нужды»; Н. Доможаков. «На колесах», «Гоголь в улусе», «Н. А. Некрасову»; М. Кильчичаков. «Живая кровь», «Весеннее настроение», «Ожившие камни»; М. Чебодаев. «Всего хорошего!»; А. Халларов. «Каменная баба»; С. Майнагашев. «Великая степь»; В. Угдыжекков. «Сердце Данко»; И. Костяков. «Шелковый пояс»; И. Котюшев. «Сосед Тараса Шевченко»), *стилизованные подражания, адаптация* (М. Чебодаев. «Из Московской тетради»; В. Кобяков. «Сова» (басня), И. Топоев. «Пьяный скворец» (басня); Н. Тинников. «Я сегодня об этом вспомнил»; В. Татарова, Г. Казачинова. «Голова года»; В. Майнашев. «О душе», И. Котюшев. «Мудрый петух», «Лужа», «Ковыль» (сатирические стихи); Н. Доможаков. «Моя азбука»; Н. Ахпашева. «Сталкер»; М. Кильчичаков. «Зарубежная тетрадь»), *заимствования* (М. Аршанов. «Думы чабана»; Н. Доможаков. «Табунщицы»; Н. Ахпашева. «Вечерний альбом: Стихи русских поэтесс», М. Кильчичаков. «Монголки»), *филиации* (стихотворные жанры типа рубай – М. Кильчичаков, стихи лесенкой – М. Чебодаев, Н. Ахпашева); новые для хакасской поэзии жанровые формы: *баллада, сказание* (М. Кильчичаков), *притча* (В. Татарова); крупные поэтические жанры: *лиро-эпическая поэма* (М. Чебодаев, М. Баинов, М. Кильчичаков), *эпическая поэма* по мотивам народного героического эпоса (М. Кильчичаков, М. Баинов), *драматическая поэма* (М. Кильчичаков, Н. Тинников). Явно просматривается заметная эволюция в освоении сложных творческих систем, принципов мировой и отечественной классики: элементы циклизации, карнавальности (рассказы о женщинах Митхаса Турана, пьесы «Чатхан волшебный» И. Топоева), «внутренний монолог», «поток сознания» (проза В. Кобякова, Н. Доможакова, И. Костякова), «центростремительная композиция» (повести Н. Тинникова «Песни Кавриса», «Первый хлеб», «Я сегодня об этом вспомнил»).

Наряду с *контактными связями* в становлении и развитии транскультурной модели хакасской русскоязычной литературы важное значение

имеют *типологические схождения*: алыптых ныхахи и ныхахи у хакасов, «Манас», «Алпамыс» у киргизов, героический эпос и народные сказки у русских.

Многонациональная советская литература 1930-х гг., развиваясь в разнообразных проявлениях единого художественного метода, исторического и эстетического контекста, испытывала *общие* издержки (выпячивание светлых сторон жизни, затушевывание трудностей, противоречий, расплывчатость многих образов, картин, описаний, бодрячество – в массовой песне), порой, достигая зрелого мастерства, решала сложные творческие проблемы. Так, новаторским вкладом советской поэзии 1930–1940-х гг. в мировой литературный процесс был *новый образ лирического героя*, в котором запечатлелись черты характера человека новой эпохи – борец, интернационалист (поэзия М. Исаковского, М. Светлова, Н. Тихонова, К. Симонова, В. Гусева, Н. Асеева). В хакасской поэзии в этот период большое общественное звучание получает творчество М. Кокова. Тематика и проблематика таких его стихов, как «Наша Родина – СССР», «Готовы всегда», «Самураи зазнались», «Песня призывника», «Наш» (о мужественных полярниках), явно преодолевает границы национального самосознания. Лирический характер становится более ярким, емким. Через свой народ и свою малую родину хакасский поэт чувствует свою страну. Раскрытие лирического характера в большей степени выходит на психологический уровень, отстраняясь от традиционного, предметного.

Идейно-эстетическое «возмужание», «взросление» хакасской литературы становится явлением постоянным во все последующие этапы ее развития: 1950–1960 гг., 1970–1980-е, 1990-е и начало XXI в. Сглаживается та прежняя заметная разница между «развитой» и «зарождающейся» литературами, а взаимовлияние все больше основывается на принципах равноправия. Это то равноправие, которое М. М. Бахтин назвал «диалогом культур», когда «каждая (культура. – А. К.) сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются... Самый могучий очаг понимания: чужая культура

только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже»²⁶.

Хакасская литература, как и многие наши отечественные национальные литературы, является отражением художественных явлений мирового порядка: как факт культура образования демонстрирует сущность и историческую динамику становления, сохраняя свое и приобретая вариации литературного пограничья, своеобразную модель транскультурной литературы.

Историко-литературный факт – «русскоязычие» таких писателей, как лезгинца С. Сталь-

ского (Гасанбеков), таджика Т. Сульфикарова, дагестанца Р. Гамзатова, киргизов М. Карима и Ч. Айтматова, казаха О. Сулейманова, белоруса В. Быкова, украинца Ю. Андруховича, чукчи Ю. Рытхэу, нивха В. Санги, абхазца Ф. Искандера, а также и хакасских писателей – А. Топанова, М. Кокова, Н. Доможакова, М. Кильчичакова, М. Баинова, В. Майнашева, А. Кыштымова, без творчества которых картина отечественного и мирового литературного процесса будет неполной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Надъярных, Н. С. Время перечтений // Способность к диалогу. – Ч. I. – М., 1993. – С. 7
2. Бахтин, М. М. К философии поступка // Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. – С. 117.
3. Ломидзе, Г. И. В спорах и размышлениях // Способность к диалогу. – Ч. I. – М., 1993. – С. 31.
4. Термины «чужое», «родное». – Г. Ломидзе.
5. Ломидзе, Г. И. Указ. соч. – С. 32.
6. Бердяев, Н. Судьба России. Опыты психологии войны и национальности. – М., 1918. – С. 95.
7. Надъярных, Н. С. Указ. соч. – С. 15.
8. Там же. – С. 23.
9. Айтматов, Ч. // Вопросы литературы. – 1965. – № 11. – С. 24.
10. Кедрина, З. Обусловлено жизнью // Живое единство. – М., 1974. – С. 5–6.
11. Котожеков, Г. Г. Взаимодействие и взаимопроникновение этнических культур Хакасии // Сборник материалов научной конференции «Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития». – Абакан, 1998. – С. 19.
12. Кызласов, А. С. Влияние русской лексики на хакасский литературный язык в период его становления // Россия и Хакасия: сборник материалов научной конференции «Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития». – Абакан, 1998. – С. 202.
13. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония. – СПб., 1882. – С. 553.
14. «Татарами минусинскими» называли в XIX веке хакасов.
15. См: История хакасской литературы. – Абакан, 2011. – С. 14–20.
16. Ломидзе, Г. И. Единство и многообразие. – М., 1957. – С. 277.
17. Там же. – С. 289.
18. Бушмин, А. Преемственность в истории литературы как проблема исследования // Славянские литературы. VI-й Международный съезд славистов. – Л., 1968. – С. 285.
19. Берков, П. Н. Проблема исторического развития литератур. – Л., 1983. – С. 375.
20. Карамашева, В. А. Становление хакасской прозы: жанр, проблематика, характер. – Абакан, 1986; Кошелева, А. Хакасская поэзия 1920–1990 годов: типология и закономерности развития. – Абакан, 2001; Майнагашева, Н. С. Хакасская драматургия 1920–1990 годов: поэтика, типология, закономерности развития. – Абакан, 2008; Ахпашева, Н. М. Переводческая традиция хакасских сказаний о богатырях: автореф дис... канд. филол. наук. – М., 2009.
21. Словарь иностранных слов. – 2-е изд. – М., 2004. – С. 103.
22. Михайлов, М. М. Двухязычие: проблемы, поиски. – Чебоксары, 1989. – С. 11.
23. Там же.
24. Васильева, Р. П. Художественный билингвизм в мордовской литературе и его национально-стилевая природа: дис... канд. филол. наук. – Саранск, 1991. – С. 12.
25. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. – М., 1988. – С. 445.
26. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 334, 354.

ОБРАЗ РОДИНЫ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ ТУВИНЦЕВ (на материале записей Н. Ф. Катанова)

Песенная поэзия тувинцев, как и любой другой национальный фольклор, имеет свою систему излюбленных, устойчивых образов, определяющих её высокую концептуально-смысловую и эстетическую ценность и одновременно характеризующих её жанровую специфику. Одним из таких образов является образ родной земли или родины – места // страны рождения, которая, как гласит популярная тувинская народная пословица «Куш уялыг, киж чурттуг» («Птица имеет своё гнездо, человек имеет свою родину»), непременно есть у каждого человека.

Поэтический облик родной земли, наблюдаемый в тувинских народных песнях, своеобразен тем, что он, во-первых, сливается с образом природы, во-вторых, конкретен изначально, то есть связан с конкретными местами (горы, реки, озёра, долины и т.д.), исторически реальными. Например:

Барып-барып келиримге,
Магаданчыг Улуг-Хемни.
Чидип-чидип келиримге,
Чиргилчинниг Улуг-Хемни.

Когда возвращаюсь из дальних поездок,
[Сердце радуется] прекрасный Улуг-Хем.
Когда возвращаюсь из долгих поездок,
[Сердце радуется] покрытый маревом
Улуг-Хем.

(Здесь и далее даны примеры, собранные Н. Ф. Катановым в 1889 г. во время его научной экспедиции в Туву и опубликованные в 1903 г. в IX части «Образцов народной литературы тюркских племён» В.В. Радлова.)

В этой песне, как видно из её содержания, поётся об Улуг-Хеме (Енисее) – главной водной артерии Тувы.

Бардык аксын көөрүмге,
Маңнык, торгу чыткан ышкаш.

Бай-ла-Тайгам көөрүмге,
Майдыр эргип турган ышкаш.

Смотрю на устье Барлыка и [кажется],
Лежит-расстилается плюш, шёлк.
Смотрю на мою Бай-Тайгу и [кажется],
Проходит праздник Майтреи.

Эта песня также посвящена конкретным местам: реке Барлык и горе Бай-Тайга, расположенным в западной части Тувы.

Таким образом, очевидно, что в песенной поэзии образ родной земли имеет те же особенности, что и жизнь: место рождения, своя (родовая) территория с обозначенными границами. В роли маркера границ своей и чужой земли в основном выступает родовая гора (*даг, тайга*), которой поклоняются, приносят жертву и проводят обряд освящения, как это видно из приведённого выше примера («Майдыр эргип турган ышкаш»). В силу этого устойчивые формулы типа «бедик тандым» («высокая моя тайга»), «кадыр тандым» («крутая моя тайга»), «тооруктук долгай тандым» («ореховая моя тайга»), «эзириктиг ээр тандым» («с косулями моя тайга»), которые часто встречаются в народных песнях, большей частью применительны к малой родине. Это можно увидеть, например, в следующей песне:

Бээр көрген бедик тандым
Беримчези баар болур.
Хая көрген кадыр тандым
Хайыразы баар болур.

Смотрящей в эту сторону высокой моей тайги
Милостью будет печень [зверя].
Смотрящей назад крутой моей тайги
Милостью будет печень [зверя].

Поэтический образ родной земли в песенной поэзии конкретен не только в том смысле, что в них поётся о конкретных местах, но и в

том, что в них, как пишет известный учёный-фольклорист и литературовед Г. Н. Курбатский в книге «Тувинцы в своём фольклоре» (Кызыл, 2001), «зафиксированы ландшафт, рельеф, характер, приметы местности» (стр. 98). Сказанное можно проиллюстрировать и на примере записей Н. Ф. Катанова. Например, окрестности Чадааны (река и одноимённая местность) богаты лиственницей, кора которой обычно имеет красновато-желтоватый цвет. Эта её особенность выражена в песне следующим образом:

Кыстар, оолдар ойнап турар
Кызыл-сарыг Чадаанамны.
Оолдар, кыстар ойнап турар
Ой-сарыг Чадаанамны.

[Где] девушки, парни играют,
Красно-жёлтая моя Чадаана.
[Где] парни, девушки играют,
Серо-жёлтая моя Чадаана.

А в этой песне «прочитывается» гористость и холмистость местности:

Өлең ыттуг Эдегейим,
Өле тейлиг Тулаан-Кара.
Кадар ыттуг Эдегейим,
Кара тейлиг Тулаан-Кара.

С осокой Эдегей мой,
С серым холмом Тулаан-Кара.
С горным ковылём Эдегей мой,
С серым холмом Тулаан-Кара.

В тувинских народных песнях при создании обобщённого образа родной земли акценты делаются на природные богатства: разного рода зверей, птиц, рыб, домашних животных, трав, растений, т. е. на всё то, что обеспечивало благополучие кочевника-скотовода и охотника. Например:

Эвээш хоюм ыткарарда,
Эмниг ыттуг Эдегейни.
Каш-ла хоюм ыткарарда,
Кадар ыттуг Эдегейни.

[Для] небольшой моей отары
С лечебной травой Эдегей.
[Для] немногочисленной моей отары
С ковылём Эдегей.

Адыр таңдым кырынайга
Айым казып чигей-ле мен.
Алды акым аразынга
Аргаланып чораай-ла мен.

На высокой моей тайге
Сарану буду раскапывать и кушать.
Среди своих шестерых братьев
[Всё равно] сведу концы с концами.

Красота, богатство и значимость родной земли в песнях неразрывно связывается с образом её народа (в том числе детей и молодёжи, как в приведённом выше примере, любимой, любимого). Обратимся к некоторым примерам, иллюстрирующим это.

Агар чаагай чуртум туру,
Арбын чаагай чонум туру.
Көгей чаагай чуртум туру,
Көвей чаагай чонум туру.

Прекрасная моя родина Агар,
Многочисленный добрый мой народ.
Прекрасная моя родина Көгей,
Многочисленный добрый мой народ.

Кедээзинге чурттаарымга,
Хемчик аксы чуртум таптыг.
Кедээзинге чоруурумга,
Кезек Саттың кызы таптыг.

Живётся мне [хорошо],
Хороша моя родина – устье Хемчика.
Живётся мне [хорошо],
Хороша моя любимая из рода Сатов.

Өрү кагар кыстыг Тээли,
Өрген кагар шыктыг Тээли.
Куду кагар кыстыг Тээли,
Өрген кагар шыктыг Тээли.

С девушками, что мчатся вверх, Тээли,
С лугом, куда можно воткнуть палку-
привязь, Тээли.
С девушками, что мчатся вниз, Тээли,
С лугом, где можно забить колодец,
Тээли.

Для лирического героя тувинских народных песен его родина – самая лучшая и незаменимая.

Көгейим, Каңгайым,
Хөлчүнүм дангыраан
Чурттаксаарым арга-ла чок.
Көрүксээрим арга-ла чок.

Когей мой, Кангай мой,
Очень хочу [там] жить.
Клятву любимой
Очень хочу увидеть [услышать].

Даглыг, даштыг чериңерге
Таравайн, чана бээр мен.
Дазыр хөлбөң Чыргакымче
Тадырадып чана бээр мен.

На вашей гористой, каменистой земле
Не останусь, уеду домой.
На свой Чыргакы, ровный, зелёный,
Ускачу, не останавливаясь.

Тооруктуг долгай таңдым,
Долганзымза, тодар таңдым.

Эзириктиг ээр таңдым,
Эргизимзе, тодар таңдым.

Также она кормилица и защитница
Ореховая моя тайга,
Если обойду, накормит моя тайга.
С косулями моя тайга,
Если обойду, накормит моя тайга.

Или:

Бээм, өөрүм көрүнмезе,
Бай таңдым көрүңгей аан.
Чонум, өөрүм көрүнмезе,
Чодур таңдым көрүңгей аан.

Если баи и друзья не помогут,
Богатая тайга моя смилостивится.
Если родня и друзья не помогут,
Богатая тайга моя смилостивится.

В образе родины, наблюдаемом в народных песнях, широко отражаются, кроме опыта практического познания и освоения человеком окружающего мира, традиционные религиозные верования и представления, в частности, традиции олицетворения и очеловечивания окружающей природы и её различных проявлений, вера в духов-хозяев местности. Это чётко видно, например, в следующей песне:

Тадай богда, таңдым, өршээ,
Тадаазын дег тыным, өршээ.
О боже, моя тайга, помилуй,
Уё богда, таңдым, өршээ,
Удазын дег тыным, өршээ.

[Непрочную], как нитка, жизнь мою
пощади.
О боже, моя тайга, помилуй,
[Непрочную], как нитка, жизнь мою
пощади.

Подобных песен, в которых лирический герой обращается к духам-хозяевам местности, благодарит их за милостивое отношение, высказывает своё почтение и уважение, у тувинцев очень много. Это, например, широко известная в Туве народная песня «Кызыл-Тайга»:

Эдээм адаа тоглап төнген, оой,
Элезинниг Кызыл-Тайгам, оой.
Эртенниң-не туруп тейлээр, оой,
Эртинелиг Кызыл-Тайгам, оой.

Низ подола своего износил я
[На] песчаной Кызыл-Тайге моей.
Каждое утро, вставши, поклоняюсь
Богатой Кызыл-Тайге моей.

Тонум адаа тоглап төнген, оой,
Довурактыг Кызыл-Тайгам, оой.
Долгангаштың туруп тейлээр, оой,
Дагылгалыг Кызыл-Тайгам, оой.

Низ тона своего износил я
[На] пыльной Кызыл-Тайге моей.
Обойдя [вокруг], поклоняюсь
Освящённой Кызыл-Тайге моей.

Низ подола своего износил я
[На] Элегесе моём, Межегее моём.
Низ тона своего износил я
[На] Доора-Хадыне, Улуг-Хадыне.

Основной смысл этой песни – восхваление Кызыл-Тайга, родовой горы аймака ондаров. Но поскольку у каждого рода-аймака была своя родовая гора, которой поклонялись и которую, как правило, освящали, слова песни могли варьироваться. Н. Ф. Катановым, например, зафиксирован следующий вариант:

Эдээм адаа элеп төнгөн
Элегезим, Межегейим.
Тонум адаа тоглап төнгөн
Доора-Хадын, Улуг-Хадын.

Песни, содержание которых заключается в поклонении духам-хозяевам земли, в восхвалении её богатств и которые, по всей вероятности, были частью древних обрядов освящения родовых гор (*даг дагыры*), Вселенной (*оран-таңды дагыры*) и др.

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод: поэтический образ родной земли, наблюдаемый в тувинских народных песнях, многослоен и многоаспектен, широко отражает как исторический опыт практического познания и освоения окружающего мира, так и древние традиционные верования и представления о природе и природных явлениях.

А. Т. ДУГАРЖАП

ЗАГАДКИ, СОБРАННЫЕ Н. Ф. КАТАНОВЫМ В ТУВЕ

Собирание и издание тувинских загадок имеют свою историю. Образцы устнопоэтического творчества тувинцев впервые были опубликованы еще в научных трудах дореволюционных ученых и путешественников. Так, в 1889 г. Н. Ф. Катанов собрал у тувинцев 1410 фольклорных текстов, в том числе 133 загадки.

Они были опубликованы с русскими переводами в его «Опыте исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» и в полном виде – в книге «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым», изданы В. В. Радловым в «Образцах народной литературы тюркских племен».

В тувинском народном поэтическом творчестве загадки называются «тывызыктар» (от *тывар* – «искать, разгадывать»). У Н. Ф. Катанова – *тыбызык* вместо *тывызык*.

Загадки, собранные Н. Ф. Катановым в дореволюционной Туве, можно разделить на следующие тематические группы: вселенная и природные явления; счисление времени; о человеке; о религии; письменность; домашние животные; дикие животные; рыбы; птицы; растения; насекомые; предметы охоты; предметы коневодства; предметы юрты; предметы домашнего обихода; дорога; огонь и очаг; пища; курение.

Вселенная и природные явления

Н. Ф. Катанов записал 12 загадок о вселенной и о природных явлениях, в том числе о солнце, луне, небе, звездах, снеге, воде и т. д.

В некоторых из них, например, звездное небо уподобляется шелку без швов, звезды – ненанизанным бусам.

Тии чок торгум,
Дизии чок чинчим.
(дээр, сылдыстар)

Без швов мой шелк,
Без ниток (ненанизанные) мои бусины.
(небо, звезды)

Арзылаң хак диди,
Арга бажы кызаш диди
(диңмирээшкин, кызаңнаашкын).

О рассвете в загадке говорится об исчезновении звезд, об остатке месяца:

Лев рыкнул,
Край леса засверкал
(гром, молния)

Көп хоюм чана берди,
Чаңгыс кудурук кужам туруп калды.
(сылдыстар, ай)

Множество моих овец домой ушло,
Остался один хвостастый мой баран.
(звезды, луна)

В тувинском фольклоре есть загадки, посвященные конкретным звездам, например созвездию Большая Медведица (*Семь красновато-рыжих землю свою вспомнили, Волосатый тайжы* родину свою вспомнил*), а также другому небесному светилу – Солнцу.

Солнце называют красной чашкой, которая, по тувинским обычаям, является одним из почитаемых видов посуды. И в наше время, когда встречают почетных гостей, преподносят *кадак* – тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты – в знак уважения, почитания – и чай в двух пиалах.

Бурунгаартан кызыл дашка келгеш,
Чемижин каап каан.
(хүн)

С юга красная чашка пришла,
Свою еду оставила.
(солнце)

Среди собранных Николаем Федоровичем Катановым загадок имеются загадки и о природных явлениях: о ветре, громе, молнии, снеге, снежных хлопьях (заносах), воде:

Дүне, хүндүс чыдын чытпас,
Чындыр-кара.
(аккан суз)

И ночью, и днем не спит,
Нежная-черная.
(река)

Человек и его строение

В данной тематической группе имеются загадки о разных частях человеческого тела: о глазах, зубах, пальцах, ногтях, сердце, почках и т. д. В работе Н. Ф. Катанова всего 28 таких загадок.

Стук сердца, например, уподобляется стучащему в бубен шаману (*В ущелье шаман шаманит*), а глаза достигают далекие предметы первыми, чем ноги или руки:

Бодум четпээнимде,
Борбак карам четти.
(карак)

Сам я не смог дойти,
Милый мой дошел.
(глаза)

Очень реалистичны тувинские загадки о рте, зубах, пальцах. Загадываются пять и десять пальцев рук и ног, иногда и их действие. Например, шапку человек надевает с помощью десяти пальцев рук. Об этом говорится так:

Борбак Алтайны
Он кижы аьткарды.

Круглого Алтая
Десять человек провожали.

А ногти пальцев рук и ног сравниваются со льдом, которые тащат братья:

Алышкылар дош чүктеди.
(салааның дыргактары)

Братья лед тащат.
(ногти пальцев)

Кроме загадок о человеке и строении его тела, среди записанных Н. Ф. Катановым не остались в стороне фазы бытия и его физиологическое состояние:

Хангай бажында хар чагды.
(*кижиниң кырааны*)

Казак тергениң кадаа турулду.
(*кижиниң дигжиниң турлуру*)

Менден биче, мени аьткарды.
(*кижиниң дүжү*)

На вершине Кангая снег выпал.
(*поседение головы*)

У казацкого седла гвоздь выпал.
(*выпадение зубов*)

Младше меня, меня отправил.
(*сон*)

Растительный и животный мир

В тувинских народных загадках наиболее подробно отображено одно из основных хозяйственных занятий тувинцев – охота и связанные с ней орудия охоты (лук, стрела, ружье, капкан, самострел и т. д.).

Охотой в Туве занимались не только мужчины, но женщины и дети. Поэтому охотники так хорошо знали повадки и отличительные особенности мелких и крупных животных (сусликов, тарбаганов, зайцев, косуль, горных козлов, маралов, лосей и медведей), в том числе пушного зверя (соболя, лисы, белки). Примеры: «*Сивый бык мой, землю нюхая, бежит.* – Волк); «*Ханский сын имеет черные серьги*» – Черные пятна в заячьих ушах). Все это стало тематической основой многих загадок.

Например, медведя и змею тувинцы считали особыми животными, поэтому их названия вслух не произносили и заменяли разными эвфемизмами.

Боязнь перед этими животными они выражали сопоставлением с повадками своего молодого озорного коня, на которого сесть верхом

невозможно, и при этом невозможно удержать кнут:

Дай аьдым мунуп чадап,
Тал кымчым тудуп чадап.
(*адыг, чылан*)

На своего коня-трехлетку
сесть верхом не мог,
Свой тальниковый кнут
удержать не мог.
(*медведь, змея*)

Домашние животные

Важное место в жизни тувинского народа занимало и скотоводство.

Особое внимание в тувинских загадках уделено домашним животным, особенно коню как верному помощнику кочевника-скотовода.

В каждой загадке можно найти описание конных принадлежностей – седла, узды, потника, подхвостника, подпруги и т. д.

Например:

Эппи ноян, хаппы ноян.
(*эзер, чонак*)

Сверху нойон, снизу нойон.
(*седло, потник*)

Олулар хелиң, чүгүрер хелиң.
(*чүген, чулар*)

Сидящий хелин (гелунг), бегущий хелин.
(*узда, подхвостник*)

В каждом стойбище скотоводов имелась коновязь, которой в тувинских загадках отводится значительное место:

Кундус кескен чаңгыс тал.
(*аьттың баглаажы*)

Подрезанная бобром одинокая ива.
(*коновязь*)

Разведение других видов домашнего скота – коров, быков, верблюдов, яков, оленей – также получило отображение в тувинских народных загадках.

Например, в загадках о корове говорится, что на рогах коровы снег не держится, коровьи зубы не шатаются, корова ест траву, не выкапывая, корова не валяется на земле, т.е. не трется спиной о землю, и т. д.

Особенно много загадок записано Н. Ф. Катановым о доении коров, ее рогах, языке и масти:

Дөрт дөөгөр лама чаёгыс үңгүрже сидиктеди.
(*инек саары*)

Четверо безволосых лам в одну нору мочатся.
(*доение коровы*)

В тувинских загадках довольно часто встречается описание верблюда, особенно его внешний вид:

Дөлем-далам дөртелээ,
Үдем-адам үжелээ.
(*тевениң дөрт даваны, ажы база мөгеннери*)

Высокие, размашистые – вчетвером,
Друг за другом идущие – втроем.
(*четыре ноги, голова и горб верблюда*)

Пища

Много тувинских загадок посвящено традиционной молочной пище. Из молочных продуктов в загадках упоминаются чай с молоком, пенка, снятая с кипяченого молока, *божа* (отходы при перегонке араки), *хойтпак* (снятое кислое вареное молоко), *арага* (самогон из молока) и т.д. Описываются и способы их приготовления, связанные с традиционным укладом жизни тувинского народа. Своеобразны загадки об *араге*.

Раньше тувинцы в основном употребляли *арагу*, полученную путем перегонки кислого молока. По принятой норме поведения, арагу может употреблять человек, достигший сорокалетнего возраста. Из загадок об *араге* видно, что тувинцы свое негативное отношение к ней выра-

жают эпитетом *кара* (черный – «у *черного вола моча – целебный источник*») или ее сравнивают с мочой домашних животных:

Хаяада кара анай сидиктеп тур.
(*сут арагазының агары*)

На скале черный ягненок мочится.
(*течение молочной водки*)

Кажаада кара аскыр сиктеп тур. (*шууруун, арага*)
В загоне для скота черный жеребец мочится.
(*желоб деревянного перегонного аппарата и арага*)

Также арагу сравнивают с *шулбу* – злым духом:

Шулбунуң бажы шой,
Мээзи суг болган.
(*хойтпак тигери*)

У *шулбу* голова стальная,
Мозг водяной.
(*перегонка араки*)

Жилище

В тувинских загадках часто можно встретить описание следующих названий жилища: юрта (*өг*), шалаш (*чадыр*), дом (*бажың*) и т. д. По всей Туве были распространены загадки о юрте, особенно названия некоторых частей юрты. Например, каркас юрты и войлочное ее покрытие стягивается поясами, которые загадываются так:

Бо дагнын көгүн тыртарымга,
Дөө даг шимчеди.
(*өг куру*)

Когда зелень этой горы стал я рвать, –
Та гора зашевелилась.
(*пояс юрты*)

А прямые длинные палки юрты *ынаа*, которые прикрепляются к верхней части решетки одним концом, сравниваются с подушками:

Эткир оолдуң сырты ийи.
(ынаа)

У голосистого парня – две подушки.
(тонкая жердь, служащая стропилом в юрте)

Распространенной загадкой в Туве до сих пор остается загадка о двери юрты:

Үнерге, үне калбаң,
Кирерге, кире калбаң.
(эжик)

При выходе – качается,
При входе – качается.
(дверь)

Предметы домашнего обихода

Тувинские загадки дают представление об употреблявшихся кочевниками-скотоводами предметах домашнего обихода – хозяйственной утвари (*Дөңгүр кара, дөрт бурундукут.* – паш; *У безрогого черного четыре повода.* – четыре ушка чугунной чаши; *когээр* – кожаный сосуд, предназначавшийся в основном для араги; *таа-*

лын – кожаные сумы и т. д.), о внутреннем убранстве жилища (*ширээ* – четырехногий квадратный стол, *олбук* – небольшие стеганые войлочные ковры; *ожук-таган* и т. д.), о предметах личного пользования (*Көк карак, сөөк кудурук* – шүүр; Синие глаза, костяной хвост. – частый гребень и др.), о предметах первой необходимости (*Арыгга баргаи, чолдак ыт ыяшче ээрип тур.* – балды; Прибежав в лес, короткая собака на дерево лает. – топор) и т. д.

В трудах Н. Ф. Катанова много тувинских загадок с разнообразной тематикой, имеющих познавательное значение и активно бытующих в настоящее время.

По загадкам, собранным Николаем Федоровичем Катановым, можно в общих чертах проследить материальную и духовную жизнь тувинского народа. В них отражены мировосприятие народа, его нравственно-этические и эстетические идеалы, материалистическое понимание окружающего мира.

Тувинские народные загадки привлекательны, ценны еще и тем, что в них отражены реалии, детали традиционного быта, которые в наши дни редко встречаются или совсем исчезли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катанов, Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – С. 91–96.
2. Образцы народной литературы тюркских племен, собранные Н. Ф. Катановым. – Часть IX. – СПб., 1907.

Н. В. ВОРОНИНА

НАСЛЕДИЕ Н. Ф. КАТАНОВА И СОВРЕМЕННАЯ ХАКАССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХАКАССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ И СТИХОТВОРНОЙ ПРИТЧИ В. К. ТАТАРОВОЙ

Особую ценность в *литературоведческом* и *когнитивном* аспектах в обширной научной, педагогической, просветительской и общественной деятельности Н. Ф. Катанова представляет его трудная, напряженная, скрупулезная фольклорно-собираТЕЛЬСКАЯ работа. Тексты фольклора, записанные и обработанные выдающимся

хакасским ученым, являются не только хранителями и трансляторами духовной культуры тюркских народов, но и аккумулируют творчество современных хакасских поэтов и прозаиков.

Например, в сборнике стихов В. К. Татаровой «Брусника на ладони» (1995) притчи написаны по материалам этнографической экспедиции,

предпринятой Н. Ф. Катановым по Минусинской котловине в 1889–1892 гг., где «... исследователю удалось собрать в среде тюркоязычного населения Сибири и Восточного Туркестана огромный лингвистический, этнографический и фольклорный материал»,¹ который и в наше время представляет ценность как собрание тюркских сказок, преданий, песен, пословиц и поговорок. Материалы по фольклору были опубликованы в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племен» (СПб., 1907)», в который вошли произведения устного народного творчества урянхайцев (1410 назв.), хакасов (1159 назв.), карагасов (203 назв.)»².

Фольклорные произведения, бережно собранные Николаем Федоровичем в условиях, сопряженных с невероятными физическими и моральными трудностями, не только художественно своеобразны, но и позволяют узнать о мировоззрении тюрков, их духовном облике, о традиционной культуре народов, о социально-бытовых взаимоотношениях того времени, об особенностях стиля устного народного творчества.

В хакасских и тувинских народных сказках, дошедших до нас благодаря научному подвигу Н. Ф. Катанова, немало поучительного и интересного. В глубинах простого народного слова таится и его красота, и дух, и мудрость этносов.

В основу притч В. К. Татаровой легли хакасские народные сказки «Орел», «Бык и Лягушка», «Три сына» (о богах Солнца, Огня и Луны), «О подкаменнике и змее», записанные Н. Ф. Катановым.

В. Татарова облачает сказки своего народа в поэтическую форму, более того, художественное преломление сказок находит отражение в другом жанре – стихотворных притчах. Следуя этому жанру, поэт заостряет внимание читателей на народной мудрости, поэтому, на наш взгляд, он дает другие названия своим произведениям или переносит акценты, углубляя народный замысел: сказка «Орел» – притча «Мудрый крот»; сказка «Бык и Лягушка» – притча «Лягушка и Бык»; сказка «Три брата» – притча «Три сына»; сказка «О подкаменнике и змее» – притча «Подкаменник»; сказка о мыши и воробье – притча «Мышь и воробей».

Сказки «Орел», «Бык и лягушка», «Три брата» Н. Ф. Катанов записал «... в периодъ съ 21 марта 1889 года по 28 августа того же года со словъ именующихъ себя «туба» урянхайцевъ на рѣкахъ Улугъ-Кемъ и Бомъ-Кемчикъ и ихъ притокахъ, т. е. между хребтами Саянскимъ и Танну»³.

Хакасские народные сказки, зафиксированные Н. Ф. Катановым и переработанные современным поэтом, звучат по-новому.

Для более полного анализа сопоставим тексты сказки «Орел» и притчи «Мудрый крот», так как в ходе исследования перед нами возникли следующие вопросы: «Каков результат художественного преломления сказок, что автор сохраняет, что изменяет, на что из богатейшего народного опыта обращает наше внимание?»

«Прилетевши из дальних стран, орел (букв. черная птица) начал вить себе гнездо наверху высокого ветвистого дуба. Крот (букв. назадноги), рывший землю возле дерева, говорит из своей норы орлу: «Это дерево ненадежно: корни у него сгнили!» Орел разве может слушаться слов крота? Орлы видят далеко, а кроты – существа, не имеющие глаз; орел – царь птиц, а крот есть маленькое существо, никуда не годное. Знать ли кроту о делах царя птиц? Орел поэтому не послушался слов крота, свил себе гнездо и вывел там детей. Однажды орел принес домой прекрасное кушанье. Высокое и ветвистое его дерево, свалившись, задавило собою до смерти орлицу вместе с ее детьми. Только теперь (орел) понял слова добродушного крота. Крот, высунувшись из своей норы, говорит: «Если бы ты подумал о том, что я знаю, каковы у дерева корни, и что я постоянно роюсь в земле, то ты не оставил бы без внимания моего совета!»

Это изречение говорит: «Не оставляй без внимания ничьего совета, прежде рассмотри его хорошенько!»⁴

Мудрый голос народа слышен в вопросительных предложениях: «Орел разве может слушаться слов крота? Знать ли кроту о делах царя птиц?» – и в предложениях с противопоставлениями: «Орлы видят далеко, а кроты – существа, не имеющие глаз; орел – царь птиц, а крот есть маленькое существо, никуда негодное». А в обращении крота к орлу отражены народные черты характера: доброта,

бесхитрость, миролюбие, радушие. Сказка проникнута глубоким иносказательным смыслом, который отражает, на наш взгляд, ее социальный характер. Образы сказки аллегоричны: орел – высокомерие, власть; крот – доброта, связь с родной землей; особенно мудро звучит ее финал – изречение.

Богат и выразителен народный язык. Например, эпитеты «прекрасное кушанье», «высокое ветвистое дерево», оценочная лексика «добродушный крот». Сравним с притчей В. Татаровой «Мудрый крот»⁵:

Кочевал ли орел по великой земле
Иль наскучило жить на безмолвной вершине,
Но спустился он с гор и в лесной тишине
Свить гнездо захотел для орлиного сына.

Так кружил он, кружил, выбирая, как трон,
Крону дерева гуще, пышнее и выше.
Свив гнездо на вершине, услышал он вдруг
Снизу голос крота: «Эй, орел, меня слышишь?»

Если слышишь меня, то послушай совет:
Ох, на дереве этом гнездо не верши,
Говорю я!
Корни кедра больны, и так много им лет,
И не выжить ему перед первою бурей.

Но не внял он словам тем, смеясь над кротом:
«Что ты знаешь, слепец, о небесном просторе!
Я ль не царь, чтоб указывать мне!» И потом
Улетел за добычей для сына. Но вскоре

Налетел ураган! Ветер выл и метал!
Копья молний сверкали зловеще!
Старый кедр пред ними в бессильи стонал.
Содрогались могучие плечи.

Возвратился орел из-за дальних хребтов.
Старый кедр лежал, ураганом сраженный.
«Мудрый крот, – тихо молвил орел, – я готов
Слушать тех, кто внизу».
И поник над гнездом погребенным!⁶

Автор не только меняет название, но и расширяет сюжет: в сказке нет диалога между героями, только крот уважительно и тактично обращается к орлу. В притче отношение орла к доброму совету крота, знающего свою землю, выражено в его высокомерных словах: «Что ты знаешь, слепец, о небесном просторе! Я ль не царь, чтоб указывать мне!»

Диалог крота и орла усиливает социальное звучание сказки и подчеркивает народную мудрость и доброту, отраженную в ней. В. К. Татарова расширяет сюжетное пространство сказки, включая в него не только диалог героев, но и описание урагана и кедра. Образный стихотворный текст интенсивнее раскрывает характеры героев, причем характер крота в притче дополнен чертами смелости и самоуважения, а признание орлом своей ошибки (чего нет в сказке) обрисовано ярче посредством обращения «мудрый крот», глаголами «молвил», «поник», наречия «тихо».

Сказка «Бык и лягушка» состоит из четырех предложений [см. Катанов]⁷, в притче «Лягушка и бык» [см. Татарова]⁸ – пять строф, автор трансформирует каждый момент повествования сказки, подчеркивая ее идейную направленность. Сравнительный текстуальный анализ притчи и сказки мы представляем в данной таблице (выводы даны курсивом):

№ п/п	Предложения сказки	№ п/п	Строфы притчи
1.	Лягушка, вышедши из озера, увидела, что на лугу ходит один бык. <i>Первое предложение выполняет роль сказочного зачина, в котором глагол «увидела» иллюстрирует завистливость лягушки.</i>	1. 2.	Жила - была лягушка на болоте Среди зеленых кочек, мягких трав. Встречая солнце поутру, она хватала с лету Жуков - букашек... От трудов устав, Дремала тихо в травяной постели. Квакушке так бы жить на свете, жить. Она, однако, стать княгиней захотела, Болотом правя, ханшей на болоте быть. <i>Первая и вторая строфы функционируют как и в сказке – выполняют роль сказочного зачина, но в них детально, образно, интонационно окрашена представлена безмятежная, счастливая жизнь лягушки до появления у нее желания владеть княжеским титулом и ханской властью. Экспрессивные лексемы «княгиня», «ханша» заостряют внимание на глубинной народной мысли, развивают ее – осуждение зависти в сказке, в притче акцентируется</i>
2.	Лягушка, видя его великость, хочет сравниться с ним. <i>Передается глупое желание лягушки «сравниться» с Быком.</i>	3.	И вот быка увидев как-то на лугу, Она решила стать с быка величиною, Согнется сам журавль перед ней в дугу, И водяная крыса будет чтить ее княжною! <i>Глупое желание лягушки сопровождается ее мечтами, в которых она упивается своей знатностью и властью перед журавлем и водяной крысой. Автор вводит новых героев для характеристики лягушки</i>
3.	Сколько ни ест лягушка, все не может сравниться с ним. <i>Невозможно лягушке «сравниться» с быком.</i>	4.	И вот, чтоб бычьё занять великость тела, Она все ела-ела, ела-ела, ела-ела... Ей так хотелось стать Великой! Только вот Вдруг лопнул у нее раздувшийся живот! <i>Народную мысль о невозможности лягушки сравниться с быком автор углубляет трехкратным повтором сложного глагола «ела - ела», функциональной семой «Великой», эпитетом «раздувшийся», восклицательными предложениями.</i>
4.	Живот у лягушки лопнул, и она пропала ⁹ . <i>Нравоучительный финал сказки: к чему может привести завистливость и глупость.</i>	5.	Так не пришлось ей ханшей стать, Пришлось бедняжке глупо так пропасть. А Бык поныне на лугу своем пасется, Не ведая о том, что глупостью зовется. <i>Нравоучение сказки дополняется подведением итога, ироничным авторским отношением к лягушке, сопоставлением ее глупости уму быка, который и «поныне на лугу своем пасется».</i>

Авторская художественная интерпретация хакасской народной сказки углубляет ее идею, расшифровывает народный замысел. Сравнительный анализ текстов выявляет мастерство поэта, умело использующего фольклор, собранный Н. Ф. Катановым.

В сказке «Три брата» (см. Катанов)¹⁰ и в притче «Три сына» (см. Татарова)¹¹ отражена одна из важнейших сторон духовного наследия народа: обожествление Неба и Земли – вера в богов Солнца, Луны и Огня. Так, культурное наследие хакасского этноса в творчестве поэта обретает новую жизнь.

Понятие мудрости отражено в зачине хакасской народной сказки «О подкаменнике и змее»

(записана Н.Ф. Катановым «в период времени с 21 сентября 1889 года по 12 января 1890 года со словъ сагайцевъ, койбаловъ, качинцев и бельтировъ Абаканской долины»)¹², «сообщил татарин Когон (Андрей), сын Кеттинеса (Ивана), Мамышев, 49 лет, принадлежащий к кости и племени Кобый (официально: Кивинский род); живет круглый год в избе; занимается скотоводством и в малых размерах хлебопашеством; жена татарка; имеет 5 детей; средний сын его, имеющий от роду 9 лет, учится в Усть-Есинской церковно-приходской школе»)¹³.

Точным образным эпитетом передано понимание мудрости: «подкаменник есть рыба, имеющая *толстую* голову», т. е. умную, думающую, размышляющую. В притче автор раскрывает содержание народного эпитета, описывая думы подкаменника, его философские размышления о жизни. Так поэт развивает народную мысль о вдумчивом отношении к ней:

Лежал на камне, глядя пред собой.

Лежал и думал: «Жизнь так быстротечна!»¹⁴

А змея, говорится в сказке, прожила долгую жизнь, не заметив, как состарилась, не задумываясь о том, как жила. И мудрый подкаменник сказал ей: «Как ты состарилась, змея!», – показав на след, который она оставила после себя: «Дорога, на которую она взглянула, шла извилинами».

В сказке отражено народное отношение к жизни, приглашение оглянуться на свою жизненную дорогу и посмотреть, а не извилиста ли она? «А жизнь так быстротечна!» – заключает подкаменник в притче. Поэт в финальной строфе подтверждает народное мнение:

В тот летний день саглах озерный,
Подкаменник с *широкой* головой,
Лежал и думал: «Ставши мудрым,
Теперь уж я и сам немолодой»¹⁵.

В сказке эпитетами «толстая голова» и «извилистая дорога» народ подразумевает, что рыба, состарившись, нажила мудрость, а змея – извилистую дорогу. Подкаменник размышлял о жизни, а змея прожила бездумно. То, что народ интуитивно чувствовал и понимал, раскрылось в авторской притче. Народный эпитет «толстая голова» В. К. Татарова уточняет, усиливает конкретными мыслями рыбы, использует разнообразные художественные приемы. В сказке мы наблюдаем эпитеты и диалог, в притче, кроме них, – описания природы, размышления героев и обрисовка их характеров.

Сказка о мышке и воробье записана Н. Ф. Катановым без названия (см. Катанов)¹⁶. В ней рассказывается о том, как мышка и воробей жили вместе, а потом поссорились по причине, кто больше съест и кто больше перетаскает в сусек хлеба. Воробей не мог наполнить сусека. Потом они увидели, что в мышинном сусеке хлеба

не оказалось, и стали друг друга обвинять в воровстве. Их ссора привела к драке, в которой мышка переломила воробью одно крылышко, а воробей выклевал мышке один глаз, драка – к суду, суд – к войне, так как птицы защищали воробья, а звери – мышку. Потом они стали истреблять друг друга, сердясь и воюя, затем разошлись. А один крестьянин пошел на охоту. Увидев убитых птиц и зверей, он стал таскать их домой. Погибших в драке было много, крестьянин пошел во второй раз и встретил ястреба. Тот сидел на верхушке лиственницы. Увидев охотника, попросил не стрелять в него, а взять к себе домой и кормить, пока у него не вырастут крылья, которых он лишился во время жестокой схватки. За это он обещал крестьянина обогатить, но когда у ястреба выросли крылья, он улетел. Крестьянин стал плакать. Тогда ястреб вернулся, посадил крестьянина на себя, примчал его к своей старшей сестре и втолкнул в ее избу. Сестра заплакала и выбежала на улицу. Ястреб тоже заплакал. Потом они отправили крестьянина домой. По дороге тот встретил море, которое не знал, как переплыть. К нему приплыл человек в берестяной лодке и сказал: «Отдашь мне то, чего не знаешь?» Крестьянин согласился, а дома в это время его жена родила сына. Через три дня водяной дух забрал ребенка и сказал, что перерубит ему шею, если тот у него в ограде не сотворит тайгу. Мальчик заплакал. Тут появилась девица и дала ему платок. Мальчик махнул платком – появилась тайга. Тогда водяной дух сказал: «Найди себе жену, не найдешь – перерублю тебе шею». Мальчик нашел себе жену (будущую – по хакасскому обычаю он мог это сделать), девицу, которая дала ему платок, и убежал с ней. Водяной дух погнался за ними, а они превратились в зерна пшеницы и рассыпались по земле. Водяной дух превратился в красного петуха и стал клевать пшеницу, но все собрать не смог. Тогда водяной дух сказал: «Ваша хитрость победила! Отправляйтесь и живите!» Мальчик привел жену к своему кочевью, отец с матерью обрадовались. Они поспрашивали и стали жить.

Сказка, на наш взгляд, имеет глубокий философский смысл – все в мире взаимосвязано, у каждой причины есть следствие, следствие, в свою очередь, становится причиной, из кото-

рой снова вытекает следствие. Чтобы вернуться к хорошему, нужно отработать плохое, пройти круг испытаний. Мир и согласие, потерянные мышью и воробьем, стали причиной гибели невинных птиц и зверей; спасшийся на войне ястреб обманул крестьянина и расплатился следами своей сестры; крестьянин по причине своей недалекости и стремлению к обогащению разорился, оказался на чужбине и потерял сына, жизнь которого подверглась смертельной опасности. Сыну пришлось искупать ошибки отца и, благодаря помощи Неба и своей смекалки, он обрел отчий дом. Вместе с ним в родное кочевье вернулись радость, мир и счастье. Все в мире взаимосвязано, необходимо осознанно относиться к Жизни – таково, на наш взгляд, поучение сказки.

Глубина философского смысла сказки раскрывается в событийной цепочке, звеньями которой являются: ссора мыши и воробья, суд, война – встреча крестьянина с ястребом и водяным духом – водяной дух уносит сына крестьянина и подвергает его испытаниям – мальчик преодолевает препятствия и возвращается домой. В. Татарова идет тем же логическим путем, что выстроен в сказке, но смыслообразующую функцию притчи выполняет ее композиция, благодаря которой поэт сфокусировал идейно-эстетическое содержание сказки на примере жизни мыши и воробья. Осуждение жадности и эгоизма в сказке, народная мысль о доброте, взаимоуважении и взаимопонимании последовательно раскрываются от одной части притчи к другой: совместная жизнь мыши и воробья, возникновение непонимания, конфликт и итог.

В первой части поэт подробно, образно и выразительно рисует картину долгой, дружной и счастливой жизни мыши и воробья:

Два побратима, мышь и воробей,
В одной норе, как в юрте доброй, жили.
С весны до самых урожайных дней
Они прокорм в свое жилище дружно
Приносили¹⁷.

Мир и согласие царили в жизни мыши и воробья, они дружно трудились и не знали голода:

Лоснился мех у мыши полевой,
Блестели сыто перышки у птицы.
И так бы век им жить! Но меж собой
Вот надо ж спору этому
Случиться!¹⁸

Во второй части диалог героев раскрывает суть ссоры, обоюдных упреков и обвинений:

Сказала мышь: «Живешь нечестно, воробей!
За счет труда чужого богатеешь!
Я ноги бью – о! – сколь осенних дней,
А ты, летая всласть, лишь над землею
Бреешь!

Несу в защечинах я зерен сто,
А сколько ж ты в коротком клюве, слушай?»
Всплеснув крылами, птица охнула: «Ты что?
Да если бы не я, не знать тебе колосьев
Самых лучших!

Да если бы не я, давно бы ввысь
Тебя унес тот черный коршун!
Да если бы не я, тот рыжий лис
Тебя давно б на завтрак
Укокошил!»¹⁹

С помощью многочисленных восклицаний, вопросов, междометия «о!», олицетворений («всплеснув крылами», «птица охнула») передаются чувства возмущения и изумления; глаголами «сказала», «слушай», «горячилась», «кричала», «вцепилась» показаны динамичное нарастание чувств, переход ссоры в драку.

Накал страстей, наивысшее напряжение передается в третьей части – суд и война – в двух строфах нет ни одного повествовательного предложения! Так поэт ставит кульминационную точку в развитии событий. В четвертой части наступает развязка и подводятся итоги. Чего же добились мышь и воробей?

...Мышь и воробей
Уж не живут в одной норе, как в юрте.
Свалялась шерсть у мыши от голодных дней,
На ножке скачет бедный воробей
От стужи лютой!²⁰

Так мышь и воробей поплатились за свои ошибки.

Композиция притчи решает задачу идеи притчи показать динамизм и трагичность конфликта между героями. Поэт развернул в ней первое звено из цепи событий сказки и выразил отношение народа к глупости и жадности чувствами героев, их действиями и описанием событий. Самим автором привносится мысль об ответственности человека за свои слова и поступки.

В результате проведенной сопоставительной работы в творчестве В. Татаровой очевиден синтез фольклористической деятельности Н. Ф. Катанова и хакасского устного народного творчества. Данный синтез преломляется в новой художественной форме стихотворной

притчи, которая позволила автору трансформировать сказки, творчески переосмыслить их, мастерски раздвинув сюжетные границы сказок. Яркие художественные приемы углубляют их идейно-эстетическое содержание, интересные характеристики новых героев акцентируют внимание читателей на познавательном аспекте сказок. Синтез устного народного творчества и фольклорно-собирательской работы Н. Ф. Катанова приблизил современникам духовный и нравственный мир наших предков.

Наследие Н. Ф. Катанова-фольклориста не только сохранило этнические черты хакасов, воплощенные в сказках, но и оказало влияние на развитие нового жанра в современной хакасской литературе, в частности, жанра притчи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валеев, Р. М., Тугужекова, В. Н. и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. // В. Е. Майногашева, В. В. Миндибекова, С. К. Кулумаева, Л. К. Ачитаева. Изучение хакасского фольклора. – Казань – Абакан, 2008 – 2009. – С. 170.
2. Там же.
3. Образцы народной литературы тюркских племен, собранные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907. – С. 1.
4. Катанов, Н. Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии: на хакасском, турецком и русском языках. – Анкара, 2000. – С. 452.
5. Фольклор саянских тюрков. Из собрания доктора языковедения Н. Ф. Катанова. – Т. II. / сост., переводы, стихотв. перелож., лит. обраб. заключит. статья и коммент. А. В. Преловского. – М., 2003. – С. 609.
6. Татарова, В. К. Брусника на ладони: сборник стихов. – Абакан, 1995. – С. 111.
7. Катанов, Н. Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии: на хакасском, турецком и русском языках. – Анкара, 2000. – С. 452.
8. Татарова, В. К. Указ. соч. – Абакан. – С. 121.
9. Фольклор саянских тюрков XIX века. Указ. соч. – М., 2003. – С. 609.
10. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 449–450.
11. Татарова, В. К. Брусника на ладони: сборник стихов. – Абакан, 1995. – С. 115–117.
12. Катанов, Н. Ф. Образцы ... – СПб., 1907. – С. 1.
13. Фольклор саянских тюрков. Указ. соч. – С. 610–611.
14. Татарова, В. К. Указ. соч. – С. 113.
15. Там же.
16. Катанов, Н. Ф. Указ. соч. – С. 452.
17. Татарова, В. К. Указ. соч. – С. 118.
18. Там же.
19. Там же. – С. 119.
20. Там же. – С. 120.

**ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ТУВЕ,
СОБРАННЫЙ Н. Ф. КАТАНОВЫМ**

Всемирно известный российский ученый-востоковед, выдающийся исследователь тюркских языков и народов, профессор университета и Духовной академии Казани Н. Ф. Катанов занимался не только языком, историей, этнографией, нумизматикой, но и фольклором многих народов, в том числе и урянхайцев (тувинцев). Его собирательская и публикаторская работа по устному народному творчеству, сделанная им в течение всей жизни, представляет значительный вклад в развитие тувиноведения.

Во время своего пребывания в Туве, с 21 марта по 27 августа 1889 г., им был собран огромный материал по фольклору тувинцев.

Его обширное фольклористическое наследие опубликовано в 9-й части «Образцов народной литературы тюркских племен» (СПб., 1907), составившее 2 тома академического издания В. В. Радлова.

В него вошли различные жанры фольклора тувинцев – 1410 названий, хакасов – 1159 названий и карагасов – 203 названия. Эти цифры свидетельствуют о том, что самое большое количество фольклорного материала собрано Н. Ф. Катановым именно в Туве.

Многообразие тувинского фольклорного материала выделяются также его «Очерки Урянхайской земли» в виде дорожного дневника, составляющие результаты поездки Н. Ф. Катанова к тувинцам.

По текстам, помещенным в вышеназванной книге, видно, что ученый записал практически все жанры тувинского фольклора. К ним относятся героические сказания, образцы различных видов сказок, мифы, легенды, предания, песни, загадки, шаманские заклинания, обрядовые поверья, а также фразы из разговорной речи.

Фольклористическая деятельность Н. Ф. Катанова особенно ярко проявилась в записях огромного количества *песен* разного содержания (всего 1122 названия).

Информантами были люди разного пола, возрастов (среди них даже есть мальчики 9–10 лет), различного рода занятий.

Тематика песен очень обширна и разнообразна. Здесь есть и песни, описывающие известные информантам леса и горы, реки и озера; песни о любви, браке и семье, тяжелой женской участи, супружеской неверности; о чувствах, переживаниях, настроениях; о шаманах, ламах; о труде и быте; есть и сатирические песни, высмеивающие пороки и недостатки в характере целых родов и племен, и др.

Среди песен тувинцев, записанных Н. Ф. Катановым, впервые довольно полно представлены и плотские, даже чересчур прямолинейные, с натуралистическими описаниями физиологических отправления, тексты эротического (непристойного) содержания. Несколько подробнее остановимся на этих песнях, поскольку они в тувинской фольклористике не исследованы.

Известные фольклористы прошлого хорошо понимали историческую и эстетическую ценность эротического фольклора. О важности этой сферы устного народного творчества свидетельствуют многочисленные издания данного вида фольклора и посвященные ему научные исследования как в России, так и за рубежом.

У тюрко-монгольских народов почти отсутствуют издания эротического фольклора. Между тем у этих народов, думается, имеются также эротические произведения почти во всех жанрах, существующих испокон веков, как, например, у тувинцев. Хотя, кроме публикации Н. Ф. Катанова, до сих пор не предпринимались попытки ни издания, ни исследования материалов тувинского эротического фольклора, несмотря на то, что их собрано в научном архиве ТИГИ достаточное количество.

В настоящее время совершенно очевидно, что необходимо не только зафиксировать и опубликовать эротические тексты, но и исследовать

их комплексно, многосторонне, объективно оценивая всю обстановку, в которой они бытовали.

Как уже отмечалось выше, впервые материалы по эротическому фольклору тувинцев в 1889 г., причем целенаправленно, собрал Н. Ф. Катанов. В своих «Очерках...» он пишет, что «часто... я завожу разговор и записываю сведения о девицах, чертях и половых сношениях... Видя, что я записываю только песни, они (тувинцы. – О.С.) называют меня нередко «охотником до девиц».

Трудно себе представить записанный им фольклорный жанр, в котором бы эта тема не была затронута в ее самом конкретном аспекте.

Тема сексуальности и телесного низа наиболее громко и полновесно звучит в тувинских народных песнях и припевках (*кожамык*). Песни, записанные Н. Ф. Катановым, были насыщены обилием нецензурной лексики (в современном понимании), в которых основными «героями» являются мужские и женские гениталии. Они существуют как особые «персонажи», независимые от человека. Следует отметить, что в большинстве случаев это не ругательства, не матерные слова в фольклоре, а буквальное обозначение определенных органов человеческого тела и физиологических актов. Более того, эти слова часто выражают любовное отношение к упомянутым органам. Не случайно так часто к ним прибавляются оценочные и цветочные эпитеты («мясистый», «красный», «алый», «твердый», «плотный», «толстый», «приятный», «удивительный»: *«Каков мой член, имеющий мясистую голову и нашедший сладость (удовольствие) в женщинах! Каков мой член, имеющий красную голову и нашедший приятность в девочках!»*) (Порака, из племени Ондар, живущий на правом берегу Чаданы, 30 лет) *«Если кто нашел приятность в женщинах, так это мой член, алый и твердый! Если кто и нашел удовольствие в девочках, так это мой член, красный и раздирающий (плотный)!»* (Тозур-оол, 30 лет, из племени Монгуш, из сумона Кол – хемчикского огурды Дугара, живущий у устья Алаш) *«Если придет ко мне мужской член, то я не побоюсь его! Ведь это – вещь толстая и приятная! Если придут ко мне мужские яйца, то я никогда не испугаюсь их! Ведь это – вещь удивительная и приятная!»* (Мондуба, 44 года, из племени

Иштии-Ооржак, живущий в Устье Ак-суга, впадающего в Бом-Хемчик) *«Головка лука – красная! Не похожа ли она на мясо? Не так ли? Внутренность ее детородного члена органа – красная? Не похожа ли она на волшебное одеяло? Не так ли?»* (Айрча, 30 лет, родом из племени Иштии-Ооржак, живущий на реке Джиргаке) *«Куст акации, из которого делают для курения табаку трубки, есть прекрасное дерево, удобное дерево! Огромная задница твоя с кудрявою шерстью есть вещь у тебя прекрасная, вещь удобная»* (приятная!) (Тайжап из племени Кара-Монгуш, 24 года).

Как известно, в тувинской мифологии с Небом связано мужское, а с Землей – женское начало. Поэтому в песнях и *кожамык* тувинцев вагина отождествляется с «расщелиной земли». Причем образ женского лона, воплощающего собой всеобщее порождающее начало, превращается здесь в комико-сатирическую форму: *«Обладаю девицами, имеющими дыры, которые подобны громадному чудовищу! Подштанники у них из 60 сыниных (маралых. – О. С.) кож. Обладаю девицами, дыры которых подобны расщелине земли! Подштанники у них – из 70 сыниных шкур!»* (Торгунак, из сумона Куулар) *«Я обладатель тех, кто имеет веера из 70 лоскутов и дыры, подобные расщелине земли! Я обладатель тех, кто имеет веера из 60 лоскутов и задницы, подобные огромному чудовищу!»* (Хувурак Самдан Нама, из племени Куулар, живущий около Ондарской кумирни между обоими Ишхинами)

В шаманских *алгышах*, записанных Н. Ф. Катановым от шамана Топтана, «40 лет, из племени Куулар, управляемого зайсаном Чапшурулом, живущий в м. Шынаа, лежащей на правом берегу Бом-Кемчика близ Джир-Джарыке», также встречаются эти мотивы: *«О, русалки (албыс. – О. С.) мои, имеющие орган, наподобие земной щели! Помилуйте за все вещи! О, русалки мои, имеющие плешь наподобие чудовища! Помилуйте так или иначе». «О, мои русалки, имеющие орган, подобный расщелине земли! Имеющие тонкие пальцы! Имеющие щеки, красные как коралл! Подойдите ко мне близко!»*

В народной традиции отражено более естественное и свободное отношение к сексуально-эротической сфере, поэтому любовные и интимные переживания мужчины и женщины описаны

в песнях достаточно свободно, вещи называются своими именами: *«Пусть пройдет, мой друг, твой гнев! Давай лучше прятать свои органы друг в друге! Пусть рассеется твой гнев, мой друг! Давай лучше мало-помалу любово-страстничать!»* *«Случится, что придет мой друг, любящий совокупляться! Случится, что проснется у меня то, что любит мочиться! Случится, что придет мой друг, любящий обниматься! Случится, что станет двигаться вверх и вниз мой член!»* (Кыскыдай, 34 года, из сумона Ооржак, живущий на правом берегу Чаданы) *«Твое солнце, которого ты ждал, возило! Будешь ли дуть или лить (о погоде)? Предмет твоих ухаживаний проснулся! Будешь ли ты сверлить дыру или только любопытствовать?»* (23-летний Седенбей из племени Ондар, живущий на левом берегу нижнего Ишхина) *«Налей-ка мне еще две чаши! Я напьюсь до отвала и лягу спать! Открой-ка мне обе стороны! Я попихаюсь и лягу спать!»* *«Я не состарился еще! Пусть переломится у меня рука, если я не заберусь к прелюбодейке! Я не изветшал еще! Пусть ослепнут мои глаза, если я не заберусь к любовнице!»* (Ак-оол, 52 года, племени Кара-Монгуш, в ведомстве Да-хожуна)

В тувинских песнях мужской половой орган предстает как всеобщий двигатель, основа жизни и предвещает продолжение рода: *«На глине горы Корум (близ устья Джиргака) порвались у меня средняя и задняя подпруги! Девицам племени Кобалык (Ховалыг. – О. С.) мой член и яйца оказались полезными!»* *«На глине полуострова порвались у меня средняя и задняя подпруги! Девицам племени Адайлар оказались полезны мое верхнее и нижнее!»* (Тозур-оол, 30 лет, из племени Монгуш, из сумона Кол хемчикского огурды Дугара, живущий у устья Алаш)

В основе эротической песни обычно лежит небольшая зарисовка с натуры, житейская сцена, включающая описание любовного соединения: *«Разденусь я догола и заберусь в пазуху девиц! Сниму я свою обувь и залезу в пазуху к вашим девицам!»* (Чалбак-оол, 25 лет, из племени Саая, живущий на берегу Хемчика) *«Подруга моя, любящая совокупляться, пришла ли? Она есть вещь, которую любит тревожить мой (член), любящий мочиться! Пришла ли та, которая любит залазить в пазуху? Она есть, которая*

привыкла тревожить головку моего члена!» (Сетпей, 30 лет, родом из племени Тонгак, живущий на правом берегу реки Джиргак)

Обращают на себя внимание тексты песен, где указана полная свобода девушки или женщины в выборе своего партнера. По объяснению Н. Ф. Катанова, «уряньхайки выходили замуж 12–13 лет и рожали благополучно. Жениться на девице, потерявшей невинность и имеющей детей, не считается преступлением. О половых сношениях при родителях не вменяется в большой грех детям». Поэтому в тувинских песнях женщины так же активны, как и мужчины, и столь же ненасытны в своих желаниях. Девушка или замужняя женщина сама «ловит» или «находит» мужчин и совершает половой акт с мужчинами: *«Хозяйки юрт, любящие мочиться, ловят мужчин своими совокуплениями! Хозяйки юрт, любящие испражняться, ловят мужчин заигрыванием с ними!»* *«Женщина замужняя, захотевшая совокупиться, чьего мужа отняла? Подошва лесистой горы Эзим сделалась ветреною! Чью юрту сломал ветер?»* (Тоспан, 25 лет, из сумона Кара-Монгуш, живущий на берегу Ак-Суга) *«О, хозяйка юрт, любящая мочиться и пристающая к людям со своими совокуплениями! О, хозяйка юрт, имеющая обыкновение зазывать и приставать к людям со своими объятиями!»* (23-летний Седенбей из племени Ондар, живущий на левом берегу нижнего Ишхина)

Между тем в некоторых эротических песнях присутствует оттенок морального осуждения таких «сексуальных» женщин: *«О, синяя бязь, не хватающая даже на одну рубаху! О, чернобровые девицы, продающие свои органы! О, синяя бязь, недостающая даже на один салбак! О, женщины, продающие свои нижние части!»* (35-летний сойот из сумона Кыргыз) *«Где твоя шуба из голубого шелку, которою платили тебе за твой детородный орган? Где твоя шуба из красного шелку, которою платили тебе за твой задний проход?»* (34-летний Кыскыдай, из сумона Ооржак, живущий на правом берегу Чаданы)

В любовных эротических песнях встречается немало и проклятий мужчин, посылаемых в адрес женщин, не желающих с ними совокупляться: *«Велика глупость у ваших девиц! Они обещались совокупиться и не совокупились!»*

Страшна глупость у ваших дочерей! Они обещали поспать со мною и не поспали!» (Чалбак-оол, 25 лет, из племени Саая, живущий на берегу Хемчика) *«Если она не хочет совокупляться, то пусть не совокупляется! В таком случае пусть она тычет себя травой, когда ходит мочиться! Если она не хочет пихаться, то пусть не пихается! В таком случае пусть она тычет себя удилами, когда ходит уздать лошадей!»* (Порака из племени Ондар, живущий на правом берегу Чаданы, 30 лет)

От каждой песни исходит неподдельная страсть или любовное томление. Содержание этих песен следующее: *«Дай сюда свои губы, я пососу их! Дай сюда свои пальцы, я поцарапаю их! Дай сюда свой язык, я пососу его! Дай сюда свои пальцы, я поцарапаю их!»* *«Если бы нашлась девица, имеющая тело молочного цвета. Если бы нашлась девица, любящая пихаться. Если бы нашлась девица, имеющая мягкое тело. Если бы нашлась девица, любящая совокупляться: я бы спал с нею!»*. (34-летний Кыскыдай сумона Ооржак, живущий на правом берегу Чаданы). *«Просеянная каша сама – не нужна! Нужна ты: принеси и покажи рот своего детородного органа! Молотое просо само – не нужно! Нужна ты: принеси и покажи рот детородного органа!»* (Самай из племени Тонгак, 45 лет, живущий близ среднего прииска Гусева на Сесерлиге)

Современному читателю может показаться диковинным, что тувинские эротические песни включают в себя весь набор непристойных, грубых слов, обозначающих совершение полового акта, как «дырка», «совать», «пихать», «колоть», «тыкать» и др. *«Приехавший из Идигета Леонтий пихал и проколел! Он ловил за полы девиц из среды нашей!»* (Тоспан, 25 лет, из сумона Кара-Монгуш, живущий на берегу Ак-Суга) и т. д.

Однако народ, создавший такие песни, не стесняется в выражениях и ярких картинах своей сексуальной жизни, выставляя ее напоказ.

А. Н. Афанасьев в предисловии к своим знаменитым «Русским заветным сказкам» не считал их непристойными: «Никак не могут понять, – говорил он, – что в этих народных рассказах в миллион раз больше нравственности, чем в проповедях, преисполненных школьной риторики»².

В своих «Очерках Урянхайской земли» Н. Ф. Катанов замечал, что «...дети урянхайские развиваются слишком рано, как физически, так и умственно. Уже у 8–9-летнего мальчика есть достаточный запас песен о «чернобровых и милых красотках». Один урянхайский юноша при своей сестре спрашивал меня, охотник ли я до урянхайских девиц; получив отрицательный ответ, немало удивился».

Записи ученого подтверждают, что эротические песни поют, как правило, мужчины всех возрастов (с 10 до 52 лет), всех родов (после каждой эротической песни мы специально указали фамилии информаторов разных родов), в разных кожуунах Тувы. Вариантов их много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста почти без изменения.

Даже в репертуаре мальчика Терезин-Тай, 13 лет, из племени Куулар, имеется интимная тема непристойного содержания: *«Он отлично и прекрасно будет кочевать на Кая-Пажыне, расположенном на широком лугу! Он, черный и бледный, будет тыкать чернобровую девицу, имеющую уже женские зубы!»*

Эротическая тематика присуща практически всем жанрам традиционного фольклора тувинцев. Кроме песен, на эту тему Н. Ф. Катановым собрано и записано несколько загадок, шаманских алгышей и сказка «Куделе»³.

В отличие от песен, в которых все названо своими конкретными именами, тувинские эротические загадки двусмысленны, полны намеков на эротическую тему и глубоко ироничны. Они строятся на обманутом ожидании: исполнитель загадки как бы делает вид, что не догадывается о сексуальном смысле загадки, хотя он заведомо знает, что речь идет об эротике.

Вместе с тем и в самих загадках и отгадках встречаются описания половых органов: *«Колупал-колупал мой член и запаршилвел. – Детородное семья. «На мягком и жирном нет шапки, нет и человека, который бы шил на него шапку! – Мужской детородный член». «Нет зубов у комолой кукушки, нет и человека, который стал бы жевать ее мясо. – Задница человека»* и т. д.

Таким образом, в устном народном творчестве отражена вся культура и быт тувинского народа. Если в реальной жизни с точки зрения нравствен-

ности сексуально-половые отношения квалифицировались как беспутное явление, то в фольклоре они рисуются как наиболее естественное в описываемых ситуациях. Эротическое содержание фольклора вышло из уст народа и записано со слов живых рассказчиков, сказителей, певцов, шаманов без прикрас и прибавок. При исполнении эротических песен за свое путешествие Н. Ф. Катанов не слышал ни шуток, ни улыбки, ни застенчивости, потому что соединение мужского и женского начал для наших древних предков было всеобщим источником жизни. Это – эротика здоровая и естественная в жизни обыкновенного, нормального человека.

Спустя многие годы после Н. Ф. Катанова мы сопоставили материалы фольклорных экспедиций ТИГИ последних лет, особенно записанных в Сют-Хольском кожууне, где ученый

до революции побывал в местностях Манчурек, Ак-Суг, Ишкин, Соруглуг. В результате пришли к выводу, что многие произведения фольклора – песни, загадки, особенно эротическая сказка о Коделее – сохранились до сих пор почти без особых изменений. Это свидетельствует об устойчивости и глубине традиции, об их живом, естественном бытовании.

Остаются ценными и сами труды Н. Ф. Катанова, сохранившие для потомков традиционный образ тувинского народа в его многожанровом устном народном творчестве.

В настоящее время мы уже не в состоянии найти у живых носителей древние жанры фольклора (мифы, обрядовая поэзия и т.д.) наших предков, записанных Н. Ф. Катановым, что еще больше повышает значение его работ для современной фольклористики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / подготовка рукописи к печати, вступ. слово и коммен. А. К. Кужугет – Кызыл, 2011. – 383 с.
2. Русские заветные сказки, собранные А. Н. Афанасьевым. – М., 1991.
3. Катанов, Н. Ф. Предисловие к «Образцам народной литературы тюркских племен» (Спб., 1907) // Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания доктора языкознания Н. Ф. Катанова / сост., перев. стихот. перелож., лит. обраб. А. Преловского. – М., 2003. – С. 7–8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Амзараков Петр Борисович – научный сотрудник сектора археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Анжиганова Лариса Викторовна – доктор философских наук, профессор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Белоглазов Петр Егорович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Бичелдей Кара-оол Алексеевич – доктор филологических наук, директор Тувинского института гуманитарных исследований

Биче-оол Светлана Монгушевна – кандидат исторических наук, зав. сектором социологии Тувинского института гуманитарных исследований

Валеев Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета

Воронина Нина Владимировна – аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета

Дугаржап Арина Тулушевна – научный сотрудник сектора фольклора Тувинского института гуманитарных исследований

Ермилова Валентина Васильевна – научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова

Каскаракова Зинаида Ефремовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Кошелева Альбина Леонтьевна – доктор филологических наук, зав. сектором литературы Хакасского научно-исследовательского инсти-

тута языка, литературы и истории, профессор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Кунгуаа Маргарита Базыр-ооловна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Тувинского института гуманитарных исследований

Кудельская Лилия Аркадьевна – главный библиотекарь Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова

Майнагашева Нина Семеновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Махно Юрий Карпович – доцент

Миклашевич Елена Александровна – старший преподаватель Кемеровского государственного университета

Монгуш Зоя Мытпылаевна – кандидат педагогических наук, библиотекарь Тувинского института гуманитарных исследований

Ондар Бичен Кыргызовна – кандидат филологических наук, доцент Тувинского государственного университета

Орус-оол Светлана Могушевна – доктор филологических наук, зав. сектором фольклора Тувинского института гуманитарных исследований

Сидорина Елена Юрьевна – заведующая научной библиотекой Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова

Смолина Ирина Геннадиевна – кандидат юридических наук, заместитель Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия

Субракова Вия Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Сунчугашев Родион Дмитриевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Тараканова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Трошкина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Тугужекова Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Ховалыг Умар Тимурович – научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований

Чертыкова Анна Алексеевна – кандидат филологических наук, учитель Хакасской национальной гимназии-интерната им. Н. Ф. Катанова

Шаймердинова Нурила Габбасовна – доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л. Гумилева Республики Казахстан

Шамина Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН

Шапошников Георгий Михайлович – кандидат экономических наук, зав. сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Шулбаев Валерий Константинович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады

<i>Смолина И. Г.</i> Значение исследований Н. Ф. Катанова для развития современного востоковедения	3
<i>Валеев Р. М.</i> Н. Ф. Катанов и казанское университетское востоковедение (вторая половина XIX – начало XX века)	7
<i>Тугужекова В. Н.</i> Вклад Н. Ф. Катанова в развитие гуманитарных наук	12
<i>Бичелдей К. А.</i> Николай Федорович Катанов – основоположник тувинской филологии	17

РАЗДЕЛ I. Наследие Н. Ф. Катанова: история и культура

<i>Дацьишен В. Г.</i> Н. Ф. Катанов – воспитанник Красноярской гимназии	20
<i>Шаймердинова Н. Г.</i> Многоаспектность этнографических исследований Н. Ф. Катанова в «Очерках...»	28
<i>Биче-оол С. М.</i> Н. Ф. Катанов среди карагасов (к 150-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова)	32
<i>Алишина Х. Ч.</i> Тобольское наследие профессора Н. Ф. Катанова	37
<i>Ховалыг У. Т.</i> Этнографические исследования Н. Ф. Катанова в Восточном Туркестане	40
<i>Сидорина Е. Ю., Кудельская Л. А.</i> Научные труды Н. Ф. Катанова в собрании научной библиотеки Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова	43
<i>Миклашевич Е. А.</i> Из истории создания музея им. Н. Ф. Катанова в селе Аскиз	44
<i>Монгуш З. М.</i> Библиотека Николая Федоровича Катанова в Турции (история, фонды, автографы на книгах	49
<i>Ермилова В. В.</i> Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова в собрании Минусинского музея	52
<i>Анжиганова Л. В.</i> Человек в традиционном обществе (опыт реконструкции по материалам трудов Н. Ф. Катанова)	55
<i>Шулбаев В. К.</i> Н. Ф. Катанов о численности минусинских татар	59
<i>Трошкина И. Н.</i> О хакасской семье в работах Н. Ф. Катанова	62
<i>Чертыкова А. А.</i> И. М. Штыгашев и Н. Ф. Катанов – современники-просветители	64
<i>Шапошников Г. М.</i> Экономическое положение хакасов в трудах Н. Ф. Катанова и современность	70
<i>Амзараков П. Б.</i> Роль лошади в жизни кочевников Саяно-Алтая по этнографическим и археологическим данным	74
<i>Майнагашева Н. С.</i> Николай Федорович Катанов: путь человека и ученого	77
<i>Махно Ю. К.</i> Малоизвестные страницы творческого наследия Н. Ф. Катанова – первого хакасского ученого-ориенталиста	79

РАЗДЕЛ II. Наследие Н. Ф. Катанова: языки, фольклор и литература тюркских народов

<i>Кызласов А. С.</i> Лексические материалы в трудах Н. Ф. Катанова как источник современного хакасского языка	88
<i>Субракова В. В.</i> Н. Ф. Катанов – исследователь фонетики хакасского языка	92
<i>Белоглазов П. Е.</i> Двусложные глаголы в работе Н. Ф. Катанова «Татарский язык (сагайское наречие)»	96
<i>Шамина Л. А.</i> О предикативном склонении предложений в трудах Н. Ф. Катанова	97
<i>Тараканова И. М.</i> О морфологических явлениях в хакасских текстах (в сравнении с материалами, записанными Н. Ф. Катановым)	101
<i>Сунчугашев Р. Д.</i> Отантропонимические ойконимы Хакасии в трудах Н. Ф. Катанова	104

<i>Каскаракова З. Е.</i> Растительная лексика в «Кратком сагайско-русском словаре» Н. Ф. Катанова	107
<i>Ондар Б. К.</i> Н. Ф. Катанов и тувинская ономастика.....	110
<i>Кошелева А. Л.</i> Теоретико-методологические проблемы и направления исследования транснациональной литературы и межлитературных взаимодействий	113
<i>Кунгаа М. Б.</i> Образ родины в песенной поэзии тувинцев (на материале записей Н. Ф. Катанова)	123
<i>Дугаржап А. Т.</i> Загадки, собранные Н. Ф. Катановым в Туве	126
<i>Воронина Н. В.</i> Наследие Н. Ф. Катанова и современная хакасская литература: сравнительный анализ хакасской народной сказки и стихотворной притчи В. К. Татаровой	130
<i>Орус-оол С. М.</i> Эротический фольклор в дореволюционной Туве, собранный Н. Ф. Катановым	137

Научное издание

**НАСЛЕДИЕ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО, ТЮРКОЛОГА,
ДОКТОРА СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ВОСТОКОВЕДА
НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА КАТАНОВА**

Материалы
Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения ученого
16–19 мая 2012 г.

Том I

Редакторы:

В. В. Чезыбаева, О. П. Субракова

Компьютерное обеспечение:

Л. Г. Топова

Подписано в печать 10.05.2012. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 18,25.

Тираж 200 экз. Заказ № 7

Макет подготовлен ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.

Тел./факс: (3902) 24-30-39